

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 25 ИЮНЬ 1984

Во время совещания.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ СТРАН—ЧЛЕНОВ СЭВ НА ВЫСШЕМ

Делегация Союза Советских Социалистических Республик на совещании.

Фото В. Егорова (ТАСС)

УРОВНЕ

Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

12 июня в Москве открылось Экономическое совещание стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи на высшем уровне. Совещание открыл приветственной речью Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко.

В Совещании участвуют делегации: Народной Республики Болгарии во главе с Генеральным секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета Народной Республики Болгарии Тодором Живковым;

Венгерской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Яношем Кадаром; Социалистической Республики Вьетнам во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Вьетнама Ле Зуаном;

Германской Демократической Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии, Председателем Государственного совета Германской Демократической Республики Эрихом Хонеккером;

Республики Куба во главе с членом Политбюро ЦК Коммунистической партии Кубы, заместителем Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба, постоянным представителем Кубы в СЭВ Карлосом Рафаэлем Родригесом;

Монгольской Народной Республики во главе с Генеральным секретарем ЦК Монгольской народно-революционной партии, Председателем Президиума Великого Народного хурала Монгольской Народной Республики Юмжагийн Цеденбалом;

Польской Народной Республики во главе с Первым секретарем ЦК Польской объединенной рабочей партии, Председателем Совета Министров Польской Народной Республики Войцехом Ярузельским;

Социалистической Республики Румынии во главе с Генеральным секретарем Румынской коммунистической партии, Президентом Социалистической Республики Румынии Николае Чаушеску;

Союза Советских Социалистических Республик во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Советского Союза, Председателем Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик К. У. Черненко;

Чехословацкой Социалистической Республи-

ни во главе с Генеральным секретарем ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президентом Чехословацкой Социалистической Республики Густавом Гусаком.

На совещании 12 июня председательствовали: на утреннем заседании — товарищ Т. Живнов, на вечернем — товарищ Я. Кадар.

На совещании обсуждаются важнейшие вопросы экономического развития и сотрудничества братских стран. Выступили товарищи К. У. Черненко, Т. Живнов, Я. Кадар, Ле Зуан, Э. Хонеккер, К. Р. Родригес.

В начале заседания участники совещания почтили память видного деятеля итальянского и международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэра.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 25 (2970)

16 ИЮНЯ 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

На снимке: во время беседы.

Фото В. Мусаэльяна,
Э. Песова (ТАСС)

В ОБСТАНОВКЕ ДРУЖБЫ И СЕРДЕЧНОСТИ

11 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко встретился с Ге-

неральным секретарем ЦК КПВ Ле Зуаном и членом Политбюро ЦК КПВ, Председателем Совета Министров СРВ Фам Ван Донгом.

В ходе беседы состоялся обмен информацией по ключевым проблемам внутренней и внешней политики Советского Союза и Вьет-

нама, было выражено полное единодушие в оценке современного положения в мире. Было указано, что источником опасного развития ситуации остается политика наиболее агрессивных сил империализма, прежде всего США и их пособников, делающих ставку на достижение военно-стратегического превосходства над странами социализма, на то, чтобы диктовать свою волю другим государствам и народам.

Стороны осудили опасные планы США и их союзников по милитаризации азиатского региона и бассейна Тихого океана, по превращению этого обширного района в арену политической и военной конфронтации.

Встреча прошла в сердечной, товарищеской обстановке.

На встрече присутствовали: с советской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС В. В. Шаралов; с вьетнамской стороны — помощник Генерального секретаря ЦК КПВ Донг Нгак.

От Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

Центральному Комитету Итальянской коммунистической партии

Дорогие товарищи!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза с глубоким прискорбием узнал о кончине видного деятеля итальянского и международного коммунистического и рабочего движения, Генерального секретаря Итальянской коммунистической партии Энрико Берлингуэра.

В лице Энрико Берлингуэра рабочий класс, все трудящиеся Италии потеряли испытанного борца за жизненные интересы трудо-

вого народа, горячего патриота своей родины, борца за мир, демократию и социальный прогресс.

ЦК КПСС выражает Центральному Комитету Итальянской компартии, всем коммунистам Италии глубокое соболезнование в связи с кончиной Э. Берлингуэра.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

Коммунистическая партия Советского Союза со своей стороны будет и впредь делать все возможное для дальнейшего развития братских отношений с Итальянской коммунистической партией, борющейся за интересы рабочего класса, за мир и социализм.

Светлая память о Э. Берлингуэре — замечательном сыне итальянского народа — навсегда останется в наших сердцах.

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

От имени Центрального Комитета нашей партии и от себя лично прошу Вас принять выражение нашего глубокого соболезнования в связи с постигшей Вашу семью и братскую Итальянскую компартию большой утратой — кончиной Энрико Берлингуэра.

Светлая память о Энрико Берлингуэре — видном деятеле итальянского и международного коммунистического и рабочего движения — навсегда сохранится в наших сердцах.

К. ЧЕРНЕНКО

Товарищу Летиции БЕРЛИНГУЭР

Светлая память о Энрико Берлингуэре — замечательном сыне итальянского народа — навсегда останется в наших сердцах.

От имени Центрального Комитета нашей партии и от себя лично прошу Вас принять выражение нашего глубокого соболезнования в связи с постигшей Вашу семью и братскую Итальянскую компартию большой утратой — кончиной Энрико Берлингуэра.

К. ЧЕРНЕНКО

ДЕНЬ ПАМЯТИ

22 июня 1941 года... Убежден, что в биографии нашей страны нет даты более драматической, ибо она открыла горестный счет в двадцать миллионов жизней, погибших в боях за великую Победу над фашистскими захватчиками. Это если не считать детей и внуков, которые могли бы у них родиться. Ведь безжалостная вражеская пуля, обрывая жизнь человека, подобна топору, срубающему не только дерево, но и десятки, сотни побегов, которые могли расцвести на этом дереве.

Пока живешь и видишь яркое июньское солнце, никогда не забыть ни жизни твоих друзей, ни свою собственную, уже сорок три года отшагавшую от первых часов и дней войны. На пятые сутки войны вместе с солдатами и офицерами нас, нескольких ростовских писателей, вскоре составивших ядро газеты «К победе» 19-й армии, командующим которой был назначен генерал-лейтенант Иван Степанович Конев, эшелонам отправили курсом на Киев, затем на Черкассы, а уже оттуда на Смоленск.

Именно там, под Смоленском, начались боевые действия нашей армии, причем в невероятно трудных условиях. Не могу не процитировать собственные стихи, которые написал там, на окровавленной смоленской земле, и чуть позже, уже после ранения, в военном госпитале в Москве. Стихи были названы «История полка».

Она началась под Смоленском,
Там первая вышла глава —
Когда на лугах деревенских
Шуршала в пожаре трава.

Мы челюсти молча сжимали,
Когда в полосе фронтовой
Суровые главы писали
Полком в ноябре под Москвой.

Страница ложится к странице,
Предела истории нет —
История снова стремится
На запад дорогой побед.

И все, кто остались, услышат
Про славный наш воинский труд —
Тогда нас подробно опишут
И номер полка назовут.

Сейчас, в дни предпоследней перед 40-й годовщиной Победы, мы, старые фронтовики, особенно волнуемся.

Девятого мая, идя по московским улицам, влившись в людскую реку, текущую по Крымскому мосту в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького — традиционное место встречи ветеранов, вглядывался я в лица моих ровесников и братьев по судьбе, в щедрую россыпь наград на груди у одних и более скромных, но от этого не менее драгоценных медалей у других, в выгоревшие и потертые от времени, но любовно сохранные старые мундиры и гимнастерки на плечах ветеранов, от вида которых перехватывало горло. В этот день изборожденные временем и испытаниями лица как-то по-особому освещали отблеск великой Победы, высокое чувство исполненного долга перед Родиной, неизбывную, глубоко затаенную печаль по близким и дорогим людям, которых унесла война.

В этот день память моя упрямо возвращалась к тому страшному дню, который расколол мирное небо над нашей страной, одел ее сыновей и дочерей в солдатские шинели. Да, он был тяжек, тот день. Но — и это не парадокс! — уже в нем таились зерна будущей Победы. Конечно же, в первые часы и дни войны мы испытали гнев, боль за судьбу родной земли, за своих близких, за горесть первых потерь. Для всех от мала до велика путь был один: сражаться с врагом на фронте и в тылу и победить. Вся буря чувств, переживаемых нашим народом в эти грозные часы, как бы соединилась в скупых, исполненных потрясающей силы мужества и веры строках Заявления Советского правительства 22 июня 1941 года:

«...Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами. Вспоминаю еще одно свое тогдашнее короткое стихотворение:

Под березою был похоронен комбат.
Мы могилу травой укрыли...

В ствол березы ударил снаряд,
И береза упала к могиле.

И ветвями своими припала к траве,
Серебристой корою в накрапах,
И вершиной своею — к его голове,
Обращенной и в смерти на запад.

Так лежала она, прикрывая собой
Свежий холмик могильной земли,
И ее ни снаряды, ни вихрь огневой
Оторвать от него не могли.

И все же мы тогда еще не представляли, что путь к Победе будет таким долгим и многотрудным. Мирным людям трудно было сразу осознать чудовищную убийную силу и методичное изуверство гитлеровской военной машины. В этом еще раз убеждаешься, спрашивая сегодня ветеранов о том, где застала их война, о чем они в этот момент думали, что делали ровно сорок три года назад они, тогда молодые и совсем юные граждане нашей Отчизны.

Лидя Короткова (Черная) из Урюпинска, получив аттестат зрелости, работала на заводе. Мечтала стать летчицей. Вместе с братом Евгением добровольно ушла на фронт. Воевала под Сталинградом, прошла боевой путь в 3-й Гвардейской армии Первого Украинского фронта.

Нынче 9 Мая она стояла в Москве перед воротами ЦПК и О имени Горького с самодельным плакатиком, на котором были наклеены пожелтевшие фотографии брата, командира роты тяжелых танков, пропавшего без вести на Курской дуге. Может быть, кто-нибудь увидит, подойдет, расскажет...

Петр Федорович Саламахин, артиллерист, оборонявший Москву, в дальнейшем офицер Первой Польской армии, был трактористом, строил Ферганский канал, мечтал выучиться на инженера.

Мардон Аббасов из Таджикистана ушел на фронт шестнадцатилетним прямо со школьной скамьи. Сейчас у него одиннадцать детей, из них два пограничника и один танкист, четыре внука. Самое заветное желание?

— Ничего не хочу, кроме мира. Пусть мои дети никогда не увидят того, что видел я.

Восемнадцатилетнюю Анастасию Васильевну Трофимову война определила в связистки и довела до Берлина. В первый день войны из их семьи ушло на фронт восемь человек: отец, дядя, два брата, четыре сестры, — пятеро из них погибли. При воспоминании о 22 июня она не может говорить, только плачет.

Олимпиада Сергеевна Решетникова жила и работала на руднике

Спустился сорок лет...

Фото И. Гаврилова

«Коммунар» в Хакасии. Первый ее фронтовой снимок: худенькая девочка, утонувшая в солдатской шинели и каске не по размеру. Ей восемнадцать. Она комсорг мотострелкового батальона. Всю дальнейшую жизнь отдала Дальневосточному пароходству, где работает и поныне, выйдя на пенсию.

...Я веду речь о людях, что называется, обыкновенных, с их собственной точки зрения «ничего особенного» не сделавших, не ставших знаменитыми военачальниками, а, напротив, мечтавших о совершенно мирных профессиях. Но как же велик скромный воинский подвиг каждого из таких людей!

«В русском человеке,— писал Алексей Толстой,— есть черта: в трудные минуты жизни, в тяжелые годы легко отрешаться от всего привычного, чем жил изо дня в день. Был человек — так себе, потребляли от него быть героем — герой... А как же может быть иначе?»

Да, иначе быть не может. Это доказали советские люди в те тяжелые годы фашистского нашествия. Это докажут и теперь, если у новоявленных завоевателей мира появится желание реализовать свои безумные, преступные планы. Залог тому — живая связь времен, преемственность поколений, принявших от отцов, дедов и теперь уже прадедов наказ больше всего на свете любить, беречь и защищать родную землю. Вот передо мной письмо украинского школьника Жени Елфимова из города Белая Церковь. К письму приложена фронтовая фотография, с которой на нас пылливо смотрит молодой командир Красной Армии Владимир Елфимов — Женин дед.

С радостью и волнением читаю письмо десятиклассника. «Мои родные: дед — лейтенант, комиссар роты 690-го стрелкового полка 126-й стрелковой дивизии Владимир Яковлевич Елфимов и прадед — рядовой Никифор Иванович Сокол ушли на войну в первый день, но, к сожалению, не дожили до последнего... Вражеские пули оборвали их жизни еще в грозном 43-м. О них я и хочу немного рассказать читателям вашего журнала. Рассказ свой я хочу назвать так: «Мы в долгу перед ними».

Каждый человек,— продолжает Женья,— родившийся на свет, когда становится взрослым, чувствует, что он в долгу перед родителями и Родиной за то, что ему дали жизнь, вырастили и воспитали его, за то, что он стал человеком. Но за то, что сегодня мир и счастье окружают нас, мы вдвойне в долгу перед нашими дедом и прадедами. И чем дальше уходит эхо минувшей войны, тем крепче мы должны помнить о мужестве и героизме русского солдата, а если потребует Родина, не пожалеть сил и даже самой жизни для защиты Отечества и завоеваний Великого Октября. Так было раньше, так будет и дальше».

Юноша подробно рассказывает о своем деде, секретаре комсомольской организации колхоза, добровольно ушедшем в Красную Армию.

«Обо мне не плачьте,— сказал он молодой жене, матери и родственникам,— ведь я иду защищать любимую Родину, а кто не любит свою Родину, тот и мать свою не любит».

В первый же день войны ушел добровольцем и его прадед Никифор Иванович, 1900 года рождения. «Так из одного гнезда вылетели два сокола,— рассказывает Женья,— вылетели и больше не вернулись. Отнял их у нас проклятый фашизм. На хате, в которой сейчас живет наша уважаемая бабушка Вера Никифоровна, закреплены на фасаде две красные пятиконечные звезды. И будут эти звезды гореть вечным огнем и никогда не погаснут. Умрем мы, но о них будут знать наши дети, внуки, правнуки...»

Как радостно видеть в совсем еще юном человеке такую зрелость гражданской мысли, такое чувство родства и исторической памяти! И всем этим Женья во многом обязан отцу, Ивану Владимировичу, которому через пятнадцать лет неустанных поисков, переписки с Центральным архивом Министерства обороны СССР, с однополчанами отца и деда, с красными следопытами из клуба «Дзержинец» средней школы № 4 города Пролетарска Ростовской области удалось найти место гибели лейтенанта Елфимова. В 1982 году в канун Дня Победы это имя было дописано на мемориальной доске братской могилы в центре города Пролетарска, что на Донщине.

На наших глазах поиск безвестно погибшего воина вышел из рамок семьи, стал захватывать, приобщать к этому благородному делу все больше и больше совсем чужих, посторонних семье Елфимовых людей и, наконец, превратился в явление высокого общественного, патристического значения.

Отец Жени стал желанным гостем в школе № 4 Пролетарска, в школе и музее С. М. Буденного в станице Буденновской, где живут однополчане Елфимова-старшего Александр Константинович Зуев, Дмитрий Степанович Муштаев, у родителей следопыта Ирины Дадонной, в райвоенкомате, районном комитете партии. А в коллективе кирпичного завода, на территории которого погиб в жестоком бою лейтенант Елфимов, состоялся митинг, посвященный приезду Ивана Владимировича Елфимова, его родным были переданы подарки. Не могу не привести еще несколько строк из письма Елфимова-младшего.

«Несмотря на то, что уезжал папа из Пролетарска ранним утром, проводить его пришло очень много пролетарцев. Они передавали привет нам, родственникам, всему украинскому народу и обещали, что тропа к братской могиле героев не зарастет никогда. Там всегда будут цветы. И сказал тогда отец, что наша многонациональная держава сильна бескорыстной дружбой всех своих народов и ее не победить никакому врагу».

Горжусь Женей Елфимовым и верю, что он обязательно осуществит свою мечту и станет военным журналистом — они нужны и в мирное время. Горжусь своими земляками-пролетарцами из Ростовской области, их неоценимым вкладом в сохранение памяти о героях войны. Верю, что таких отцов, как Иван Владимирович Елфимов, передавших все лучшее от своего отца своему сыну, у нас много. Вот вам живой укор родителям, жалующимся на равнодушие, эгоизм и ограниченность своих детей, убедительное доказательство того, что наши дети — наша копия, что усваивают они и берут с собой в жизненный путь только то, что даем им мы сами.

А всегда ли ваши дети помнят, как зовут их погибших дедов и какими они были в первый день войны? В Москве, во Дворце пионеров Фрунзенского района, есть хоровой ансамбль, поющий на французском языке, который называется «Юные спутники песни». 9 Мая девочки пришли на Кропоткинскую набережную, к дому, в котором в годы войны формировалась эскадрилья «Нормандия — Неман». Здесь собрались ветераны-летчики, французские гости. Девочки приветствовали их, вручили цветы. А потом корреспондент спросил некоторых об их собственных дедушках. Оказалось, не все знают, не только где те воевали, погибли, а даже их отчество. Для Кати Киктевой, например, ее погибший дед так просто и значит, как Алексей Ефимов. Не забываем ли мы в будничной суете, в стремлении преуспеть, добиться в жизни чего-то лучшего о самом важном, без чего все остальное не имеет смысла, — о чувстве гражданственности, которое завещали нам те, кто отстоял нашу землю, и которое мы обязаны передать своим детям и внукам?

Вот строки из фронтовых воспоминаний Зинаиды Алексеевны Дадонашвили (Громовой) из Кутаиси:

«Когда младший сын был маленьким, он любил прикреплять мои военные награды к своей рубашке и ходить так по комнате, выпячивая грудь. Теперь, когда сын вырос, а я состарилась, награды стали предметом пристального внимания моего семилетнего внука Андрея. Но он не прикрепляет их, а внимательно разглядывает каждую и задает мне вопросы:

— Бабушка, а ты сколько врагов убила?

— Ни одного,— отвечаю я.

— Как же так? — удивляется Андрей. — Зачем же ты тогда была на фронте?

И я рассказываю Андрею истории, связанные с каждой моей наградой.

Меня мобилизовали на фронт в первый день войны. Перед этим я окончила фармацевтический техникум и получила звание помощника провизора. На войне меня назначили начальником медицинского снабжения стрелковой дивизии и присвоили звание старшего лейтенанта медицинской службы».

Думаю, что для маленького Андрея жизнь его замечательной бабушки, честно прошедшей всю войну, работающей и поныне старшим инженером конструкторского бюро производственного объединения «Грузуголь», воспитавшей двух сыновей и растящей, кроме Андрея, еще трех внуков, непременно станет частью собственной биографии, поступков и убеждений.

Но та же Зинаида Алексеевна с горечью поведала нам в своем письме о том, что однажды она описала один из эпизодов своей фронтовой жизни и послала его в столичный молодежный журнал. И что же, вы думаете, ей ответили?

«Оттуда, как и следовало ожидать, получила разгромную рецензию, но не это меня расстроило. Огорчило то, что рецензент (видимо, очень молодой человек) имеет сугубо абстрактное представление о войне и усомнился буквально во всем...»

В его рецензии были и такие слова, как «провал памяти» и «...для союзного журнала нужны яркие подвиги и воспоминания выдающихся людей» и т. д. В наше время мы все были равны перед смертью — и выдающиеся и невыдающиеся. А пишу вам потому, что боюсь, как бы наши милые, дорогие молодые люди не сделали бы из войны сусальной картинки, где все друг другу улыбаются и воюют по книжным правилам. Это будет большая беда».

Я полностью разделяю опасения Зинаиды Алексеевны и хотел бы снова повторить то, о чем писал недавно в «Огоньке» в статье «Время отдавать долги». Пусть не все наши ветераны литературно одарены и образованы, — в словах ветеранов, в их строках дышит жизнь, боль, победа человеческого духа. Они бесценное достояние нашей истории. С ними нельзя говорить со своего «литературного высокого» (да и так ли уж высока эта «высота»?), позволять себе равнодушие, а тем более безтактность. Это не в правилах тех, кто служит советской литературе.

Рекомендовал бы некоторым таким «педагогам», которые берутся оценивать литературу о войне, и уж подавно тем, кто ее пытается создавать, не участвовав в ней, повнимательнее, поглубже знакомиться с документами военных лет.

«Каждый советский писатель готов все свои силы, всю свою кровь, если это понадобится, отдать делу священной народной войны против врагов нашей Родины!» — говорилось в резолюции митинга писателей Москвы, состоявшегося 22 июня 1941 года.

Сегодня я вспоминаю тех, кто потом подписался под этими словами: Ю. Крымов, В. Ставский, А. Гайдар, И. Уткин, Н. Майоров, В. Багрицкий, Е. Петров... Другие писатели. Из других городов. Почти никого из них уже не осталось в живых.

Это они из своего фронтового бессмертного далека завещали нам, литераторам и журналистам сегодняшнего дня, по крупице, по слову бережно восстанавливать величественную эпопею народного подвига, сохраняя при этом неповторимость каждого из ее участников, а не только «выдающихся».

В подтверждение этой мысли привожу строки письма З. Волковой о том, как война пыталась изломать души детей первого года: «Война застала меня в пионерском лагере за тридцать километров от Ярцева. Был солнечный день, вдруг слышим по радио о том, что фашистская Германия на нас напала. Сразу прервались игры, замолк смех, лица стали суровыми. Спали тревожно. На рассвете прилетел фашистский бомбардировщик и сбросил на школу три бомбы. Наутро надо было уходить. Мы шли группами по четыре девочки. Держались ближе к лесу. Добрались до переправы. Дедушка на лодке перевозил людей — из города шли женщины, дети, старики...»

Вдруг появились в небе вражеские самолеты и стали расстреливать людей из пулеметов...

Потом мы, детвора, привыкли к гулу, различали, когда бьют наши, когда враги. Радовались, когда стреляли по фашистским самолетам

ВТОРОЙ ФРОНТ: ПОЛИТИКА И ИСТОРИЯ

Сергей ЛОСЕВ

Две даты — 40-летие открытия второго фронта и 35-летие создания агрессивного блока НАТО — удосужились на Западе отметить почти одновременно. Причем вторая дата наложила свой мерзкий отпечаток на первую, дорожную для народов всех стран — участниц антигитлеровской коалиции.

По-видимому, поэтому мы стали в июне свидетелями таких не укладывающихся в сознании «эпизодов», как вручение заместителем мэра французского городка Байе почетной медали... бывшему фашистскому генералу Хармелю, командиру танковой дивизии СС, которая оставила кровавый след во Франции, СССР и Польше, а летом 1944 года вела бои против высадившихся в Нормандии войск союзников.

Или другой свежий пример. Автор книги «Операция «Оверлорд», день «Д» британский историк Хастинг начал свойopus дифирамбами гитлеровским войскам. Автор именует их «самой великой армией всех времен», превозносит «моральный дух армии, противостоявшей угрозе с Востока и сражавшейся за спасение (!) своей страны от гибели». Он втаптывает исторические события в грязь беспардонных инсинуаций, изображая как... «угрозу с Востока» освободительную миссию Советской Армии, избавившей Европу и весь мир от «коричневой чумы». Провокатор разглагольствует о «грядущей войне», которая, по его словам, начнется «советским вторжением» в Западную Европу. И вот тут-то, рассуждает он, «солдатам западных армий придется видеть пример для подражания в германском вермахте, в его стойкости и самопожертвовании».

Что все это — нелепые случайности? Нет, это не что иное, как отражение нынешнего курса вашингтонских правящих кругов. Они постарались использовать юбилей нормандской десантной операции как повод для проведения враждебной кампании с целью принизить роль СССР во второй мировой войне и выпятить роль США, чтобы попутно оправдать линию давления администрации Рейгана на своих союзников, безумный и бесперспективный курс США на обеспечение военно-политической гегемонии в Европе и военно-политического превосходства в мире.

Ради этих низменных целей пытаются стереть в памяти поколений историческую правду о сотрудничестве СССР, США, Великобритании и Франции в борьбе против фашизма, внушить западной общественности, что к советскому народу, их тогдашнему союзнику, надо относиться теперь как к заклятому врагу.

Ведь не случайно же Р. Рейган подверг цензуре генерала

Дуайта Эйзенхауэра. 40 лет назад главнокомандующий союзными экспедиционными силами в своем радиообращении особо подчеркнул, что высадка в северо-западной Франции является частью общего плана освобождения Европы, осуществляемого «совместно с нашими великими русскими союзниками». Это было по меньшей мере справедливо: ведь на советско-германский фронт пришлось более 73 процентов всех потерь немецко-фашистской армии и три четверти потерь в танках, авиации и артиллерии. К началу июня 1944 года против Советского Союза воевали 239 дивизий противника, а во Франции, Бельгии и Голландии оставалось лишь 58 немецко-фашистских дивизий. Благодаря этому американские и англо-канадские войска имели при форсировании Ла-Манша подавляющее превосходство над силами вермахта.

Нынешний президент США в своей юбилейной прокламации, разумеется, не вспомнил о решающей роли Советской Армии. Более того, цитируя радиообращение Эйзенхауэра, Рейган вымарал его слова о «великих русских союзниках». Эти слова изъяты из обращения «Айка» и в сборнике Пентагона, приуроченном к 40-летней годовщине.

Но фальсификаторам историю не переписать!

Президент Франции Ф. Миттеран, выступая на торжественной церемонии в Нормандии, отметил вклад СССР в разгром фашистской Германии. «Мы вновь приветствуем, — сказал он, — героизм русского народа, армии которого перешли 10 июня 1944 года в наступление и взломали вплоть до Черного моря немецкий фронт, сковав тем самым на Восточном фронте миллионы немецких солдат».

Генерал французских ВВС в отставке Ж. Риссо напомнил, что именно на Восточном фронте была решена судьба всей второй мировой войны. «Мы бережно храним братство по оружию, родившееся в тяжелые, но славные годы совместной борьбы против гитлеровских захватчиков», — сказал в интервью корреспонденту ТАСС генеральный секретарь ассоциации бывших летчиков авиационного полка «Нормандия — Неман» отставной майор ВВС И. Эйхенбауэр.

Со своей стороны, советские люди отдадут должное солдатам, матросам и офицерам союзных войск, бойцам движения Сопротивления, не жалевшим сил, чтобы приблизить Победу. Не их вина, что открытие второго фронта оттягивалось на два с половиной года.

Нельзя, однако, согласиться со сказанными Р. Рейганом в Нормандии словами, будто единственная территория, которую США сейчас занимают, «это мемориал вроде того, перед которым я стою». США имеют теперь более полутора тысяч военных баз и объектов на территории 32 государств, где дислоцировано 550 тысяч американских солдат. В ФРГ, территорию которой Пентагон считает основным плацдармом для подготовки агрессии против стран Варшавского Договора, размещено 235 тысяч американских военных, развернуты ракеты «Першинг-2» первого удара.

Готовя второй фронт против СССР, Пентагон создал в Южной Корее, Японии и на Филиппинах свыше 300 военных баз, сколачивает милитаристский треугольник Вашингтон — Токио — Сеул и развернул на Дальнем Востоке вторую по мощи группировку американских вооруженных сил.

Игнорируя настоятельные конкретные предложения Советского Союза незамедлительно приступить к официальным переговорам для достижения соглашения о полном запрете противоспутникового оружия, США стремятся распространить гонку вооружений на космическое пространство. Как подчеркивается в ответах К. У. Черненко на вопросы американского журналиста Дж. Кингсбери-Смита, «договариваться по этим вопросам нужно безотлагательно, пока космическое оружие не развернуто, пока не сделан непредсказуемый по своим последствиям рывок в гонке космических вооружений. Завтра может быть поздно».

Тому, кто делает ставку на достижение военного превосходства, будь то на земле или в космосе, не следует забывать уроки второй мировой войны. А они убедительно показывают, что попытки решить с помощью силы исторический спор с социализмом кончаются плачевно для претендентов на мировое господство.

наши зенитки. Ныряли в окопы, заслышав вой гитлеровских снарядов. Как-то в окопах братишка сказал мне:

— Все равно мы победим. Я слышал, как тетки говорили, что видели летящий огненный шар, немножко не долетев до Москвы, он повернул обратно. Это значит — Москва победит. Сталин соберет больше самолетов, танков и погонит Гитлера обратно.

— Ты, Зойка, веришь? — спросил он.

— Верю.

— И я верю! Еще не было такого, чтобы Россию победили!

Эти строки — память детей, у которых 22 июня сорок первого года кончилось детство.

22 июня 1941 года родилась великая песня Василия Ивановича Лебедева-Кумача:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,—
Идет война народная,
Священная война! —

которую тут же запели все советские люди.

«Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то

дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда», — писал Владимир Ильич Ленин.

Помнится, уже в госпитале родились у меня строки — чувства, которыми мы жили в те грозные дни:

Нам предстоит еще немало
Ходить дорогами войны,
В лесах, заснеженных, усталых,
Не слышать в полдень тишины,

Детей не видеть в колыбели,
Шинелей серых не снимать,
Не разуваться две недели
И через сутки стоя спать.

Но этот путь уже не страшен —
Мы не умрем, мы будем жить!..
Мы написали кровью нашей
Веленье сердца: победить!

22 июня 1941 года — это не только день нашей великой горестной памяти. Это день предостережения нашим врагам, которых ничему не научили факты истории.

Кто так мечтает наживаться —
Сам тоже может подорваться!

Рисунок М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

М. Абрамов 84.

ОПЕРАЦИЯ «К энд К»

КАК РАСПРАВЛЯЮТСЯ С «ИНАКОМЫСЛЯЩИМИ» ВАШИНГТОНСКИЕ РЕВНИТЕЛИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Юрий КОРНИЛОВ

Больше шести недель длится голодовка, объявленная в тюрьме Леонардом Пелтиером, и, может быть, сейчас, когда пишутся эти строки, уже не дни, а часы отделяют его от трагического конца. Кто же такой Л. Пелтиер, почему приковано к нему столь большое внимание прогрессивной американской общественности? Это широко известный в США, да и не только в США, мужественный борец за гражданские права, который еще более десяти лет назад возглавил движение американских индейцев племени сиу, протестовавших против притеснений и произвола властей. В 1976 году он был брошен за решетку и по нелепому, явно сфабрикованному обвинению приговорен к пожизненному заключению. Но тюрьма не сломила решимости Пелтиера. Сейчас, восемь лет спустя, он продолжает борьбу, и голодовка протеста — его оружие...

Ныне, когда до президентских выборов в США осталось менее полугода, а мощный рекламно-пропагандистский маховик предвыборной кампании все больше набирает обороты, властвующие в Вашингтоне, а вслед за ними и вся тщательно контролируемая сверху машина буржуазной пропаганды с особым рвением превозносят «великие принципы свободы», якобы торжествующие в США, буквально из кожи лезут вон, пытаются представить Соединенные Штаты в качестве такого «бастиона демократии», «оплота прав человека». Но и монбланы лжи не в состоянии скрыть правду! А правда состоит в том, что именно нынешние вашингтонские «крестоносцы», сделавшие ставку на силу, на ядерную дубинку на международной арене, с небывалым усердием культивируют милитаризм и террор, шовинизм и насилие и внутри страны. Правда состоит в том, что именно «команда Рейгана», оперируя заведомо клеветническими вымыслами о мифической «советской угрозе», якобы нависшей над Соединенными Штатами, разжигает антикоммунизм и насаждает в стране атмосферу «осажденной крепости», в которой легче и проще под предлогом «обеспечения национальной безопасности» растаптывать последние остатки демократии. «Зловещие параллели: конец свободы в Америке» — так назвал свою книгу о США известный американский ученый, профессор нью-йоркского университета Л. Пейкофф. Тщательно проанализировав обстановку в Соединенных Штатах и сопоставив ее с положением в Германии в канун и после захвата власти фашистами, он с полным основанием приходит к выводу, что сегодняшняя Америка, как некогда нацистский рейх, во все большей мере превращается в военно-полицейское государство.

Безжалостные расправы с «инакомыслящими», выступающими за обуздание развязанной Вашингтоном безумной гонки вооружений, за право на труд, против вопиющей социальной несправедливости, расизма и нищеты, всегда были неотъемлемой составной частью американской «демократии», пресловутого «американского образа жизни», но никогда еще эти расправы не вершились столь жестоко и в столь массовом масштабе, как ныне! Еще в 70-е годы Э. Янг, в ту пору — постоянный представитель США при ООН, во всеуслышание признавал, что в США насчитываются тысячи политических заключенных. Сколько их томится в американских тюрьмах теперь! Официальный Вашингтон держит эти данные под семью замками. Но вот перед на-

ми сообщение американского журнала «Спотлайт»: 5 апреля нынешнего года Белый дом издал секретную директиву, касающуюся реализации разработанного в Вашингтоне проекта «Рекс-84» и предусматривающую форсированное сооружение на территории США десяти гигантских охраняемых войсками концлагерей. Четыре «главных концлагеря», которые будут находиться в Форт-Чэппи [Арканзас], Форт-Драм [Нью-Йорк], Форт-Индиан Гэп [Пенсильвания] и Кэмп-А. П. Хилл [Вирджиния], рассчитаны на 25 тысяч заключенных каждый, другие — на 15 тысяч человек. Как явствует из материалов, оказавшихся в распоряжении «Спотлайт», в рамках проекта «Рекс-84» меры «К энд К» [«Кэпчер энд кастеди» — «поймка и заключение»] намечается применить к весьма широкому кругу лиц: политическим противникам строя, людям, критикующим правительство, так называемым «незаконным иммигрантам» и всем тем, кого администрация по каким-либо причинам «сочтет опасными». Невиданная по масштабам даже во времена Маккарти «охота на ведьм», которая, по свидетельству журнала, уже полным ходом готовится в США, — такова еще одна «визитная карточка» сегодняшней Америки.

Продолжая и наращая массированное наступление на прогрессивные организации, на права трудящихся, американские монополии и верный выразитель их интересов — официальный Вашингтон стремится «закрепить» произвол в юридическом порядке, возвести его в ранг закона. Именно так действовал Белый дом в 1981 году, когда он дал команду разгромить «взбунтовавшийся» профсоюз авиадиспетчеров и вышвырнуть за ворота свыше 11 000 его членов, и в 1982 году, когда он объявил «незаконной» общенациональную забастовку машинистов.

Одна из главных опор системы узаконенного государственного произвола, которая установлена в США, дабы охранять удобные и выгодные господствующему классу порядки, — репрессивно-карательные органы, спецслужбы, охранка. И именно «команда Рейгана», оказавшись у рычагов власти, принялась с особым рвением «укреплять» эти органы, отменив даже те куцые ограничения, которые под давлением общественности были установлены в отношении ЦРУ и ФБР предыдущими администрациями, и опутав страну сетью тотального всепроникающего сыска. Ныне только в ФБР собраны досье на 34 миллиона американцев, которые якобы «представляют потенциальную угрозу»; иными словами, под колпаком охраны находится большая часть взрослого населения страны!

«Все люди сотворены равными», — говорится в Декларации независимости США, которую так любят цитировать иные высокопоставленные вашингтонские политики, поучая всех и вся «основам демократии». При этом они забывают сказать, что в «стране всеобщего благоденствия и равенства», а именно таковой изображает США официальная вашингтонская пропаганда, насчитывается 400 миллионеров, которых американский журнал «Форбс» недавно зачислил в касту «сверхбогатей Америки», и более 10 миллионов людей, находящихся «вне сферы занятости», лишенных капитализмом одного из основных прав человека — права на труд. Они забывают сказать, что в то время, как среди 100 руководящих деятелей нынешней администрации каждый четвертый, включая самого президента, — миллионер, в стране, которой эта администрация управляет, свыше 30 миллионов человек живут, по свидетельству самой же американской печати, «ниже уровня бедности», более 40 миллионов граждан, страда-

ющих от недоедания, и почти три миллиона бездомных.

И еще несколько цифр и фактов. Как сообщает американская печать, прибыли девяти крупнейших военно-промышленных корпораций США в 1983 году почти достигли пяти миллиардов долларов, причем наиболее жирные куски отхватили такие «киты» военного бизнеса, как «Дженерал дайнэмикс», «Грумман», «Нортроп» — горстка «королей оружия», продолжающих жиреть на поставках Пентагону орудий разрушения и смерти. А вот несколько других сообщений, практически одновременно поступивших на редакционные телефаксы: ежегодно 100 тысяч американских граждан умирают преждевременно из-за профессиональных заболеваний, для 25 миллионов американцев недоступно право на образование, а свыше 4,5 миллиона американских детей голодают. «США — страна равных возможностей!» — изощряются вашингтонские апологеты «американского образа жизни». Как тут не вспомнить исполненные горькой иронии слова Анатоля Франса, вскрывающие фарисейство буржуазного законодательства: «Закон в своей величавой справедливости одинаково запрещает как богатым, так и бедным спать под мостом, просить милостыню на улице и воровать хлеб!»

Как наглое, циничное издевательство над самим понятием демократии и прав человека выглядит позиция вашингтонских правителей, касающаяся важнейшего, основополагающего права людей — их права на жизнь. Вознамерившись любой ценой перековать политическую карту мира, взломать сложившийся в Европе и в глобальном масштабе военно-стратегический паритет, правящие круги США продолжают агрессивный, гегемонистский курс, ставя на поток производство все новых видов оружия — ядерного и космического, химического и так называемого «обычного». Линия Вашингтона на нагнетание напряженности, на безудержную гонку вооружений, на подготовку войны сопровождается конструированием прямо-таки каннибальских [иного слова не подберешь!] концепций о так называемых «предупредительных», «ограниченных» и иных ядерных схватках, из которых Америка якобы может выйти победителем. Что это, как не попытка приучить население США к преступной мысли о возможности ядерной дуэли, которая, разразись она в действительности, поставит под угрозу само существование человеческой цивилизации! Нельзя не сказать и о том, что именно Вашингтон, так усердно рекламирующий свою «приверженность делу демократии», до сих пор не ратифицировал подавляющее большинство международных соглашений по правам человека, в том числе такие важные, как Пакты о правах человека, Конвенцию о неприкосновенности срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, и многие другие.

Словом, с какого угла ни подойди — не вяжутся, никак не вяжутся концы с концами у апологетов пресловутого «общества свободного предпринимательства», столь усердно проповедующих прелести так называемой «американской демократии»! Власть богатых и всемогущие монополии, социальный и национальный гнет, экономические кризисы и хроническая безработица, жестокие расправы над «инакомыслящими», отчаяние обездоленных, моральная деградация — вот реальности современной Америки, неизлечимые пороки исторически обреченного строя. «Мы создали общество, основным занятием которого является насилие», — говорил в свое время видный американский политический деятель, сенатор У. Фулбрайт. К этому нечего добавлять...

Рассветы

Недавно прошло VIII Всесоюзное совещание молодых писателей, организованное Союзом писателей СССР и ЦК ВЛКСМ. Под руководством известных прозаиков и поэтов в течение недели велась плодотворная работа творческих семинаров, звучали стихи и рассказы, шли жаркие дискуссии. Отобраны для публикации в центральных издательствах интересные работы молодых, несколько авторов рекомендовано к приему в члены Союза писателей СССР.

Во время работы совещания группа его участников, вместе с одним из руководителей семинаров, Феликсом Чуевым, побывала в нашей редакции.

Сегодня мы знакомим читателей со стихами молодых поэтов.

И отнюдь не другим в назидание
Неизвестная

на селе —
Речка, речка почти без названия,
Очень нужная ты на земле.

Тольятти.

Константин
РАССАДИН

ПЕРВЫЕ СТИХИ

Тихий свет по коридору ровно
От стены и до стены пролет.
Сторожиха Клавдия Петровна
Пьет крутой вприкуску кипяток.
И стоит в углу горбатый посох —
Вся ее защита от воров...
Я иду, застенчивый и босый,
Мимо зимних длинных вечеров.
Сторожиха за иглою нитку
Тянет из былинной старины.
В этот миг торжественный

окликнуть
Может нас лишь Пушкин со стены.
Он в меня глазами зорко целит,
Страшновато даже... ну и пусть!
Иногда мне кажется — в лице,
А не в школе сельской я учусь.
Но об этом в самой тайной тайне
Я себе не говорю пока...
Тетя Клава стягивает ставни,
Как концы пухового платка.
Бережет она большую школу,
Думы ее дремные тихи.
Босиком по каменному полу
Ходят мои первые стихи.

РЕЧКА

Подскажи,
Сколько лет тебе, речка?
В тебе, слышал, еще прабабушка
Полоскала закат тихим вечером
И сушила его на камушках.
По земле ты текла синеводами,
Не сравню даже Волгу с тобой.
Скольким ты была и малой
родиной
И заглавной российской рекой!..

Петр
ПРИБЫЛОВ

НАСЛЕДСТВО

Что осталось нам? В ручьях
Беспокойство звезд и мрака,
Паучок во тьме оврага
В паутине, как в лучах;
Благодать дождей слепых,
Тех, что землю окропили,
В темноте садов слепив
Солнца блик с листом крапивы;
Поздней ягоды рубин
В голубой оправе снега
И, как альфа и омега,
Свет над озером рябым,
Свет, вливающийся в речь,
Проникающий под веки,
Оставляющий навеки
Тех, кому его беречь.

Пока электричка уносит нас
в дремлющий пригород,
Туда, где давно на платформах
погасли огни,

Появится луч и в траве
по росинкам запрыгает,
На рельсы скользнет —
и попробуй его догони!..
Успеем друг другу
еще рассказать по истории,
Но даст нам понять перекресток
стремительных трасс,
Что скорости века давно
наш режим перестроили,

Что наши истории в общем-то
в несколько фраз.
Что в общем-то вряд ли еще
нам когда-нибудь выгорит
С друзьями сидеть и вот так
говорить ни о чем,
Пока электричка уносит нас
в дремлющий пригород,
Уже не пытаюсь тягаться
с рассветным лучом.

Мытищи,
Московская обл.

Дмитрий
АЛЕНТЬЕВ

КОЛОДЕЦ

Мой Верхне-Калинов — всего-то
дворов

Под тридцать не наберется.
Таких на Дону полно хуторов,
Но в каждом ли столько
колодцев?

И каждый колодец —
с названием своим,
В улыбке своей и глубинке.
На ранней на зорьке приходят
к ним

По вековой тропинке.
И каждый давно — со своею
судьбой,
С едва различимой стрункой.
Сюда не просто идут за водой,
А всяк со своею думкой.
Обычно неслышно приходят,
без слов,
Здесь слово любое — лишнее,
Туда, где колодец дедов-Петров
Укрыли высокие вишни.
Единственный сын был

у деда Петра
И у добрейшей Сети.
Давно он ушел на войну со двора,
Единственный в целом свете...
Борис не вернулся. И мудрый
старик

Решил, утешая старость,
В честь памяти сына
вырыть родник,
Чтоб людям здесь вспоминалось.
Чтоб люди могли суету сует
Не раз отличить
от жизни,

Понасажал здесь вишенки дед.
Шумят они, дождик лишь
брызжет...
Сработан навек. Он единственный
тут
С проточной водой, журчащий.
И люди сюда идут и идут —
За силою животворящей.
В колодце вода холодна, озорна,
Плеснешь ею — да за ворот...

И будто умылся ты с серебра,
Помолодеешь скоро.
Наверное, нет, неспроста

в бузине,
Колодец едва укрывшей,
Здесь выют соловьи гнездо

по весне —
Нет в хуторе места красивше.
Как ночь наступает, восходит луна,
За балкою вдруг пробьется
Горячая трель.
И вот уж волна

Пошла от колодца к колодцу.
А каждый колодец — с негромкой
судьбой,

С едва различимой стрункой.
Сюда не просто идут за водой,
А всяк со своею думкой.

Москва.

Виктор
ДАВИДОВ

Я пойму, если твердо и прямо
Кто-то скажет:

жизнь — черная яма.
Но дивлюсь я, как чуду, тому,
Кто душой прорастает

сквозь тьму,
Как цветок прорастает
сквозь землю,

Мир и добрым и светлым
приемля.

МАЛЬЧИК И СТАРИК

Старик умен.
И будто бы за это
Печатью тьмы коварно заклеимен.
Зато прозреньем он

вознагражден,
Прозреньем мысли, словно древо
цветом.

И этот мальчик, что его ведет,
Покуда не подозревает даже,
Что деду не мешает горизонт
И он его, мальчонки,

видит дальше.
Не потому ль и лучшие средь нас,
За горизонт стремящие мечту,
Бывают и беспомощны в быту
И так же слепы,
как старик без глаз.

Приятны ягоды в горсти.
Грибы в корзине молодые.

Тюменская картинная галерея.

Б. Анисфельд. 1879—1973. ЦЫГАНКА.

Курск.

Магомед ВЫШЕГУРОВ

На синей, безоблачной,
чистой странице
«люблю» самолетик выводит.
Высокое слово в лучах серебрится,
над всею землею восходит,
на небе нетронутым
белой строкой...

И люди, конечно, взглянули —
одна улыбнулась,
взмахнула рукой,
а все остальные вздохнули.

Перевел с ингушского
Феликс ЧУЕВ.

Свое дитя купает мать:
На плечи воду льет, на спину,
Как будто хочет с ней отдать
Тепло любви и радость сыну.

Так, землю светом заливая,
Тепло и жизнь стремясь ей дать,
Горит над миром, не сгорая,
Пылающее солнце — мать.

Перевела с ингушского
Ия НИКОЛАЕНКО.

**Сергей
ХОМУТОВ**

РАБОЧИЕ РАССВЕТЫ

Мои рабочие рассветы,
Во всем величии своем
Вы, как стихом, трудом воспеты,
Не чьим-нибудь —
Моим трудом.

В моей судьбе вы неизменно,
Сегодня так же, как вчера,
Веселым звоном инструмента
И легким шорохом пера,
Порывом мысли обнаженной,
Сметающей любой предел,
И радостью уже свершенных
И будущих насущных дел.
И навсегда душа согрета
Среди всего, чем мы живем,
Родством работы и рассказа,
Высоким
Солнечным родством.
Оно во мне,
Оно бессонно,
Всеутверждающе оно
И гербовой печатью солнца
Светло и прочно скреплено.

НО ТОТ ЖЕ ДОЛГ

Реальной, зримой,
страшной вещью,
Весь мир собою заслоня,
С экрана,
Лязгая зловеще,
Танк движется на меня.
Внезапности сквозная рана:
Раздавит, разотрет — держись!..
Эффект присутствия, как странно
Ты преломляешь нашу жизнь.
Для чувства страха нет старения,
И меж лопаток холодок...
Иная боль, иное время,
Но тот же неизменный долг.
И те же мысли человечьи,
И кровь колотится в виске...
Сумею ли ему навстречу
Шагнуть с гранатой в руке?

Андропов.

**Владимир
ПЕШЕХОНОВ**

Заросли туманом ели.
Скрыто все, что впереди.
Но прошли, прошелестели
Благодатные дожди.
На зеленом бересклете
Зреет белая роса.
И добрей живешь на свете,
И глядишь на небеса,
Где из облака сырого,
Как из темного ствола,
Солнце выглянуло снова,
Словно дятел из дупла!

ГОЛУБИНАЯ СТАЯ

Я стою на теплой крыше,
А в небесные края
Поднимается все выше
Стая белая моя.
Вы взлетаете высоко,
Как летит за годом год.
Да не тронет вас ни сокол,
Ни военный самолет!
Не успею взглянуться
На белесое пятно,
Как останется от детства
Только облако одно.
Пусть оно, беды не зная,
В небе Родины моей
Все летит, не улетая,
Словно стая голубей.

пос. Шереметьево,
Московская обл.,

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

МУЖЧИНЫ, БЕРЕГИТЕ ЖЕНЩИН!

Хочу рассказать о своих делах семейных. Думаю, история моя поучительна для многих...

Четыре года назад вышла замуж. Было мне тогда двадцать два года, Сереже двадцать четыре. Мы любили друг друга, и назалось, так будет всегда. Как женщина, я понимала, что во многом надо уступить мужу. По профессии я техник-геолог и часто ездила в командировки. Сереже это не нравилось, и я, не обсуждая даже этот вопрос, бросила любимое дело, пошла на курсы бухгалтеров. Вскоре у нас родилась дочь. Жить стало труднее, тем более что у Сережи умерли родители. Два его старших брата вместо того, чтобы помочь нам, стали вовлекать мужа в пьянки, пока не попали в ЛТП на лечение. У Сережи не дошло до принудительного лечения, потому что я сражалась за него, шла порой на унижения, проглатывала обиды, лишь бы сохранить мир в семье. На какое-то время действительно наступило перемирие, дружки стали реже зазывать его на вечеринки. Я успокоилась, вскоре у нас родился еще мальчик. Но радость была недолгой. Все мои надежды, что муж оступится и как-то оценит мою доброту, мое внимание, заботу о нем и детях, рухнули.

Сергея стал совсем неуживчив, раздражителен не только дома с нами, но и на работе. Началась чехарда: ни на одной работе не уживался, сменял с места на место. И каждый вечер — дружки, пьянки. Жизнь стала невыносимой, мы развелись.

Но и развод не принес облегчения. Живем пока вместе, Сергей не уходит, не оставляет нас ни на день, ни на час, хулиганит, издевается, оскорбляет. Я бы сама ушла, но с детьми на частную квартиру не возьмут. Младшему год и два месяца, он еще не ходит, часто болеет. Не жизнь, а просто ад. Вот чем закончилась моя борьба за человека, вот какова расплата за мой «добреный характер».

Ирина Б.

Магадан.

От редакции. Читатель скажет, история эта не новая, к сожалению, такое случается в жизни не так уж редко. Не складываются отношения между людьми, распадается семья. Конечно, трудно по одному письму судить, кто прав, кто виноват, так как в данном случае мы выслушали лишь одну сторону. Да и не узнаешь, не поймешь чужой жизни так сразу. Но ведь вызывает о помощи женщина, мать двоих детей, ей плохо, очень плохо. И наш долг — помочь ей, попытаться утешить добрым, ласковым словом, поддержать, дать почувствовать, что она не одна со своими детьми, ради которых надо быть мужественной, стойкой, ради которых надо пережить и эту боль, эту беду. Конечно, редакция похотатайствует и перед исполкомом о решении жилищного вопроса этой семьи и попросит призвать к порядку не в меру разбушевавшегося, разгулявшегося «папашу», напомнить о его отцовском и гражданском долге. Все это редакция непременно выполнит, так как Ирина Б. сообщила нам свою фамилию и адрес. Но разве дело в этом? Размышляя над письмами обиженных женщин — а они время от времени приходят в редакцию, — невольно задумываешься: а не слишком ли привыкли некоторые мужчины к тому, что наше гуманное общество не оставит женщину-мать в беде, чужие тети и дяди позаботятся об их потомстве, обеспечат его кровом и хлебом. Кстати сказать, как ни парадоксально, мать-одиночка часто оказывается в лучшем положении, чем разведенная женщина. Твердую материальную помощь от государства она получает регулярно, и не надо искать через милицию постоянно ускользающего, уклоняющегося от алиментов бывшего мужа. Если, детские сады ей предоставляются в первую очередь, избавлена она и от оскорблений, пьяных побоев, против которых порой бессильны общественность и милиция (Ирина, кстати, писала, что не раз вызывала милицию, когда уже разведенный муж бил ее, но констатировалось: в пределах, не наказуемых законом).

Одно время на страницах газет модной была тема «Берегите муж-

чин». Но не настало ли время защищать женщин и призвать мужественный пол: «Берегите женщин!» А то ведь что получается: для матери дети, как говорится, до конца жизни — дети, а у некоторых мужчин — только до восемнадцати, и то лишь в виде двадцатипроцентного вычета из заработка. Да и те мужья, которые продолжают жить в семье, нередко заявляют так: «Милая женушка, воспитание детей я полностью доверяю тебе, смотри, чтоб дети хорошо учились, не болели, были умницами. А меня от воспитания уволь, мне некогда, у меня работа. Деньги — моя забота, а в остальном извини...» Это строки из письма другой нашей читательницы, из Ташкента, матери троих детей. Муж ее еще живет в семье, если это можно так называть: работает, отдаёт на хозяйство 110—150 рублей, почти ежедневно приходит пьяный, раздраженный, если же, на счастье, он трезвый, то его нельзя оторвать от телевизора. В общем, все заботы о детях, домашнем хозяйстве лежат на жене, которая, кстати, тоже работает, принося в дом денег не меньше, чем муж. На все упреки жены он отвечает: «Я не пью на работе, не валяюсь на улице, а после работы пить мне никто не запретит». Так и существует эта, с позволения сказать, семья. И закончится это медленное сознательное убийство в себе человека, наверное, так же, как и у Ирины, не только фактическим, но и юридическим распадом семьи.

Почему же получается, что «отдельные» мужчины могут позволить практически полностью снять с себя всякую ответственность за воспитание своих же детей? А ведь можно было бы просто обязать, чтобы при разводе отец не только материально обеспечил оставленного ребенка, но установить порядок, чтобы он проводил с детьми часть своего отпуска, посещал школьные собрания, занимался с ребенком в воскресные дни хотя бы раз в месяц — словом, отец должен разделить с матерью все заботы по воспитанию ребенка, активно участвовать в формировании его личности.

Трудовая династия Мендельсонов хорошо известна в автономной области и во всем Хабаровском крае.

Студентка педагогического училища Лариса Шустер.

Родной

ЕВРЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ — 50 ЛЕТ

Едем в Валдгейм — центральную усадьбу орденоносного колхоза «Заветы Ильича». В прогалинах березовых да тополиных рощ, разрезанных дорогой, видятся добротные строения, широкие пашни, сочные луга, голубые блюдечки озер.

— Очень красива эта земля, — говорит Лев Борисович Шапиро, первый секретарь обкома КПСС Еврейской автономной области.

...Краткая история создания автономной области такова: в 1928 году Президиум ЦИК СССР постановил отвести район Биробиджана для заселения трудящимися-евреями. В 1930 году в составе Дальневосточного края был создан Биробиджанский национальный район.

А 7 мая 1934 года в связи с быстрым хозяйственным развитием национального района была образована автономная область. Она получила все права, установленные Советской Конституцией для автономных областей РСФСР.

— Земля эта снилась мне каждую ночь там, за океаном, когда в составе парламентской группы Верховного Совета СССР ездил в США, — продолжает Лев Борисович. — Помню, тогда, на одном из приемов, к моей персоне проявили повышенный интерес местные евреи. Вопросы сыпались один за другим, но были совершенно дикими, характеризующими полное незнание жизни советских евреев.

Меня спрашивали: «Могут ли евреи в СССР переезжать из одного места в другое?» Или: «Могут ли они равно со всеми работать, поступать в вузы?» Можно было подумать, что господа, задающие вопросы, ведут речь о царской России, где трудящиеся евреи действительно были самым гонимым народом. Их заставляли жить в строго определенных губерниях, в так называемой «черте оседлости», они были лишены политических и гражданских прав. Им запрещалось занимать государствен-

ные должности, иметь земельные наделы. Уделом еврейской бедноты — кустарей и мелких ремесленников — было бесправное, нищенское существование. Октябрь принес евреям, как и всем народам России, свободу и равенство. Хотя за рубежом до сих пор, вопреки очевидной истине, полностью игнорируя реальные факты жизни нашей страны, вновь и вновь вытаскивают так называемый «еврейский вопрос». Стряпают на сионистской пропагандистской кухне всевозможные мифы о якобы бедственном положении евреев в СССР, о «гибели» еврейской культуры, о «дискриминации» граждан еврейской национальности, лишении прав и свобод. Нам понятны цели сионистов, пляшущих под дудку монополистов США, их лицемерные призывы «воссоединиться» на «земле обетованной». Шовинистические лозунги «единого еврейского государства» проникнуты отнюдь не заботой о судьбах евреев. Смысл этих лозунгов в том, чтобы склонить советских евреев отказаться от социалистического образа жизни.

Вся история создания, становления и развития нашей области служит ответом, убедительным доказательством несостоятельности сионистских вымыслов. Знакомство с нашей жизнью можно начинать прямо отсюда, из колхоза «Заветы Ильича», с биографии любого жителя Валдгейма.

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ

Невысокого роста, с внимательным взглядом, заместитель председателя валдгеймского колхоза Борис Эхилович Рак встречает нас улыбкой на обветренном лице. С удовольствием рассказывает о хозяйстве, показывает фермы, машинные дворы, теплицу. С гордостью говорит об отце, который приехал сюда с женой и восемью ребятами из-под Бердичева. С такими же обездоленными людьми он, извозчик-одиночка, создавал здесь коллективное хозяйство, строил «Дом в лесу» —

так переводится Валдгейм на русский язык. Работая, посещал курсы ликбеза, стал лучшим трактористом района. И уже через несколько лет жизни и работы на биробиджанской земле за большие успехи в крестьянских делах поехал вместе с Лейбом Резником на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку.

Думал ли Эхил Рак, прокладывая первую борозду на дальневосточной целине, что навечно притянет земля эта не только его, но и детей, а теперь уже и внуков. Думал ли, что среди детей его будут конструктор, врач, инженер, прораб, бригадир строителей, воспитатель в школе-интернате, хлебороб. Думал ли, что внук его Сашка, сын Бориса, однажды послушавшись отца, поступит не в сельскохозяйственный институт, а надумает стать инженером-строителем. Но, окончив Хабаровский политехнический институт, все же вернется на вспаханные дедом и отцом земли колхоза.

Александр Рак начинал самостоятельную жизнь в колхозе с механизатора, с помощника бригадира тракторной бригады. Сейчас он вожак колхозной комсомолки. Рассказывал мне, как, находясь на преддипломной практике, строил метро в Киеве, а думал о Валдгейме.

Более ста членов колхозного коллектива ордена Трудового Красного Знамени колхоза «Заветы Ильича» отмечены орденами и медалями СССР. Трое, В. И. Пеллер, М. И. Покатыло и М. П. Брахманова, удостоены звания Героя Социалистического Труда.

Всего в Еврейской автономной области этим высоким званием отмечена работа одиннадцати человек, в том числе и Елены Кальмановны Арнаполиной.

Елена Кальмановна и Борис Николаевич Арнаполины.

Заместитель председателя колхоза «Заветы Ильича» Борис Эхилевич Рак с сыном Александром и внуком.

ДОМ

ЧЕСТЬ — ПО ТРУДУ

Узнав в отделе кадров чулочно-трикотажной фабрики домашний адрес Арнаполиной, я отправился в новый микрорайон города. Биробиджан, по улицам которого я шел, напоминал большую квартиру хорошей хозяйки перед встречей дорогих гостей. Город чистился, мылся, красился, строился, готовился к золотому юбилею области.

Предпраздничный ремонт был и в современной трехкомнатной квартире Арнаполиных. Борис Николаевич, бригадир слесарей «Дальсельмаша», и Елена Кальмановна, хотя было им недосуг, тепло приняли незваного гостя. Хозяйка дома провела меня в комнату дочерей. Аккуратно прибранная, она пустовала. Сестры-погодки Анжела и Марина, студентки института народного хозяйства, живут в Хабаровске.

Я уже знал, что Елена Кальмановна инициатор патристического движения «За пятилетку — десять годовых планов!». Знал и то, что с обязательствами она справлялась, сделав за пять лет не десять, а двенадцать годовых норм. Поэтому сразу же спросил, что же помогло ей подняться на такую высоту профессионального мастерства.

— Если человек любит свое дело, вкладывает в него без остатка свое умение, совесть свою, — отвечала она, — все у такого человека будет хорошо, он всего сможет добиться.

Она верна этому правилу. Сегодня на трудовом календаре швей-мотористки Арнаполиной уже апрель 1988 года.

Владимир КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька».

Фото автора

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Представьте себе, что вы не были пять лет в тех краях, где прожили целых шесть лет. Куда вас потянет прежде всего? Что захотите увидеть? С кем встретиться? Едва я ступила на бетон лондонского аэропорта Хитроу, как испытала острое желание встретить героев своей книги «Альбион и тайна времени» и узнать, что переменялось в их жизни. И хотя со многими я поддерживала все эти годы непрерывную связь, разве можно сравнить впечатление от увиденного своими глазами с впечатлением от прочитанного в вежливом, деликатном английском письме?

Едва ступила на бетон аэропорта Хитроу, как время словно спрессовалось и мне стало казаться, что не прошло этих пяти лет и я по-прежнему живу здесь, среди лондонцев, и ничего, ничего не изменилось. Это чувство усилилось и утвердилось в пути по городу: все та же толпа на торговых улицах, все та же Трафальгарская площадь, все тот же весенний дымкой окутанный Гайд-парк с воскресными всадниками на аллеях. А вот некая перемена — Большой Бен в лесах, реставрируется. Вот новое современное здание на Кромвель-роуд. А Слоун-сквер все та же, вокзал Виктория — все тот.

Войдя в номер гостиницы, я взялась за телефон: полдень, воскресенье, почти все мои герои были дома. И если прежде большинство из них начинало рыться в своих дневниках, изыскивая время для встречи, то теперь все они, разные, часто не связанные друг с другом, говорили, не сговариваясь, одно и то же: всего на десять дней? Назначайте свидание вы. Я в вашем распоряжении.

Стало ясно: программа будет напряженной. А ведь я прилетела совсем не для встречи с ними. Прилетела на выставку — такую интересную, что с нее и хочу начать.

ВЫСТАВКА «АНГЛИЙСКИЕ АВТОРЫ НА ЯЗЫКАХ НАРОДОВ СССР»

Большой многооконный зал весь уставлен книгами: Вильям Шекспир, Чарльз Диккенс, сестры Бронте, Чарльз Перси Сноу, Джеймс Олдридж, Памела Джонсон, Джон Брейн, Джон Уэйн, Дорис Лессинг, Стен Барстоу, Айрис Мердок — да что перечислять, в сущности, представлены все крупные английские писатели от Джеффри Чосера до наших дней.

Вот стенды на русском, украинском, белорусском, киргизском, молдавском, узбекском, таджикском и многих, многих других языках. Вот стенды, где множество английских книжек для детей, переведенных у нас, вот стенды для домашних хозяек — переводы с английского: как вязать, как шить, как готовить

пищу. Вот стенды с технической переводной литературой. Тысячи томов. Организатор выставки — общество культурных связей с СССР. Его руководители и активисты задумали показать англичанам, как говорится, товар лицом.

Перед открытием выставки я волновалась. Знала, как много потрудились ее организаторы Дина и Джеймс Олдридж, как отважно помогала им прекрасная английская писательница Эмма Смит, и хотелось, чтобы труды увенчались успехом. Отчего же я волновалась? На опыте знаю: если какая-нибудь выставка, или спектакль, или фильм попадают в Англию в дни, когда отношения между нашими странами напряжены, — полного успеха нет. В моменты международной напряженности наш домашний телефон, когда мы жили здесь, терял свою напряженность: некоторые знакомые пропадали, переставали звонить, приходить. Не все, конечно, некоторые. А едва напряженность спадала, эти некоторые объявлялись как ни в чем не бывало. В час открытия выставки зал был битком: корреспонденты лондонского телевидения, радио, газет, наши аккредитованные корреспонденты, приглашенные гости и те, кто случайно услышал о необычной экспозиции. Я не помню в бытность мою в Лондоне прежде такого успеха.

— Во-первых, — сказала моя старая знакомая миссис Кентон, вполне буржуазная дама, которая все на свете может объяснить и обо всем имеет собственное суждение, как правило, совпадающее с мнением газеты «Таймс», — мы, англичане любим увидеть нечто необычное, касающееся нас. Во-вторых, здесь много друзей Советского Союза. А в-третьих, помоему, — Впрочем, может быть, я ошибаюсь, — после поездки миссис Тэтчер в Москву у нас несколько ослабла напряженность по отношению к вам. Совсем немного-немного, но ослабла. Вот погодите, выставку покажут по телевидению, поговорят о ней по радио, напишут в газетах, и народ будет ходить.

— Скажите, миссис Кентон, — спросила я, — как вы думаете, могли бы англичане привезти в Советский Союз такую же выставку, как эта?

Она оглядела стенды и отрицательно покачала головой:

— У нас не издается так много советских книг. Вы же знаете, мы не очень любопытны, если остро не пахнет сенсацией. И потом — мы не такая большая страна, нет у нас и такого количества языков, как у вас... Постойте, постойте, вы зачем задаете мне такие вопросы? Чтобы обнародовать ответы у себя в стране? Впрочем, я, кажется, ничего предосудительного не сказала. Меня сейчас интересует другое: посмотрите внимательно в толпу на выставке. Много ли вы видите здесь писателей, чьи книги на стендах? Я имею в виду ныне здравствующих и способных передвигаться. Может быть, им просто не послали приглашений и они о выставке не имеют понятия?

— Имеют. Все, кто представлен здесь, получили личные приглашения. Но их нет, вы правильно заметили. Чем можете объяснить?

— Объяснить довольно трудно. Просто невозможно. На их месте я не отказала бы себе в таком удовольствии. А вы?

Я полностью согласилась с нею. Но факт оставался фактом. Впрочем, у выставки впереди было еще много дней...

«ПОЗНАВАЯ ЧУЖОЙ ГОРОД... НОГАМИ»

твердила я одному из своих спутников, писателю Владимиру Гусеву (он единственный из делегации в Лондоне впервые). Думаю, он это знал и без меня. А сама я спешила улучшить минуту, чтобы тоже остаться со знакомым и совсем нечужим мне городом наедине и понять, почувствовать, осознать, что же переменялось в нем за пять лет. Медленно,

однако определенно пришло ощущение внешней перемены. В семидесятых город был более пестрым, ярким, нарядным. Порой он казался нереальным сном, видением, карнавалом.

Сегодня преобладает серо-синяя гамма, люди стали более подтянуты в одежде, более неторопливы в походке и более как будто скованны внутри. Похоже, что Лондон возвращается в свои традиционные формы.

Я поделилась этим наблюдением со своей подругой Пегги, художницей по костюмам. Она подтвердила его. Сама она, прежде одетая в неизменные джинсы и вылинявшую майку, теперь выглядела изящно в строгом, элегантном, почти традиционном костюме. Умная Пегги угадала мои мысли:

— Знаю вас: считаете, что я превратилась в добропорядочную жену капиталиста. Это не так. Просто каждому возрасту свое, мне ведь уже за тридцать. И вообще давайте-ка свернем с таких мелочей, как одежда. Посмотрите, какие у нас ныне цены.

Мы зашли в супермаркет. При первом взгляде я, честно говоря, не заметила, чтобы цены на продукты сильно выросли. Тогда Пегги подтянула ко мне металлическую тележку для продуктов и предложила:

— Вы помните ваш собственный набор продуктов на неделю? Прекрасно. Пройдите по магазину и наберите все, что набирали пять лет назад. Не беспокойтесь, мне как раз нужно сделать свой набор на неделю. На сей раз воспользуюсь вашим вкусом.

Зачем я помню все эти мелочи, не знаю. Рука сама, как механизм, протягивается за привычным продуктом. Минут через десять я стояла с полной тележкой в очереди в кассу. Пегги ждала меня, чтобы помочь переложить продукты из тележки в целлофановые мешки. Кассирша с молниеносной быстротой работала на своем аппарате, который безошибочно вывел в итоге надлежащую для расплаты цифру. Она оказалась вдвое выше той, которая была знакома мне в конце семидесятых годов.

— Конечно, — сказала Пегги, — заработная плата тоже увеличилась, но не у всех, разумеется, да и увеличилась она не прямо пропорционально росту цен.

В доме Пегги мы застали ее старинного друга Дональда. Он за эти годы успел стать адвокатом и из волосатого хиппи превратился в прилично одетого молодого мужчину.

— Ты когда собираешься в Гринзм-Коммон? — спросил он у своей подруги. Она метнула на него гневный взгляд, но слова уже вылетели. Оказывается, Пегги почему-то не хотела признаваться мне в том, что участвует в движении женщин, прославившемся на весь мир.

— Да она там была одной из заправил, — выдал Пегги Дональд.

— Почему вы не хотели мне сказать? — удивилась я.

— Я не люблю ничего показного. Ну, участие. Был бы толк от этого участия. Вот что важно.

...Я люблю и, мне кажется, знаю Лондон. Уверена, что в нем невозможно заблудиться, хотя многие его кварталы очень похожи друг на друга. Урываю час, где-то между шестью и семью вечера, когда город расходится по домам, закрываются магазины, зажигаются окна в домах, забираюсь на второй этаж автобуса, сажусь к окну, и автобус начинает свой извилистый путь по узким улицам.

В семидесятых годах я любила смотреть в окна, где начиналась вечерняя жизнь лондонцев. Как много в окнах лампочек без абажуров и люстр! Я заметила это еще тогда и вижу теперь то же самое. Как разительно близко, нередко в одном и том же квартале от бедных окон — окна пышные. Бесшумно в окнах движутся женщины с тарелками

АЛЬБИОН ПЯТЬ Л

и чашками в руках. Худенькие и полные, светловолосые и темноволосые — о чем думают они, чем озабочены, о чем мечтают, на что надеются? Я знаю их и не знаю, понимаю и не понимаю. Вот зажигаются окна баров, где собираются мужчины за кружкой пива поговорить о политике и экономике, о своих насущных проблемах. Сверкают экраны телевизоров в окнах домов — люди получают свою долю информации и развлечений. В семидесятых в Англии было три канала телевидения, теперь четыре. По четвертой программе обсуждаются проблемы страны порой в таком тоне, какого никогда не позволяют себе три старые программы. Четвертый канал показал на днях открытие выставки «Английские авторы на языках народов СССР». Мне звонили знакомые: «Видели! Видели! Как интересно, необычно как! У вас, оказывается, правда, любят нашу литературу!»

Я выхожу из автобуса недалеке от своей гостиницы у вокзала Виктория и направляюсь в гости — это рядом, в районе Пимлико, в одной из узких элегантных улочек Вест-Энда. Думаю, что знаю Лондон наизусть, уверенно сворачиваю в одну улицу, в другую, третью и понимаю — заблудилась. Спрашиваю прохожих — не знают. Чувствую — это где-то рядом, близко. Кружу на одном месте — неужели так сильно забыла город? Выходит, забыла. Вижу, магазинчик продуктовый светится — индийцы работают в нем до глубокой ночи. Спрашиваю продавщицу, где Блумфилд-террас. Не знают. Выхожу в полном отчаянии, перехожу улицу напротив магазинчика, поднимаю глаза — передо мной узкий переулок и надпись на первом доме «Блумфилд-террас». Продавщицы могут видеть эту надпись каждый день. Но не видят, не замечают, много забот в голове. Нет, думаю, дорогая, не спеши утверждать, что хорошо знаешь город, если так легко сумела заблудиться в трех улицах знакомого района.

ПРОБЛЕМЫ САЛЛИ

Он инженер автомобильного завода и один из героев моей книги «Альбион и тайна времени». Что изменилось в жизни его семьи и детей за пять лет? Писал он мне мало, лишь вначале, а вчера, когда я позвонила ему, обрадовался, позвал к себе на новую квартиру, в удобном месте, около парка.

Антони и жена его удивили меня. Он располнел, она, нарядная, веселая, показывает квартиру, новые вещи, картины, говорит о политике:

— Я большая поклонница премьер-министра. Замечательная женщина! Какая воля! Какой характер!

Антони смущенно перебивает жену, но куда там — она щебечет непрерывно. Оказывается, Антони несколько лет назад получил наследство богатой йоркширской тетушки и стал совладельцем ресторана.

— Мы уже заказали столик, сейчас пойдем туда. Совладелец Антони — профессиональный повар, там так все вкусно!

В самом деле рестораник недалеко от их дома, маленький, уютный, битком набитый. — Видите, какой у нас успех! И это в будний день! А в воскресенье нам, пожалуй, пришлось бы ставить дополнительный столик! — радуется жена Антони.

Садимся. Еда в самом деле отменная. Я смотрю на Антони и все больше не узнаю его; лицо нервное, озабоченное, все время вскакивает, убегает.

— Понимаете, — объясняет мне миссис Слоун, — ресторан должен давать доход не меньше четырехсот фунтов в день, чтобы держаться.

— Антони продолжает ходить на работу? — спрашиваю я.

— Да, он не хочет пока рисковать. Мы в самом начале дела. Приходится совмещать.

— Ему тяжело, наверно.

— Наверно, однако он очень увлечен.

Мы засиделись до глубокой ночи. Антони показал все — и кухню и винный погреб. Пришел, подсел к нашему столу совладелец — высокий красивый англичанин в фартуке и колпаке. Снял колпак, выпил залпом неразбавленный виски, перевел дух. Рассказал, что ввел в меню несколько наших блюд — борщ и курицу «по-киевски». Принес мне эту курицу — в неглубоком горшочке, накрытом тестом, кусочки курицы, вкусные, хорошо сдобренные специями. Не стала я разубеждать его, что это не совсем «по-киевски», похвалила. Спросила, бывал ли в Советском Союзе. Нет, не бывал, хочет поехать, но ресторан, пока дело не набрало силу, нельзя бросать ни на минуту.

— Антони, почему ты все время молчишь? — спросила я своего друга, когда он сел рядом. — Ты рад, счастлив? Ты устает? — Конечно, счастлив! — подхватила его жена. — Разве вы не видите?

Пришла их дочка Салли. Я рассталась с нею тринадцатилетней, теперь Салли восемнадцать. Высокая, стройная, хорошенькая. Увидела меня — засияла. Едва она села рядом со мной, как я почувствовала, что мать ее забеспокоилась, напряглась.

— Ты еще учишься, Салли? — спросила я. — В этом году я хочу поступить в университет. Изучать историю и философию. Я... — Она помолчала, потерла ладошкой щеку. — Я очень интересуюсь марксизмом... коммунизмом... мне кажется, в этом учении много справедливого...

— Ты считаешь, что общество, которое дает возможность моему отцу улучшить жизнь семьи, достаточно несправедливо? — сказала ее мать, слушавшая внимательно наш разговор.

— Не надо, мама... — Салли нахмурилась, и наша беседа прекратилась. Когда мы расставались на улице, Салли вызвалась меня проводить. Мать ее тут же захотела пойти с нами. Усталый Антони тоже пошел, уверена, чертыхаясь про себя, но не оставляя же на улице женщин одних посреди ночи. Мы попрощались у дверей гостиницы, и уже в холле, у лифтов, меня окликнула запыхавшаяся Салли. Она обхватила меня руками и зашептала быстро-быстро, горячо:

— Мне так не хватает общения! Я знаю, в Лондоне есть люди, у них книги, знания, все, но как найти их? Помогите.

К нам уже подходила ее рассерженная мать. Я растерялась. Миссис Слоун могла бы обвинить меня в экспорте вредных для ее дочери идей.

— Салли, девочка, ты умница, ты найдешь все сама, — успела я сказать. Миссис Слоун улыбалась, но была нервна. Она еще раз пожелала мне спокойной ночи и справилась, когда точно я уезжаю.

— Простите Салли, — сказала она, — у девочки трудный возраст. Она мечется, и всякая чепуха лезет ей в голову. Но это скоро пройдет.

Салли стояла за ее спиной. Она успела крикнуть:

— Буду искать!

Лифт закрылся перед улыбающимся лицом миссис Слоун.

Я долго не могла уснуть и думала о сложностях этой семьи, в недрах которой уже поселился дух протеста, и еще думала о том, что чем больше запретов ставишь ты своему ребенку, тем более стремится он туда, где стоит этот запрет. И нет силы, способной ему помешать.

В ДАРТИНГТОНСКОМ КОЛЛЕДЖЕ

Холмистый Девон и ранней весной хорош. Много вечнозеленых деревьев, часто выглядывает солнышко, и старинные серые дере-

венские дома, сложенные из грубого камня, создают атмосферу уюта и покоя. По английским масштабам городок Тотнес и расположенный вблизи него Дартингтонский колледж искусств находятся очень далеко от Лондона: на расстоянии пяти часов езды. Мы с переводчицей английской литературы Татьяной Алексеевной Кудрявцевой должны были выступать в этом колледже вечером, после ужина. Еще в Лондоне нас предупредили, что соберутся люди, не знающие русского языка, будут задавать вопросы.

Бывала я прежде в Англии на таких встречах. Собиралось немало народу. Как правило, встречи проходили интересно для обеих сторон, всегда находились люди, бывавшие в Советском Союзе, даже споры порой возникали.

Небольшой зал быстро наполнялся. Я, кажется, хорошо умею отгадывать кто есть кто, еще не познаковавшись. Вот студенты, худенькая парочка, изучают русский, но не говорят и еще почти не понимают. Вот пожилые люди из категории тех, кто бывал туристами в нашей стране и сохранил самые светлые воспоминания. Вот сурового вида господин с блокнотом, такие обычно задают множество вопросов, преимущественно конкретного характера: сколько зарабатывают писатели, какие налоги в стране, будет ли война и если будет, то кто ее начнет?

— Смотрите, — сказала мне Татьяна Алексеевна, и в эту минуту я увидела неторопливо идущую по залу черно-белую собаку удивительной красоты. Это была русская борзая, узкая, вытянутая, с глазами-сливами и волнистой шелковой шерстью. Видимо, присутствующие знали эту собаку — никто не обратил на нее никакого внимания. Следом вошел ее хозяин, такой же узкий, как она, в черных сапогах, белых лосинах, мягком скюртуке, жабо на груди было небрежно заколото булавкой. Лицо его, украшенное небольшой бородкой и пышными усами, было удивительно знакомо мне. Константин Бальмонт — промелькнуло имя. Человек подошел к нам и заговорил по-русски, нетвердо, подбирая слова, но очень мягко, красиво. Мы узнали, что его зовут Джереми, а собаку — Лидия, что он учитель музыки в колледже и единственной его радостью в жизни является русская поэзия: Лермонтов, Тютчев, Блок, Бальмонт. Еще он любит Чехова и ставит его на сцене местного театра.

Вечер начался. Вопросы сыпались один за другим, время шло быстро — два часа проскакали незаметно. Кроме Джереми, был в зале еще человек, понимающий по-русски, Алан Хаксли, инженер-химик, проживший в Советском Союзе несколько лет.

— Мы с семьей жили в Уфе, моя младшая дочь родилась там. И знаете, как я ее назвал? Ларочка. Годы, проведенные у вас, вспоминаю как счастье.

Вот вам и Девон, вот и глубинка.

СОЮЗ МУЗ

В Англии нет Союза писателей, подобного нашему. Но в Лондоне есть Общество писателей, Гильдия писателей и поэтическое общество.

Первое — внушительная организация, основанная сто лет назад, в 1884 году, для того, чтобы «защищать интересы писателей и отстаивать их права». Членами Общества были в свое время Джон Голсуорси, Бернард Шоу, Томас Харди, Герберт Уэллс, Чарльз Перси Сноу. Среди его членов сегодня много тех, чьи имена украшают выставку «Английские авторы на языках народов СССР»: Пирс Пол Рид, Дорис Лессинг, Джон Пристли, Уильям Голдинг, Маргарет Дреббл, Айрис Мердок. Уважаемые люди, любимые писатели, чьи права и интересы уже как будто бы давно не нуждаются в защите и отстаивании. Однако, не скажите, все бывает в этой жизни. Общество писателей — верный страж своих членов.

А каково живет молодым писателям в этой стране?

Сегодня в Англии самым типичным стал путь в литературу через телевидение, радио. Тексты к заранее снятым сериям, скетчи к шоу, диалоги для разного рода дикторов и чистая журналистика с литературным укло-

ЕТ СПУСТЯ

... ПРЯЖУТСЯ РЕЛЬСЫ И СОЙДУТСЯ

ном — вот поле деятельности для молодых писателей, поле, на котором порой яблоку негде упасть. Кто защищает их интересы, кто помогает им в повседневной борьбе за место в эфире или на экране?

В самом дальнем конце оживленной торговой улицы Эджвеер-роуд, в неказистом, маленьком домике теснятся Гильдия писателей Великобритании. В отличие от благопристойно-чинной атмосферы Общества писателей в гильдии шумно, наполненно, накурено. Здесь собираются обмениваться мнениями, поискать совета, порадоваться успеху коллеги, посетовать на судьбу.

Общество поэтов знакомо мне давно. Когда-то в семидесятых там выступали многие наши поэты, была я там на вечере Евгения Винокурова, сама выступала у них. На сей раз нас пригласили в Общество на открытие выставки художника Джона Брэтби. Десятка три его портретов изображают современных известных писателей и поэтов. Манера у Брэтби размашистая, яркая. Я сразу узнала всех, кого знаю в лицо: вот недавно умерший великолепный писатель Чарльз Перси Сноу, большой друг нашей страны. Это был человек мудрый и смелый, внимательный и деликатный. Он отлично знал и понимал нашу литературу, культуру. Помню, он сказал мне:

— Читаю сейчас Достоевского. По-английски, конечно, не по-русски, но я люблю его и по-своему очень чувствую. Я понимаю, как писал Тургенев, Чехов, Толстой, а читая Достоевского, ничего не понимаю, не могу проникнуть в тайну его слога. Вы можете?

Я призналась, что тоже не могу.

— А еще я не понимаю тайны Блока. Чувствую, что чудо, но достигается оно путем удивительных сочетаний самых простых слов.

— Вы читаете Блока? — невежливо удивилась я.

— Вы читаете Киплинга? — ответил он вопросом на вопрос.

— Конечно.

— Почему же я должен быть более невежественным в моем немладенческом возрасте?

Мне стало стыдно.

Итак, я узнала Сноу на портрете, где он изображен в двух ракурсах — лицом к публике и в полупрофиль, одно лицо — глубоко задумчивое, нахмуренное, сосредоточенное, другое — по-детски доверчивое, открытое. Легко узнаваемы на портретах и Джордж Макбет, и Джон Беджамен, и Алан Силлитоу, и Эндрю Ньюмен. И у всех портретов Джона Брэтби удивительно похожи глаза, хоть и разные выражения в них, а похожи. Особенно у поэтов. А если вдуматься — Джон Брэтби прав. Я часто могу отличить по глазам человека, пишущего или даже писавшего в молодости стихи, от того, кто никогда их не писал. Взгляд у такого человека задумчивый и словно в глубину своей души направлен. Вот так, по взгляду, угадала я в зале Общества поэтов среди посетителей выставки Брэтби тех, кто пишет стихи, и подошла к одному. Не ошиблась. Петер Эллсон. Его имя встречалось мне изредка в семидесятых. Сегодня он автор нескольких книг.

Листаю книги Петера Эллсона, чувствую, буду переводить, и думаю о том, что хорошо бы издать у нас стихи современных английских поэтов, которые сегодня еще не стали классиками, но уже довольно четко отражают лицо современной английской поэзии.

НАПОСЛЕДОК — ДЖОН

Десять дней пролетели. Я вошла в самолет, думая, что сейчас погружусь в кресло и попытаюсь осмыслить все увиденное, попытаюсь задуматься над сегодняшней судьбой Альбиона, где ничего вроде не переменялось и переменялось все, где на стриженной английской траве хищно раскинули крылья американские ракеты и где моя подруга Пегги идет им навстречу, без страха и сомнения, со своим совсем неслабым — НЕТИ! где скромный инженер Антони надывается, желая разбогатеть, а дочь его Салли ищет свои собственные пути в жизни.

— Ах, — сказала мне на прощание миссис Кентон, — я совсем стала старухой, может быть, больше не увидимся. Но поверьте, мне очень не нравятся, что наша великая страна

становится жалким полигоном для американцев. Хотелось бы умереть прежде, чем все это взлетит на воздух. Во мне никогда не было духа протеста, но, если бы сегодня были силы, я подняла бы свой голос против всей этой гадости. Я уже и газетам не верю и телевизор не смотрю. Вы ведь любите Лондон?

— Очень люблю, — ответила я, глядя из окна ее квартиры на тихую, белую, аккуратную улочку.

— Вы не хотите, чтобы он взлетел к чертам собачьим?

— Как можно этого хотеть?!

— Тогда сделайте что-нибудь там, у себя.

Вы представить себе не можете, как мы, англичане, боимся вашего нападения. И хоть я понимаю, конечно, что вы нападать не собираетесь, но это умом понимаю, а животный страх уже воспитан, мозги промыты, и ничего с этим не поделаешь. Вы там у себя боитесь так же, как мы?

— Нет, мы боимся, но по-другому.

— То есть как это?

— О войне без содрогания не думаем. Но из нас еще прошлая война не вышла, все о себе напоминает. Мы еще ее ран не заляли. Можем ли мы хотеть новой?

— Я все понимаю, все понимаю, но страшно...

Этот разговор так ничем и не кончился, да и чем мог закончиться он? Мы расцеловались, распрощались. Я уверила миссис Кентон, что ее возраст не внушает мне опасений за ее жизнь. До встречи!

Я шла по узкому проходу самолета и увидела устремленные на меня глаза, полные любопытства и доброжелательности. Это был юноша лет двадцати пяти, с круглым, почти девичьим лицом. Я села сзади него. И в полете все ощущала присутствие этого юноши. Я сказала что-то по-русски стюардессе, он обернулся на голос и снова осветился улыбкой. По-моему, я поняла его: впервые летит в Советский Союз, никого из знакомых у него там нет, и хочет, чтоб знакомые были. Не привыкать мне знакомиться с англичанами таким путем, но на сей раз я могла бы обойтись и без знакомства. Однако он обойтись не хотел. Так я познакомилась с Джоном, клерком из Сити. В Москве ему предстояло пробыть четыре дня, после чего он должен был лететь в Японию к другу в гости. Родители отговаривали его от Москвы. Знакомые тоже. Говорили, что в самолетах Аэрофлота не кормят, даже воды не дадут, что на улицах Москвы за ним будут ходить по пятам, шаг ступить не сможет, и много еще подобной чепухи сообщил мне улыбчивый Джон. После плотного обеда в самолете я дала ему телефон, позвала в гости. Он пришел через день, полный самых разнообразных впечатлений.

— Почти все, что мне говорили о вашей стране, оказалось чепухой.

— Почти?

— Ну вот, я не все еще проверил. Например, не удалось проверить, правда ли, что вы не можете поехать из одного города в другой без разрешения властей.

— Из Москвы, например, в Ленинград? Или в Баку?

— Да.

— Это чистая выдумка. Можем ехать куда хотим.

— А как проверить?

— Поезжайте на вокзал.

Поехал. Звонит:

— Трудно без языка, но я объяснился. Надо мной смеялись.

За четыре дня в Москве Джон во многом разобрался. Нет, он не переменял своих взглядов на жизнь, он целиком принимает веками сложившийся общественный строй в Англии. И не переменяет, по-моему. Плоть от плоти своего общества. Одно маленькое зернышко из миллионов, населяющих страну. Но он понял, что в его мире много неправды распространяется о стране, «готовой напасть на Англию».

— А может быть, и мысль о нападении такая же ложь? — спросила я.

— Мне трудно пока к этому привыкнуть, — чистосердечно признался Джон.

Он улетел в Японию взбудораженный, а я села писать этот очерк. И снова Альбион вошел в мою жизнь со всем, что можно в нем горячо любить и не любить.

Наш поезд отходил от перрона станции Тынды. Перед окнами медленно проплыли контуры строящегося здания вокзала, великолепная архитектура которого уже вполне зрима.

Поезд шел на запад по большому БАМу, который пока не улежался, не окреп, а потому высокие скорости еще не освоил.

Мой попутчик Павел Лаврентьев — секретарь партийной организации мостостроительного отряда № 47, добившегося почетного права возводить мост через реку Куанду, которому суждено стать завершающим мостом строительства магистрали.

Павел собирался ненадолго заехать в Дюгабуль — базовый поселок своего отряда (две недели с семьей не виделся), а затем, как и я, держать путь на Куанду. От Тынды до Дюгабуля триста километров, от Дюгабуля до поселка Хани, конечного пункта маршрута поезда, еще около двухсот. Затем нам предстояло полтысячи верст преодолеть по грунтовой автодороге. Далее я намеревался таким же путем добраться до Байкала: стало быть, еще пятьсот.

— Не огорчайся, — смеялся Павел, — от такого путешествия здоровью одна лишь польза. Дорога потрясающая: если есть лишний вес, все вытрясает.

Да я и не огорчался. Особенно, когда думал о том, что у самого Лаврентьева так вся жизнь и катится — то по рельсам, то по автодороге — отряд-то во многих точках разбросан.

Лаврентьев фигурой сух, поджарист. Острый взгляд из-под очков. Говорит много, но все с толком. Умеет слушать, держать нить разговора, не отвлекаться от темы. Он убежден, что лучше их Дюгабуля поселка на БАМе нет. «Завтра сам увидишь». Вспомнив через неделю его слова, я подумал, что хоть истинность их неодолезна, зато искренность неоспорима.

Что путь держит на Куанду — это понятно. Отсрочка сдачи моста недопустима, укладка рельсового пути должна быть завершена на год раньше срока — к 67-й годовщине Октября. А обстановка на объекте сложная. Опять же: «Сам все увидишь».

В середине ночи, часов через десять, мы прибыли в Дюгабуль. Шел теплый дождь.

Дюгабуль возведен самими мостостроителями. Весь поселок из дерева, построен со вкусом и полон современных благ цивилизации. Дом культуры, стадион с великолепной, освещаемой хоккейной коробкой. Школа, разумеется, десятилетка. («Учителя у нас проходят буквально конкурсную комиссию»). Баня — всю жизнь буду ее помнить! Больница? Была. Перевели в другой поселок по причине отсутствия намеченного спроса.

Еще я спросил Лаврентьева про перспективы отряда. Комиссар неожиданно погрузнел:

— Вот построим наши мосты, и похоже, что будем разъезжаться. Все придется оставлять. Жалко.

— Но почему? Ведь другие ответвления будут строить.

— Пока нам об этом ничего конкретно не говорят. И потому народ уже начинает в сторону поглядывать. А жаль. У нас высокопрофессиональный коллектив, такой не сразу создашь.

Народ, правда, не хочет уезжать из этих мест,— продолжал Лаврентьев.— Слишком многое с ними связано. Дорого дались нам наши мосты. Да разве только нам? В общем, есть он, баковский дух.

В следующую ночь мы с Павлом снова сели в поезд и днем прибыли на станцию Хани, где нас поджидала машина.

К концу дня встретили стоящий состав с рельсовыми звеньями, а вскоре показался и сам путеукладчик «восточный», перед которым кончался рельсовый путь, а затем и насыпь. На разных участках будущей трассы тяжело гудели самосвалы, бурными темпами велась отсыпка грунта. Визуальная оценка не оставляла никаких сомнений в том, что в намеченный срок насыпь будет готова. Следовательно, дело за тоннельщиками и мостостроителями.

* * *

Утром следующего дня на пути и Куанде мы остановились возле строящегося крупного моста через реку Икабенкан. 49-й мостостроительный отряд возводил самый высокий мост магистрали, высота центральной опоры 33 (!) метра. Из-за сложности рельефа было принято уникальное для БАМа инженерное решение. Суть его в том, что пролетные строения возводятся методом продольной надстройки, разработанным Тындинским СКБ Главмостостроя. Могучие гидравлические домкраты на наших глазах медленно, но верно перемещали почти стонную конструкцию пролета. Бригадир монтажников Игорь Куличков (инженер по образованию, но не по должности, и таких здесь немало) сказал мне, что при отрицательных температурах этот метод вообще никогда и нигде не применялся. Если, скажем, несколько часов светит солнце и, стало быть, греет один бок пролета, то на конце его смещение в сторону достигает десяти сантиметров. Задача неожиданная, задача инженерная. Задача решаемая.

Тут подошел Лаврентьев и сказал, что бригада Куличкова в «сорок девятом» лучшая, что Игорь на БАМе с самого начала стройки. Специалист опытейший. Вспомнил, что, когда строился мост через Оленку, возникла необходимость сформировать сборную бригаду из разных отрядов. Собрали лучших рабочих, столь ответственно была задача. Так вот: бригаду возглавил Куличков.

— Понимаешь теперь, что такое мост через Икабенкан? — заключил Лаврентьев.

Я же подумал: молодец ты, Павел, коли так расхваливаешь «конкурента».

Ну вот и Куанда.

Начальник 47-го мостостроительного отряда Онуицун внешне был спокоен, хотя положение дел на объекте предполагало иное состояние духа Владимира Матвеевича. Когда я осторожно спросил его, каким резервом времени он располагает, чтобы успеть вовремя поставить опору, командир отпечатал:

— Ни-ка-ким!

Две опоры моста «сухие», с ними проблем никаких. Третьей же, центральной, стоять в воде. Вот с этой «мокрой» пока ничего и не получалось. Дело в том, что поначалу прямоугольное пространство вокруг будущей опоры нужно высушить. Для этого вбили в дно реки стальные шпунтины специального профиля, которые, сомкнувшись, должны были обра-

зовать водонепроницаемое ограждение. А на дне полным-полно топья: старых промокших насплошь бревен, которые от долгого времени приобрели такую твердость, что ни разломать, ни срезать, оттого и щели. Внутри этого металлического ограждения еще одно — деревянное щитовое, но и оно не спасало. Два насоса средней мощности вот уже который час работали непрерывно, однако уровень воды в ограждении не понижался. Подготовили к работе и включили третий насос, гораздо более мощный. Вода пошла было на убыль, но через полметра встала. Уверенно и безнадежно. Что делать?

Онуицун хорошо понимал, что дней через десять начнется паводок, а уровень воды опустится до нынешнего лишь к середине осени, то есть тогда, когда по нынешнему ускоренному графику мост должен быть уже давно готов.

Онуицун связался по радию с руководителем своего мостостроительного треста:

— Предлагаю между двумя ограждениями залить бетон, заполнить таким образом пазуху.

— Действуйте, — ответил ему.

Если и теперь не удастся создать водонепроницаемую оболочку для дальнейшего возведения опоры, то...

— Ничего, проскочим, — бросил Владимир Матвеевич, — безвыходных ситуаций не бывает. Все равно какое-то решение найдем. «Золотое звено» должно быть положено в срок.

— Точнее, на год раньше срока, — поправил я его.

— Мы считаем, что для нас это и есть уже «в срок».

К «какому-то» решению прибегать не пришлось. Бетон справился с топьями, воду откачали. На душе у Онуицуна заметно полегчало. Но, видимо, ненадолго.

* * *

Наш «уазик» шел по льду живописнейшего озера Леприндо, зажатого Кодарским и Удоканским горными хребтами. Но вот хребты наконец сомкнулись. Здесь-то и суждено проложенной по берегу магистрали войти в тоннель.

Тихо у восточного портала тоннеля, работы временно приостановлены. Линия фронта сейчас на западе, проходка идет пока только оттуда. Такая сложилась обстановка.

У строителей с Кодарским тоннелем отношения холодные. И должны быть именно такими, потому как вечная мерзлота, нагревать которую опасно.

Известно, что вслед за проходкой ведется бетонирование тоннеля. В опалубку закладывается сразу по 250 кубометров бетона — чрезвычайно много! Но допустимо. Однако больше нельзя: суммарное тепловыделение бетона может оказаться чрезмерно высоким, из-за чего вечномерзлый грунт подтаеет, а это чревато неприятностями.

Трудности с прогнозом геологической обстановки, большой разрыв между проходкой и отделкой свою печальную роль сыграли. Сказалось и последующее ускоренное бетонирование — поджимали сроки. В результате произошел вывал грунта на проделанном участке тоннеля длиной сто метров. Объект теперь будет сдан позже. Решено пробурить к месту вывала породы вертикальные скважины и через них, то есть сверху, подавать цементно-песчаный раствор. Затем вновь сделать проходку через эти залученные сто метров.

Недалеко от западного портала Кодарского тоннеля запускали новый бетонный завод. Торжеств не было. Дорог каждый час.

...Торжества были у другого тоннеля — Байкальского. Правда, давно, тогда, когда был завер-

шен многолетний труд тоннельщиков, уложены рельсы по всей длине почти семикилометрового тоннеля. Когда прошел первый поезд.

Второй поезд направился уже обходным путем — полез в гору. Без пассажиров, на минимальных скоростях. Состав — 4 вагона под двумя локомотивами. В чем дело? Может быть, тоннельщики допустили какую-то ошибку?

— Никакой ошибки, — сказал мне главный инженер Бамтоннельстроя Р. И. Касапов. — В это трудно поверить, но такое впечатление, что Главбамстрой и управление дороги тоннель оказался попросту ненужным. Иначе чем объяснить то, что от разъезда Дельбичинда до разъезда Даван — 15 километров трассы, на которых и находится Байкальский тоннель, — долгое время не создавалось практически ничего для обеспечения нормального движения. Нужно укреплять насыпь, рихтовать путь, ввести систему централизованной блокировки. Необходимы светофоры, автостопы. И, наконец, участок нужно обслуживать, охранять, а потому привлечь для этой работы людей, построить им жилье. Здесь этого не делалось...

Все согласны с тем, что магистраль должна стать надежной и хорошо обустроенной, что темпами строительства недопустимо наносить ущерб качеству. Но, как видите, не все этой заповеди следуют.

Ваш корреспондент поинтересовался, можно ли проехать на грузовом составе этим обходным путем? Не посоветовали. Объяснили, что опасно. Что вагоны иногда сходят с рельсов. Что сверху на дорогу рушатся валуны.

В гору поднималась горстка скалолазов. Как пояснил Касапов, они подмечают ненадежные валуны и сбрасывают их вниз. Пока не прошел поезд.

Так было еще совсем недавно. Сейчас, как стало известно, дела с обеспечением регулярного движения поездов на участке Дельбичинда — Даван стали налаживаться. Явно сыграли роль настоятельные указания сверху.

* * *

В начале мая оставалось положить уже менее двухсот километров рельсового пути.

Недалеко от поселка Таксимо стоял «западный» путеукладчик. Стоял в ожидании отсыпки земляного полотна. Работа в тот час не велась, и потому можно было зайти в кабину потолковать.

— Нам-то что, — сказал Василий Николаевич Дудников, машинист путеукладочного крана. — Нам дай насыпь, а там мы хоть по четыре километра в сутки вырабатываем. Вот отсыпка грунта — дело другое. Трудное. И, конечно, сооружение мостов и тоннелей.

Узнав, кто я и откуда, Василий Николаевич поставил кружку с чаем на стол, встал и заходил по вагончику.

— Ну вот, корреспондент, так и напиши, что не мы герои, не мы, а они. Слишком много нам внимания уделяет ваш брат. Оно, конечно, понятно, потому что красиво: рельсы кладут. Выбавивай флаги, бери с серебряного подноса ножницы и режь ленточку. Да и начальство очень любит нас по плечу хлопать.

Но неловно, корреспондент, неловно. Не знаешь, как людям в глаза глядеть. Без рельсов, ясное дело, дороги нет. И все же не мы герои, а другие. Ты, например, видел, как работают ребята из мехколонны?

Да, видел. Сотни и сотни самосвалов, с натруженным ревом подвозивших щебень и песок из при-

дорожных карьеров. Нередко пути их пролегали по льду озер, рек и речек, льду, который с каждым весенним днем становился все тоньше. Видел, как грузовики порой заваливались, как их сносило с только что проложенного подъездного пути, как отчаянно буксовали при подъеме на крутой берег, еще глубже утопая колесами в оттаивающей от весеннего солнца земле. Надо спешить...

* * *

Снова и снова возвращаюсь памятью к Северомуйскому тоннелю, которому суждено стать совершенно особой главой в истории создания магистрали. Да не главой — романом, который пишется далеко не всегда ровным почерком, а эпизодом еще так неблизким, хотя сюжет прочерчен четко, герои обрисованы ярко и по достоинству. Но я знаю, что они не любят читать о себе в газетах, потому что считают себя должниками стройки: ведь поезд по тоннелю не пройдет ни в этом, ни в следующем году. Однако вины их в том нет, так сложилось.

Перед началом строительства этого 15-километрового тоннеля трудно было предвидеть то, с чем придется здесь встретиться проходчикам. Так, в недрах Северомуйского хребта граниты имеют свойство разрушаться до песка и глины. Здесь высокая сейсмичность. Сам же массив разбит на блоки, которые смещаются друг относительно друга, порождая перетирания, и в ослабленных местах циркулирует вода.

Однажды встретился полукилометровой ширины размыв — русло древней реки Ангараган, заполненное смесью валунов, песка и воды. Предварительная разведка участка была проведена слабо. Несметные потоки селя хлынули в тоннель... Это БАМ. Осторожно и медленно небольшие составы идут обходным путем через перевал.

...Оторвем взор от земли, обратив его в космос. Первый спутник, первый пилотируемый корабль еще не означали открытия эпохи практического освоения космического пространства. На то понадобилось немало лет, в течение которых создавались космическая техника и одновременно средства обеспечения полета. Даже первая стыковка не открыла, а лишь существенно приблизила эпоху практического освоения космоса.

К 67-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции будет уложено последнее звено на трассе БАМа. Эта стыковка подведет черту под двенадцатилетним героическим трудом людей. Но трудом черновым. И никто из строителей магистрали не скажет, что все сложное позади.

С досрочным завершением укладки рельсового пути появится возможность сквозной доставки грузов по железной дороге в любую точку строящейся магистрали, а значит, и зоны хозяйственного освоения БАМа. Рейс одного грузового автомобиля от Усть-Кута до Северомуйска (это около 600 километров пути) обходился государству в 500—700 рублей. По рельсам доставка неизмеримо дешевле. Важно только, чтоб к железной дороге относились «по-человечески». Ведь она пока действительно что ребенок малый. И кормить нужно и одевать. Оберегать от опасностей. Обучать. Только тогда БАМ сможет стать здоровой, сильной, способной жить полнокровной жизнью — для людей, для народа, ее создавшего.

Никто не призывает бить в не уложенный пока рельс. Люди выиграют тяжелую битву за магистраль. Важно, чтоб эта победа вершилась ценой минимальных потерь и издержек.

— Познакомьтесь с детским хореографическим ансамблем «Ручеек». Его художественный руководитель — артист Виктор Алексеевич Павлов, лауреат Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Это мне сказали в отделе культуры Тимирязевского района партии Москвы. Ансамбль оказался и впрямь необычным. Если бы он существовал при клубе или Дворце культуры какого-нибудь завода, или даже при школе, не было бы ничего удивительного: там находят средства (и немалые) для штатного руководителя, находят и помещение для репетиций, концертов. «Ручеек» же, созданный пять лет назад, живет на общественных началах при красном уголке жилищного управления, куда все привыкли обращаться лишь с разными бытовыми вопросами. Поэтому здесь все иначе... Когда артист Виктор Алексеевич Павлов ушел на пенсию, партийная организация обратилась к нему с просьбой: поработать с детьми и создать самостоятельный ансамбль. Так родился «Ручеек». Его теперь можно назвать хореографической студией. Обучение ведется по трем возрастным группам, так же, как в училище Большого театра СССР.

После того, как побываешь на улице Немчинова на репетициях и концертах «Ручейки», радуешься тому, что сюда принимают всех детей, живущих в микрорайоне. Для Виктора Алексеевича все дети равны: он не делит их на способных и неспособных, изланных и неулных.

— Наша цель, — говорит он, — приобщить любого ребенка к искусству. Научить владеть своим телом, выработать осанку, укрепить здоровье. Если из них не получатся артисты, это совсем неважно: на всю жизнь останется любовь к Прекрасному, а не тяготение к престижному...

Человек одаренный, увлекающийся, Виктор Алексеевич до самозабвения любит искусство, умеет заражать окружающих своим энтузиазмом. У него теперь много помощников: это и родители и работники домоуправления.

— Я люблю детей, люблю творчество, — таков Павлов.

О детях говорит увлеченно, о себе — скупно. С пятнадцати лет он танцевал во многих ансамблях страны, в том числе в прославленном ансамбле Игоря Моисеева.

Доброта действенная, а не на словах — главное человеческое качество. Павлов шутит, что, согласно закону сохранения энергии, доброта, отданная людям, не пропадает, а возникает заново в добрых делах тех, кто будет жить дальше.

Ф. КОВАРСКАЯ

Идут занятия...

Фото Е. Молчанова

Великолепная пятерка и вратарь

Борис ЛЕВИН,
фото А. БОЧНИНА

Пожалуй, ни в одном виде спорта нет такой необычной ситуации, как в хоккее: в хоккейной команде, по существу, их четыре — каждая из четырех троек нападающих вместе с парой защитников представляет собой как бы микроколлектив. Вот об одной из таких «команд в команде» и пойдет речь.

Перед вами лучшая пятерка советского хоккея, гордость ЦСКА, неизменного чемпиона страны последних семи лет: С. Макаров, В. Крутов, И. Ларионов, А. Касатонов, В. Фетисов. Последние три сезона эта пятерка считается сильнейшей не только в нашем хоккее, но и в мировом. Многие знатоки стремительной, темпераментной игры пытались разгадать, в чем секрет этой пятерки, а секрет прост: пятеро первых сумели освоить наследство своих славных предшественников.

За последние два десятилетия в нашем хоккее были только две пятерки, которые можно сравнить с нынешней, и обе они выступали в составе ЦСКА — К. Локтев, А. Альметов, В. Александров, А. Рагулин, Э. Иванов, а затем Б. Михайлов, В. Петров, В. Харламов, В. Лутченко, Г. Цыганков.

И если говорить о секрете ларионовской пятерки («команда в команде» получает свое имя по центральному нападающему), то это умение каждого из них сыграть на любом месте: взаимозаменяемость ставит в тупик соперников, которые не знают, от кого ждать завершения атаки. Стремительность игрового мышления, полнейшая синхронность действий, головокружительный темп — вот отличительные стилевые черты ведущей пятерки ЦСКА последнего поколения.

И тут, конечно, надо отдать должное главному тренеру ЦСКА Виктору Васильевичу Тихонову, которому удалось соединить в единое целое пятерых молодых хоккеистов.

Их путь в одну микрокоманду был неоднозначен. Володя Крутов, воспитанник армейского клуба, появился на хоккейном горизонте в 1979 году. Тогда он успешно выступил в составе молодежной сборной на чемпионате мира, а на следующий год восемнадцатилетний хоккеист стал ду-

кратным чемпионом мира. Этот успех разделял с ним другой молодой хоккеист — Игорь Ларионов. Знатоки высоко оценили эту связку, совместные действия двух нападающих, но дальнейшие пути их ненадолго разошлись. Крутов выступал в команде ЦСКА и уже в 1980 году был включен в состав олимпийской сборной, а Ларионов, начавший свой путь в команде «Химик», только в 1981 году был зачислен в армейскую команду. И тогда-то судьба его была решена Виктором Васильевичем Тихоновым, который разгадал в Игоре задатки современного центрального нападающего, причем его кажущаяся миниатюрность дополнялась физической мощью Крутова.

Так снова возникла многообещающая связка Крутов — Ларионов. Но кто же должен был стать их третьим партнером? Конечно, Сергей Макаров — самый старший и самый опытный, к тому времени уже имевший трехлетний опыт игры в сборной команде страны.

Сергей начал свой путь в детской, потом юношеской команде челябинского «Трактора», в семнадцать лет был зачислен в команду мастеров и свой первый матч в высшей лиге провел против спартаковцев, забросив великолепную шайбу. Но, придя в ЦСКА, Макаров не сразу смог проявить свои возможности. Зато через два сезона, насыщенные тренировками и выступлениями, референдум, состоящий из 426 хоккейных обозревателей многих стран, назвал его лучшим нападающим Европы.

Так возникло ныне знаменитое ларионовское звено, которому принадлежат все рекорды результативности и в союзных чемпионатах, и на международных турнирах. Так сложилась тройка нападающих, а два защитника, выступающие с этим лучшим армейским звеном, под стать своим молодым товарищам.

На фоне головокружительных финтов и выпадов Вячеслава Фетисова игра Алексея Касатонина порой кажется менее яркой, но умение вести силовую борьбу, стремительность передвижений,

точность в передаче шайбы, безошибочные броски по воротам — все это он выполняет со «знаком качества». И если еще в прошлом году считалось, что Касатонов больше тяготеет к позиции чистого защитника, то в нынешнем сезоне он не уступал заправским форвардам.

О феномене Фетисова любители хоккея впервые заговорили еще в 1978 году, когда он прекрасно зарекомендовал себя как лучший защитник молодежного чемпионата мира, а с годами его игра становилась все более многогранной. Сейчас Фетисов — хозяин всей ледяной площадки. Он способен мгновенно переместиться от своих ворот в линию атаки, локализовать самого опытного нападающего и, оставив за своей спиной чужих защитников, точно пробить по воротам. Достаточно напомнить, что в нынешнем сезоне Фетисов занимает четвертое место среди лучших нападающих и вместе с тем являлся самым верным партнером Третьяка в защите ворот.

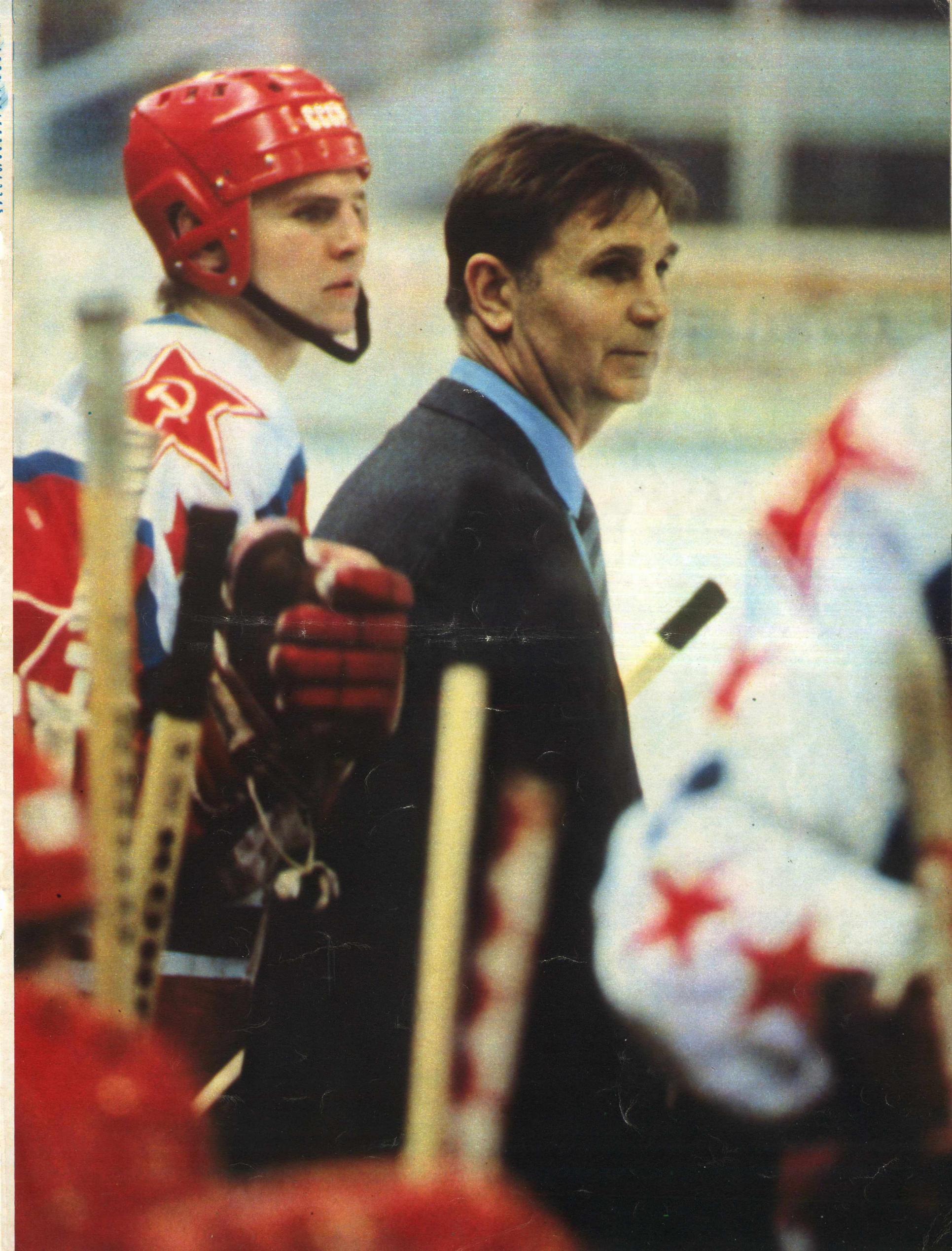
Наш лучший вратарь Владислав Третьяк, пятнадцать лет охранявший ворота ЦСКА и сборной, великолепно знает толк в искусстве защиты и нападения — он ведь выступал вместе с самыми известными армейскими пятерками. Третьяк высоко ценит искусство ларионовского квинтета, да и сам он немало сделал для совершенства его мастерства. «Владик всегда подсказывал нам интересные решения, он цементирует игру нашей пятерки», — так сказал Фетисов, и Владислава Третьяка с полным правом можно было считать членом лучшей «мини-команды» ЦСКА.

Но теперь великолепной пятерке придется играть с новым армейским вратарем: Владислав Третьяк объявил, что уходит из спорта. Окончив Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, он будет работать в политотделе Центрального Спортивного клуба армии.

Ну что же, такова спортивная жизнь. Разве ларионовская пятерка не пришла в свое время на смену пятерке Петрова?

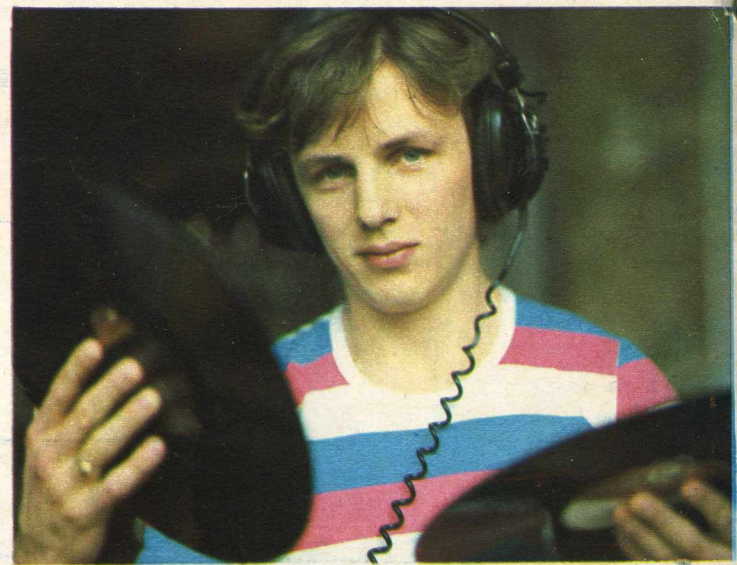
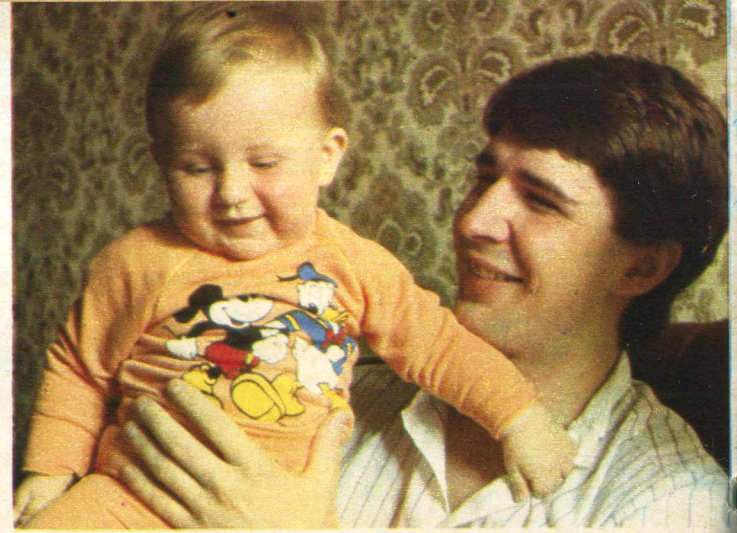
Старший тренер хоккейной команды ЦСКА В. В. Тихонов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Владислав Третьяк *
Великолепная пятерка: С. Макаров, И. Ларионов, В. Крутов,
во втором ряду: А. Касатонов и В. Фетисов.

Любовь диктует слова

В одной из своих недавних книг, символически названной «Волшебная палочка», Владимир Алексеевич Солоухин сказал точно и ясно: «Не нужно твердить, разумеется, на каждом шагу: «О любимая земля!», «О люди, как я вас люблю!». Но если вы действительно любите, то любовь независимо даже от сознания осветит и согреет страницы, написанные вами. Она подскажет вам слова, даст краски, навеет музыку. И что самое главное — ее обязательно почувствует читатель». Мне кажется, что именно это утверждение, за которым стоит очень многое, и дает нам возможность приблизиться к самой сути творчества Владимира Солоухина.

Писатель создает свою обостренно-характерную прозу, где с точностью и объемностью передачи впечатлений, философичностью и вниманием к поэтической детали сочетается яркая публицистичность, четко выраженная гражданская направленность, а часто и бешеные страсти в отстаивании своей точки зрения. Четкая, выстраданная позиция русского художника и нашего современника-гражданина видна и когда пишет Солоухин о милой ему Владимирщине, по дорогам и тропам, деревням и лесам которой провел он читателей в книге «Владимирские проселки»; и когда знакомит нас с жителями своей родной деревни («Капля росы»); и когда поднимает острые, наиболее проблемные вопросы спасения и восстановления гибнущих памятников отечественной истории и культуры («Время собирать камни», «Письма из Русского музея», «Черные доски», «Продолжение времени» и др.); и когда пишет о природе, затрагивает вопросы экологии, рисует картины среднерусской полосы... Огромный труд литератора-исследователя, проникающего в самую суть той или иной проблемы, изучившего ее досконально, очевиден в каждом из этих произведений Солоухина. И потому привлекает его работа и специалиста и самого широкого читателя.

Достаточно лишь одного примера, чтобы доказать это. Многие писали о Шахматове, небольшой, ныне разрушенной усадьбе, где жил великий русский поэт А. Блок. Лучшим же по глубине проникновения в суть вопроса, широте охвата материала, поэтичности и точности выводов остается очерк-исследование Солоухина «Большое Шахматово». Вообще то, что писал и пишет В. Солоухин о памятниках старины, не только необычайно интересно, но и крайне важно. Работа писателя превращается здесь в настоящее, гражданское, патристическое служение. Увы, не просто бывает достучаться до равнодушных сердец тех, от кого порой зависит восстановление усадьбы Блока или Аксакова, спасение обреченного на снос дома, связанного со славными событиями русской истории, или памятника архитектуры многовековой давности. Но писателю дает силу надежда и любовь к России, родной земле, любовь не созерцательная, но действительная и созидательная. Сила созидательной любви — великая сила. И если художнику посчастливилось и он ею владеет, то можно говорить о том, что книги его выдержат самую суровую проверку — временем.

У Солоухина пример тому «Владимирские проселки», давняя книга о путешествии по средней России.

Действительно, что может быть приятнее в наше суетное время, чем путешествие неторопливое, самым старинным способом, то есть пешком, в мир милого детства, в издавна знакомые леса, в край неторопливых рек и пахучих трав, когда каждый день пути приближает тебя к той единственной на земле точке, где родился и ты, и отец твой, и дед. И если ты при этом еще и склонен к общению с пером и бумагой, то записывай, что по дороге приключилось, что видел и слышал, — и путевые очерки готов. Чего таить, таких произведений, где автор играет роль гида, и по сей день не-

Владимир Солоухин. Май 1984 года.

Фото А. Нагальяна

мало. Но для Солоухина маршрут его недолгого путешествия служит лишь сюжетом внешним. Писатель умело развивает свою первоначальную идею и, углубляясь во Владимирщину, все тщательнее разрабатывает материал, отбирая то важное, что необходимо для истинного его пути, пути постижения души и характера человека, его забот и мыслей. Не случайно мы и по сей день читаем «Владимирские проселки» с тем интересом, с каким читается только-только написанная книга.

Природа и человек в мире природы, — видимо, нет или почти нет у Солоухина произведений, где бы не затрагивалась эта тема. Обостренно воспринимает писатель гибель рек, лесов, лугов от бесцеремонного, часто ни экономически, ни этически не оправданного вмешательства людей. Неравнодушное отношение к этим и другим жизненно важным для человечества проблемам позволяет Солоухину создавать произведения, затрагивающие всеобщие интересы. Ведь чувство родной природы нерасторжимой частью входит в чувство Родины, но как часто мы, увлеченные вихрем технического прогресса, в обыденной спешке своей забываем об этом.

Современность в этой повести тесным образом переплетена с историей. Автор хорошо знает прошлое края, он чувствует связь с предками, с минувшим. Именно здесь родилась тема, прошедшая затем через многие произведения Солоухина, — тема бережного отношения к памятникам истории, культуры, искусства, быта России. Небольшая, идеальная в своей завершенности деревянная церковь в селе Глокове, неминуемо исчезнувшая с лица земли, как исчезли многие памятники русского национального зодчества, разрушенные временем и людьми, перенесена в Суздаль: случилось это после того, как поэтично рассказав о ее художественной прелесть и историческом значении Солоухин. Это прямое, так сказать, конкретное воздействие прозы на жизнь.

Возможно, история и не самое главное, считает писатель, но она лежит в основе духовной жизни народа, и небрежение ею обездоливает человека, сушит его душу. Гибнущие по глухому чиновничьему равнодушию художественные промыслы, уходящее в прошлое искусство владимирских рожечников, забытые могилы предков, покосившаяся избушка одиноких стариков, задымленный промышленный город и сохнувший лес — мимо всего этого не проходит равнодушным В. Солоухин, ибо это отчая земля, Родина, Россия, радость и боль его.

«Я перешел ту ступень, — заметил как-то Солоухин, — когда интересно заниматься детским занятием — смотреть на новые места. Всего интереснее мне в местах, давно и вполне привычных. Может быть, потому, что вся энергия тратится не на скольжение взглядом по новым, незнакомым местам, а на внутрен-

нюю работу». Видимо, сходной мыслью руководствовался писатель, задумывая «Каплю росы», документальную повесть о родном селе Оленине, его жителях, истории, природе. Сам он удачно сравнил «Каплю росы» со средним планом в кинематографе, следующей по законам монтажа за «Владимирскими проселками». Это тонкая и поэтичная повесть, где воспоминания о «самой дивной из волшебных стран», стране детства, переплетаются с порой веселыми, порой грустными рассказами об односельчанах, их рождении, жизни, смерти, где природа существует, радуется и мучается наравне с людьми, а человек в общении с природой становится чище, спокойнее, самоуглубленнее.

В этой очищающей гармонии, в облагораживающем слиянии человека с живой природой философский пафос писателя. Общение с природой не случайная прихоть для него, а глубокая внутренняя необходимость, ощущение реальности обновления и могущественной полноты жизни.

Героиня давнего рассказа Солоухина «Наша дама» — пожилая женщина, под недоуменные, а чаще насмешливые взгляды слушающей, обалдевшей от карт и болтовни в дождливые южные дни курортной публики проводящая все свое время с книгой под большим черным зонтом на берегу моря, — вызывает у автора не только симпатию, но и пробуждает в нем уже было начинающиеся ускользать в городском пресыщении чувства: ведь это же действительно прекрасно — шум дождя, вечный гул моря и сосредоточенное одиночество на его берегу с интересной книгой. Писатель постоянно ощущает глубину и неизведанность человеческой души. Сознание того, «как неожиданно может раскрыться человек, какими неожиданными гранями может он вдруг сверкнуть, если жизнь повернет его так и эдак», позволяет ему создать на страницах коротких, чаще всего невдуманных новелл запоминающиеся образы. И если мы будем внимательно читать рассказы Солоухина, то увидим характеры, каждый из которых, существуя сам по себе, вкуче с другими является составляющей образа русского человека, которому и посвящает свое творчество писатель. И, что еще немаловажно, в каждом рассказе увидим мы его самого, с отчетливо выраженной индивидуальной манерой письма, обладающего собственным стилем и художественным почерком.

В. Солоухин автор замечательных произведений о природе — «Трава», «Третья охота», записок о рыбной ловле (как не вспомнить здесь С. Т. Аксакова, чьи традиции явлены в творчестве Солоухина). В каждом из них привлекает не только высокое поэтическое и нравственное чувство, но и стремление автора разобраться в самой сути явлений, тот исследовательский подход к проблеме, который и делает его книги удивительно интересными и глубокими.

Как-то писатель сказал, что относится к типу художников, у которых «документ, факт стоят... впереди фантазии». Проще говоря, описывает он то, что видит. Но все дело в том, как он это делает. И об этом можно написать весьма серьезное исследование.

Несомненно, многим обязан Солоухин-прозаик Солоухину-поэту. Но это особый, специальный разговор. Подчеркнем здесь лишь, что точность выбора слов, дисциплина формы да и сама лиричность прозы Солоухина, несомненно, восходят к стихам, значительной ипостаси его творчества.

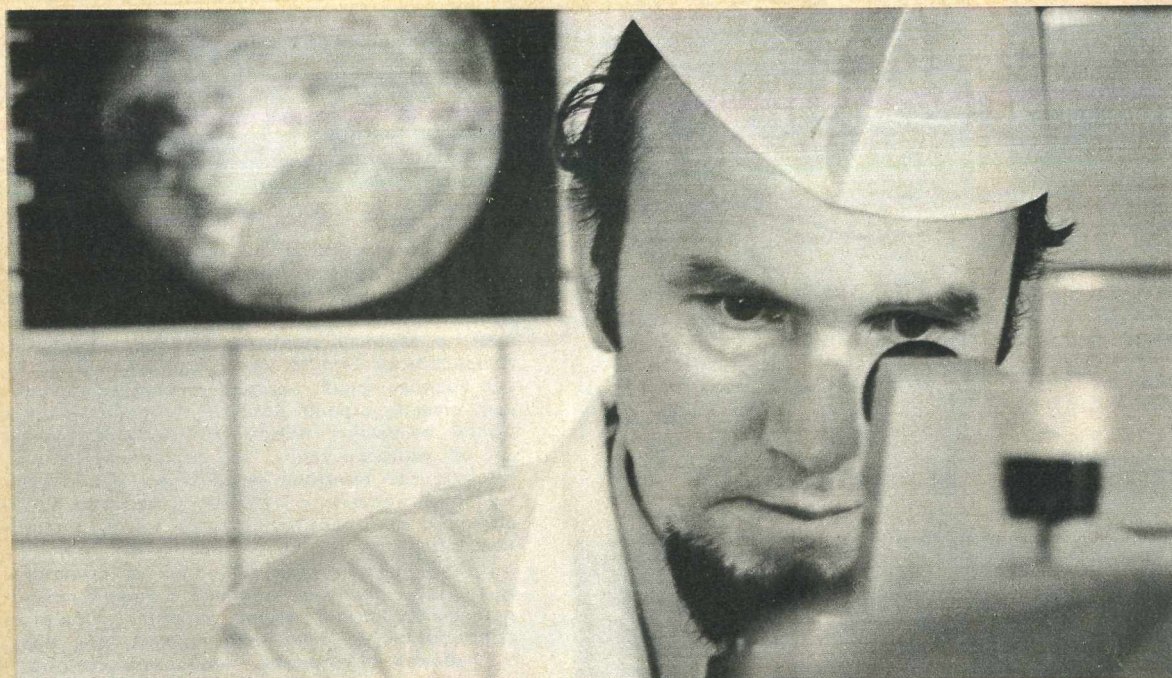
Завершая Венок сонетов (отметим, поэт достиг многого в этой строгой форме, что свидетельствует об отличной школе и незаурядном мастерстве), он писал:

Хранится в сердце мужества запас.
И свет во тьме, как прежде, не погас,
И тьма его, как прежде, не объяла!

Эти слова могут стать девизом творчества Владимира Солоухина, прекрасного русского советского писателя, способного открывать людям внутреннюю правду, которая скрыта за внешней формой бытия.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

Атакуют первая пятерка * Сыну Алексея Касатонова — Лёне — год * Игорь Ларионов любит музыку * У Владимира Крутова тоже сын... * А Артем Макаров уже освоил двухколесный велосипед * Сыновья сыновьями, но и машина не остается без внимания Владимира Крутова, Вячеслава Фетисова и Сергея Макарова.

Руководитель отдела Института микрохирургии глаза, кандидат медицинских наук А. Д. Семенов.

Фото И. Туннеля

ЛУЧЕНОСЦЫ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

В Москву Александр Дмитриевич Семенов ехал окрыленным: прошел по конкурсу на заведование отделом. Правда, пока еще не существующим, но он был полон надежд и верил в то, что все так и будет. Его ждал профессор, доктор медицинских наук Святослав Николаевич Федоров...

...Еще давно, в Астрахани, в свою студенческую пору, Семенов наслышан был о кудеснике искусственного хрусталика. А потом случилось так, что, окончив с отличием институт и успев опубликоваться в научном журнале, Семенов проходил военную службу на Севере.

В один прекрасный день пред изумленным Федоровым предстал молоденький лейтенант в морском нителе. Преодолевая внутреннюю стеснительность, он отрекомендовался и с трогательной, сохранившейся до сих пор непосредственностью спросил, не мог ли бы он, как офтальмолог, поприступать при операции, если это, разумеется, возможно. Федоров, польщенный, конечно, разрешил, и знакомство, к обоюдному их удовольствию, состоялось. Ни тот, ни другой тогда не предполагали, что тот день станет прелюдией их дружбы.

Вторая встреча, столь же неожиданная, как и первая, произошла в Куйбышеве, у члена-корреспондента АМН СССР Т. И. Ерошевского. Теперь Федоров, жадно ищущий все новое, ходил по клинике этого замечательного ученого и педагога — воспитанники его школы возглавляют ныне кафедры во многих вузах страны — и увидел тут своего знакомого, бывшего североморского моряка. Федоров весьма заинтересованно отнесся к работе аспиранта Семенова на фотоаппарате Мейера-Швинккелера-Литтмана, предшественника лазера в лечении болезней глаза. Применение светового потока вместо скальпеля в то время только начинало распространяться, и пионерами его освоения в клинической медицине стали офтальмологи. Их было еще очень мало — в Одессе, Москве, Куйбышеве, — и аспирант Александр Семенов в их числе... В 1971 году он блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Тема ее «Фотоаппаратура в терапии меланом сосудистой оболочки глаза» была первым научным трудом

по этому вопросу. Молодому кандидату наук прочили заведование кафедрой института в Астрахани, но Федоров имел на его счет свои виды. К тому времени профессор уже обустраивался со своими архангельскими учениками в Москве. И вот наконец в Астрахань пришел телеграфный вызов...

Было это ровно десять лет назад. Семенов был молод — всего тридцать четыре, энергичен и жаждал осуществления творческих замыслов. Он запомнил тот день: 14-е число, вторник. В 1974 году стоял такой же, как нынче был, розовый, ветрено-озорной май. Сады пахли черемухой...

Семенов забросил чемоданчик на улицу Королева, где жили его родственники, и, поймав такси, помчался на другой конец города, в больницу № 81, давшую приют лаборатории Федорова. Будущий отдел Семенова должен был заниматься лазерной хирургией и флюоресцентной ангиографией. Но полковник оказался без полка. Вскоре первой сотрудницей стала врач из той же больницы — Ольга Михайловна Ягвина... Сегодня в отделе Семенова три кандидата медицинских наук — В. Я. Кишкина, Д. А. Магарамов, Ф. А. Ромашенков, группа научных сотрудников и врачей. Каждого из них, кроме Магарамова, Семенов учил работать на лазере.

Десять лет назад Семенов, создавая отдел, начинал с одного, плохо работающего фотоаппаратора и лазера фирмы «МИРА». Сегодня в отделе три лазерных операционных и кабинет ангиографии, прекрасно оснащенные. Им может позавидовать любой лазерный центр Европы и Америки. Столь высокий его уровень постоянно поддерживает директор института и настойчиво добивается нужного решения. «Врач тогда почувствует себя генералом и выиграет сражение за здоровье человека, если будет вооружен самыми современными достижениями науки и техники», — громыхает он, будоража застоявшуюся тишину персональных кабинетов разных ведомств, — затем врач

создает прогрессивную технологию и, поднявшись над ней, двигает медицинскую науку».

Семенов полностью разделяет такую точку зрения и, может быть, в ущерб своим личным творческим планам. «Ну что толку, если я засяду на год, а то и больше за докторскую диссертацию? Материал для нее накоплен. Появится еще один труд и будет лежать на полке, а дело будет стоять, ждать. Мой учитель, Тихон Иванович Ерошевский, торопит: «Спешите делать людям добро!» Вот именно — спешите! Надо лечить, избавлять от слепоты. В этом вижу свой первейший долг».

Вот и получилось, что все эти годы ушли у него на создание отдела, сношение с сильным, работоспособным коллективом, на ознакомление с зарубежным опытом не заочно, а визуально. Он едет в США, изучает положение дел в лазерной хирургии, обменивается опытом с Хантсом Литтлом в его лаборатории в Пало Альто, посещает заводы фирмы «Нюгерент», выпускающей лазеры для лечения глаза. В Эссене Александр Дмитриевич — гость известного во всем мире немецкого ученого, отца фотоаппаратуры профессора Г. Мейера-Швинккелера. В свою очередь, в отделе Семенова приезжают на стажировку офтальмологи из других стран. Семенов выступает с докладами на международных симпозиумах и всесоюзных конференциях. И не только как глава отдела, но и как руководитель Всесоюзного лазерного офтальмологического центра, направляющего работу подобных региональных центров в Красноярске, Ростове-на-Дону, Куйбышеве, Саратове, Ленинграде, Уфе... На базе отдела функционируют курсы по лазерной микрохирургии глаза.

— Нам, лазерщикам, прежде чем нанести «удар» по больному очагу, надо иметь штурманскую карту, — находит Семенов, как бывший моряк, точное сравнение (а Кишкина называет ее канвой), — глазного дна. Ее дает флюоресцентная ангиография. Этот метод — изобретение американцев. Но вот такого у них нет. — Жест в сторону телевизионной приставки и голубого экрана. — Во всех странах, в том числе и в

США, картина глазного дна фиксируется на фотопленке, потом ее проявляют, печатают и т. д. На это уходит уйма времени. Мы получаем ответы на наш запрос о характере заболевания мгновенно, в момент обследования, весь процесс прослеживается на экране, как в кино. Такая машина — единственная пока в мире. Это ее макетный, не фабричный вариант. Пришлось преодолеть неимоверные трудности, прежде чем добились нужного результата. Кто это «мы»? Конструкторы, сотрудники Всесоюзного НИИ телевидения и радиовещания; Е. Н. Бейлин, инженер нашего отдела, врачи Кишкина и Романенко.

Александр Дмитриевич непременно расскажет об отечественной флуоресцентной камере, заменяющей зарубежную; в лазерной операционной покажет «Лиман-2» — детище нашей промышленности, Одесского института глазных болезней имени Филатова, отдела лазерной хирургии своего института и глазной клиники ЦИЭТИН — Центрального института экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов. Дело в том, что врачу надо иметь лазеры различного спектра действия. «Лиман-2» многоцелевого назначения, универсален, содержит несколько источников лазерного излучения при одном энергоблоке. Его называли комбайном.

Так что же дает вся эта техника человеку, от каких избавляет болезней?

Ответ в настольной книге каждого доктора-лазерщика, она так и называется «Лазеры в клинической медицине». Это первый в СССР коллективный труд врачей, физиков, биологов, наладчиков и испытателей, «...державших» по выражению академика Н. Д. Деякова, — начать работы в совершенно неизведанной области, области применения квантовой электроники в медицине. Для каждого автора участие в ней дело чести. Тем более приятно было встретить знакомые по институту микрохирургии глаза фамилии ученых — Федорова, Семенова, Ромашенкова, написавших главу по офтальмологии, самую большую и поставленную первой среди медицинских дисциплин не случайно, — здесь стали применять лазеры прежде, чем в других.

Из всех заболеваний глаза, которые лазерным излучением лечатся успешнее всего и носят массовый характер, авторы считают сосудистые. Тут тромбозы, дистрофия жизненно важного зрительного центра нашего глаза — желтого пятна, воспалительные процессы сетчатки и ее отслойка, наконец, глаукома. Тут уникальный луч квантового генератора вне конкуренции.

Но вот диабетическая ретинопатия — от греческого «ретино» — сетчатая оболочка. Само название напоминает о грозном недуге двадцатого века — сахарном диабете. По данным ВОЗ — Всемирной организации здравоохранения, им страдают около ста миллионов жителей Земли. Эта болезнь, как и глаукома, приводит, если не принять мер, к трагической развязке — слепоте. Семенов и его сотрудники провели наблюдения в течение нескольких лет за большой группой — 500 больных в возрасте от 18 до 78 лет. (Диабет катастрофически помолодел.) У всех была средняя и тяжелая его форма. У большинства из них удалось предотвратить и стабилизировать его дальнейшее пагубное влияние на зрение, вернуть людей в строй.

Но как быть с теми больными, у которых ретинопатия сопровождается осложнениями? Например,

прорастанием соединительной ткани в стекловидное тело? Тут лазерное вмешательство противопоказано и недопустимо. Выход был найден при взаимодействии двух ветвей микрохирургии глаза: традиционной «кровоной» и лазерной, являя собой прекрасный пример сотрудничества исследователей. Святослав Николаевич Федоров и врач Ярослав Иосифович Глинчук предложили удалять патологически измененное стекловидное тело путем витрэктомии, а Александр Дмитриевич — долечивать глаз после операции лазерноагуляцией. У 140 больных из 200 зрение улучшилось. Обнадёживающий итог! Методика витрэктомии полностью разработана в институте, так же как и специальный для этого инструмент витреотом собственной конструкции, и внедрена тут в широкую клиническую практику.

Злокачественные образования, болезнь Гиппеля-Линдау, центрация зрачка, устранение дефектов, вызванных травматизмом, фотокоагуляция радужной оболочки с оптической целью — чего только не бывает! И нет конца у списка недугов, постоянно отступающих перед лучом лазера...

Но вот самое заурядное, почти что общежитское недомогание — близорукость. А у меня миопия высокой степени. Именно она и привела в громадный корпус на Бескудниковском бульваре. Предложили: «Давайте направим вас к лазерщикам». Не сразу решилась. Эти операционные с черным солнышком в желтом треугольнике — символом лазерного луча — на дверях, за которыми что-то, будто затворы винтовок, пощелкивает... Этот тихий, вполголоса или шепотом, разговор ожидающих с трехкратно расширенными, подготовленными для операции зрачками. «Вы знаете, вот я был ранен, контужен, лежал на земле, в грязи. Осень. И то не было так страшно, не казался таким беспомощным, как сейчас. Я видел, мог ползти. А теперь вот сам ни шагу...»

Кажется, моя очередь. Еще порция на этот раз обезболивающих капель из ласковых Валиных рук. И внимательное врача: «Вам удобно? Упритесь лбом, еще плотнее. Смотрите вверх». И моргнуть не успела, а глаз уже распят трехзеркальной конусообразной толстой линзой. Это самое неприятное. Новая команда: «Смотрите, в эту точку. Она светится». И пошло: слепящая зеленоватая вспышка — толчок прямо в глаз, будто его коснулся ток. Вспышка — удар, вспышка — удар... Я смирилась, особенно когда узнала, что сетчатку теперь надежно укрепили, как бы припаяли к сосудистой оболочке и теперь она станет прочнее.

Через месяц, прощаясь с Александром Петровичем Коллеговым, лечащим врачом, выяснила, как он стал лазерщиком. «Работал в обычной поликлинике, друзья сказали, что нужен тут окулист. Привлекли новизна и характер лечения. Учился у Ромашенкова и Семенова. Тут надо быть снайпером. Точность на доли микрон. Это же в два раза тоньше человеческого волоса. И чтоб в сосудик не попасть. Тут и медицина и техника. Настоящее мужское дело. А главное — видишь результаты своей работы, испытываешь большое удовлетворение».

В своей увлеченности Коллегов не замечает даже, что работа требует высокой собранности, напряжения и терпения. Попробуйте смотреть часами глаз в глаз больному. По 10—12 операций в день. Тут в пору призадуматься об условиях труда врача-лазерщика и продолжительности его рабочего дня.

Другой лазерщик-снайпер, научный сотрудник А. С. Сорокин, лечит лазерным лучом заболевание противоположного миопии характера — дальнозоркость — гиперметропию. Оказывается, дальнозоркие люди гораздо больше, чем близорукие. Примерно на каждые 30—35 первых 25—30 вторых, и только около сорока из каждых ста имеют зрение, близкое к норме. У дальнозоркого глаза роговица плоская, чтобы увеличить ее способность фокусировать изображение на сетчат-

ке, а не где-то за глазом, на ней наваривают рубчики. Сорокин выполняет эту операцию, называется она кератокоагуляцией, на комбайне «Лиман-2». У него пятьдесят больных, которых он наблюдает с 1981 года. Результаты самые благоприятные. Рефракция роговицы увеличивается, дальнозоркость уменьшается. Первый пациент, молодой рабочий из Подмосквы С., уже два года не пользуется очками, а приходилось носить толстенные стекла с 14 диоптриями, чтобы читать.

Кератокоагуляция — приоритет Федорова, Семенова и их соавторов защищен авторским свидетельством, не имеет себе аналогов ни в нашей стране, ни за рубежом, ведется только здесь, в отделе Семенова, смело нацеливающего своих сотрудников на поиск неизведанных путей. Из трех определяющих работу отдела направлений — изучения теплового эффекта воздействия луча; механического или разрушительного, изученных в большей степени, Семенов все настойчивее ориентирует сотрудников на третью, менее освоенную ветвь — лазерную стимуляцию.

Тут широкое поле деятельности. Глазу, угнетенному какими-либо тяжелыми заболеваниями, послеоперационными осложнениями, нужен какой-то толчок, встряска, если хотите, — своего рода допинг или тренинг. Эту роль могут выполнить, как показала практика, самые малые микродозы лазерного излучения очень низких энергий. И, может быть, не случайно столь тонкую, нежную «стрельбу», требующую особой точности, Семенов доверял женщине — ее ведет аспирантка Л. В. Сумская. Как правило, клиническому внедрению любой новой методики предшествуют многочисленные опыты на животных.

У каждого врача-лазерщика своя специализация, но одно условие неизменно для каждого: он должен уметь «стрелять» без промаха. Естественно, что асом № 1 общепризнан всеми, и не только в институте, заведующий. Предмет его особой профессиональной увлеченности в смысле выбора болезней, которые он лечит с особым пристрастием, — опухоли, вторичная катаракта, устранение осложнений после удаления хрусталика. И надо видеть, как расправляется с ними!

Из госпиталя имени Бурденко направили больную О. К. Ей была сделана успешная операция по удалению катаракты. Прошло какое-то время, и стала появляться вторичная катаракта. Семенов повел О. К. в операционную, где стоит «ИАГ», лазер самой последней конструкции, выбрасывающий в невероятно малый отрезок времени — одну стомиллионную долю секунды — поток лучей, залп, как говорит Семенов.

Больную усадили. Семенов повертел ручкой, устанавливая микроскоп, приник к окуляру. Встал, предложил мне: «Посмотрите». Я увидела черную, как в космосе, бездну, таким мне показался расширенный зрачок, отчасти задернутый, почти полностью, сероватой полупрозрачной, похожей на полиэтиленовую, пленкой с плотными сгустками посредине.

Он снова сел, нажал какую-то кнопку на пульте справа, и тут же высветилось «045» (уровень энер-

гии). Нажал педаль. Щелчок. Еще и еще. Только цифры прыгали.

Операция закончена. «Бездна» чиста. Залпы в пух и в прах разлетелись пленку, от нее остались крохотные снежинки, через некоторое время и их не будет. Если бы эту пленку удаляли с помощью стального скальпеля — сколько бы больному пришлось снова перестрадать!

Сеанс длился всего десять минут. Виртуозность — вот то слово, которое применительно к Семенову. Конечно, это пришло не сразу. Но как у одаренного музыканта талант, так и здесь должно быть предрасположение. И, конечно, желание достигать совершенства, несмотря ни на что, ни на какие непредвиденности. Был один у него случай...

Одна московская клиника попросила полечить строителя, человека заслуженного, начальника московского управления: «Попробуйте, может быть, поможет лазер?» С такой неопределенной мотивировкой очень часто направляют в отдел безнадежных больных, от которых уже отказались. Легкомысленная, если не невежественная точка зрения — считать лучи квантового генератора панацеей от всех бед! Тем не менее она начинает негласно утверждаться, нанося прежде всего вред самим больным.

Но к тому строителю это отношения не имело. В отделе тогда был только один лазер МФ-2000, выпущенный американской фирмой. Это была капризная установка, на нее действовал даже грузик, промчавшийся за окном, зеркала начинали колебаться.

Больной оказался очень сложным: частичное помутнение хрусталика, в плохом состоянии сетчатки, буквально разваливается. Семенов видел, что коагуляция идет плохо. Тогда он решил ужесточить режим, увеличить мощность излучения. Надо же помочь человеку. Рисковать!

Проверил. Настроил. Нога на педаль. Чуть-чуть, слегка нажать. Залп!..

Удар был такой силы, что доктор инстинктивно зажмурился, закрыл на какое-то мгновение глаз ладонью и продолжал работать, глядя в микроскоп другим. Он не думал о себе. Он должен был довести операцию до конца. И он это сделал. Сделал все, что надо, — закрепил как следует сетчатку.

Что же тогда произошло? Оказывается, в бинокулярном микроскопе по недосмотру фирмы, как установили вызванные представители, были поставлены перед объективом слишком слабые фильтры, пропустившие отраженный поток света в незащищенный глаз врача. Ожог был так силен, что какое-то время Семенов вообще не мог работать, два месяца лечился. На память на всю жизнь остался рубец.

Другой врач на его месте мог решить: «А ну их ко всем чертям, эти лазеры! Пусть ими занимаются другие. С меня хватит».

Семенов мог бы возвратиться к классической ножевой хирургии, которой владел раньше. Но он не смалодушничал, не изменил своему делу, остался предан ему. Роковая случайность не поколебала его веру в целительную силу света, рожденного лазером, в свою, наконец, неотвратимую необходимость помогать людям. Как солдат, остался на посту.

О том, какой врач и хирург Семенов, насколько он человечен, показывает и другая история. Однажды пришла к нему на прием молодая еще женщина Т. Она готовилась стать матерью. Ничего хорошего Семенов в ее глазу не увидел: меланома, злокачественная опухоль. Все специалисты, к которым она обращалась, предлагали или прервать беременность, или удалить глаз, или даже сделать и то и другое одновременно. Бедная Т. была убита горем.

Семенов не сразу дал женщине ответ. Думал. И все же решил пойти на риск. Снова на риск! Внутренне надеялся на удачу, на свое умение выжигать опухоли.

Лечение было длительным — четыре месяца. Все это время, не подавая вида, нервничал, переживал, вероятно, не меньше, чем сама больная. Настал день, и опухоль, увидев он, окончательно разрушена. Метастазов не было. Через несколько лет жизнедеятельная, похорошевшая Т. нашла своего спасителя. Дома все благополучно, растет крепкий малыш.

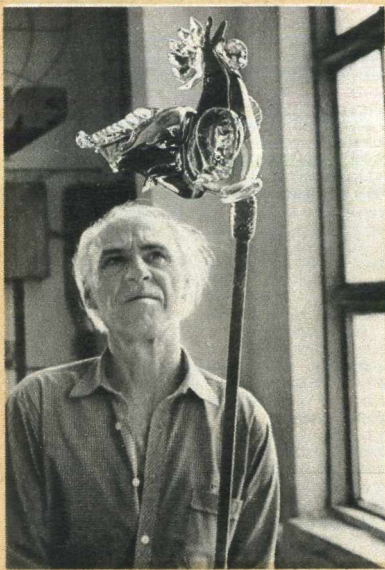
Александр Дмитриевич радуется каждой победе над недугом, от которого избавляет человека. «А вы знаете, — скажет через несколько дней по поводу больной из госпиталя имени Бурденко, — зрение у О. Н. — 0,8. Прекрасный результат! И совсем другие интонации в его голосе — озабоченность и тревога, — когда приходится смотреть нового тяжело больного. А это бывает очень часто: он консультирует больных в своем институте, его приглашают на консилиумы в другие клиники, осматривает оперированных в стационаре. За ним уже давно упрочилась высокая репутация богом данного расщеповщика — диагноста. «В этом отношении равных ему нет, — считает профессор, доктор медицинских наук Л. Ф. Линник. — Он на целую голову выше многих»...

Десять лет назад Александр Дмитриевич сделал в Москве первые операции. Сегодня на его личном счету около 5000. В тот первый 1974 год, точнее, полугод, отдел выполнил 127 операций, сегодня делается до 100 в день. А всего в год — 9,5 тысячи. Тысячи людей на седьмом этаже институтского корпуса благодаря солнцеподобному потоку световых волн обрели способность видеть, вернуться к труду, жить полноценно.

...В небольшом рабочем поселке Инжавино, что под Тамбовом, живут Александра Никитична и Дмитрий Григорьевич Семеновы. Давным-давно, в гражданскую войну, Дмитрий Григорьевич был тяжело ранен, и если б не друг — врач, который выходил его... Дмитрий Григорьевич очень хотел, чтобы сын стал доктором. Он стал Доктором.

Семенов получает большую почту — просьбы принять на лечение и благодарности. Я выбрала поздравительную открытку. В ней говорилось, что «...после лазерного лечения правый глаз истину помолодел. Подтверждением тому мой бисерный почерк. Д. Благой». Да, тот самый Благой, известный литературовед-пушкинист, недавно ушедший из жизни. На книге «Душа в заветной лире», подаренной Александру Дмитриевичу, такая надпись: «Несравненному мастеру своего дела, врачу-лученосцу»...

Общепринятое «лазерщик», «лазер», составленное из начальных букв английской фразы «усиление света в результате вынужденного излучения», точно по смыслу. Но насколько благозвучнее для уха русского это милое «лученосец» — несущий луч, дарующий свет, весь мир...

Н. П. Мягков доволен: петушок получился задорный.

Георгий РОЗОВ,
фото автора

— Гусь-Хрустальный — город небольшой. Достопримечательностей немного, и главная — наш музей хрустали. — Экскурсовод Мария Николаевна Елизарова ведет меня вдоль остекленных витрин, за которыми сверкают гранями вазы, фужеры, графины, крюшонницы... В самом деле сверкают. Свет преломляется в острых гранях. Игрой света да еще малиновым звоном всегда и был ценен хрусталь. Язык не поднимается назвать эти вещи посудой. Хрусталь с большой буквы, Хрусталь — произведение искусства...

Вот в витрине малахитовая ваза. Ах, простите! Это тоже стекло, только урановое. Нынче такие не делают. А жаль! Впрочем, современное производство мало что сохранило из музейного разнообразия. Забыта техника «галле», широко распространенная в начале века, когда с помощью глубокого травления многослойного стекла плавиковой кислотой на вазе «рисовался» пейзаж с тщательной прорисовкой деталей и теней. Забыт восточный стиль, поражающий роскошью и изысканностью форм. Тут стеклянный сосуд немудрено спутать с золотым или серебряным. Кстати, секрет имитации под серебро утерян. Забыт элегантный стиль «светлых растений» — гравировка с последующей полировкой растительного орнамента. Многие из опыта старых русских мастеров забыто современным производством.

Почему? Или мастера у нас перемелились?

— Нет, — грустно улыбается заместитель главного художника хрустального завода, — сидят на скамейке запасных. В центральной художественной лаборатории работают шестнадцать человек. Восемь выдувальщиков и столько же алмазчиков. Они обслуживают художников заводских и приезжих, выполняют сложные заказы. Есть еще несколько хороших ма-

Мастера в запасе

стеров на потоке. Маловато? Может, и так, но заводу, по нынешним временам, больше и не нужно. Гоним посуду огромными партиями. Умеет человек рюмку выдувать — он уже и мастер. Ничего другого от него и не требуется. План заводу повышают регулярно. И в этом году повысили. А за счет чего этот план вытягивать? Правильно, за счет увеличения серий и снижения качества. Другого пути сейчас нет.

Из интервью с главным инженером хрустального завода Иригархом Алексеевичем Фигуровским:

— Недавно был в Москве. Мне в министерстве сказали, что много произведенного в прошлом году хрустали «осело» на складах...

Это явление не так уж и ново. Социологи уже успели его основательно исследовать и окрестить вторичным спросом. Первичный возникает в том случае, когда у вас, дорогой читатель, нет, например, холодильника, потому что промышленность этот полезный в хозяйстве предмет только что освоила. Вы записываетесь в очередь и через какое-то время становитесь обладателем новинки. Но холодильник служит долго, а заводы продолжают выпускать старую модель. И настает день, когда в каждой семье уже есть

холодильник. Спрос резко падает, потому что старые холодильники не хотят ломаться. Что делать? Снижать производство? Нет. Выгоднее разработать новую модель, скажем, двухкамерную, более экономичную и красивую. Тогда есть надежда, что вы свой старый агрегат решите заменить новым. Вот это и есть вторичный спрос. Его главная примета — резкое повышение качества новых товаров. А иначе зачем нам покупать новую вещь, которая ничем не лучше старой?

Многие отрасли промышленности это своевременно поняли и активно перестраиваются. Появились цветные телевизоры, приставки к ним, кассетные магнитофоны, сложные стереосистемы, электронные часы, стиральные машины-автоматы и многое другое. А вот Министерство промышленности строительных материалов СССР, которое руководит хрустальными заводами, вовремя не среагировало. Было время, когда хрусталь на прилавках не лежал — все раскупали мигом. Но придумали инженеры прессовать хрустальную посуду, так же как и пластмассовую. Спрос казался безграничным, а производство упрощалось. Хрусталь становился выгодным для заводов товаром. И бросились осваивать его

производство в счет плана по ширпотребу даже заводы, ничего общего со стеклом не имеющие.

Из интервью с И. А. Фигуровским:

— И кто только не штампует хрустальную посуду: ВАЗ, Азовсталь, Златоустовский металлургический завод, Ростовский кирпичный... Что у нас, кирпича слишком много стало? Или стекольные заводы завалили нас оконным стеклом и теперь с чистой совестью расширили ассортимент? Саратовский, Салаватский и Лисичанский стекольные заводы развернулись не на шутку. Над нами уже было посмеиваться начали: вы, мол, двести лет хрусталь варите, а мы за год больше вашего стали выпускать. Нас тоже подталкивали прессы ставить, но мы всеми правдами и неправдами тянули время. И оказались правы. Пресс — для тех, у кого нет традиций и квалифицированных мастеров...

Мастера еще двадцать лет назад были окружены таким уважением и почетом, что иногда позволяли себе поступки эксцентричные. До сих пор вспоминают один случай. Был на заводе известный выдувальщик Петр Алексеевич Староверов (он ушел на пенсию в пятьдесят шестом году). Как-то начальник цеха привез на завод первую трубку-самодувку. Собрал митинг, сказал речь о сохранении здоровья старых мастеров. Оркестр сыграл туш, и, перевязанная красной лентой, новинка была торжественно вручена Староверову. Стояло лето, окна в цехе открыты. Старый мастер повертел подарок в руках, тяжелым шагом подошел к краю верстака и выкинул самодувку в окно. В наступившей тишине все услышали, как старик проворчал недовольно:

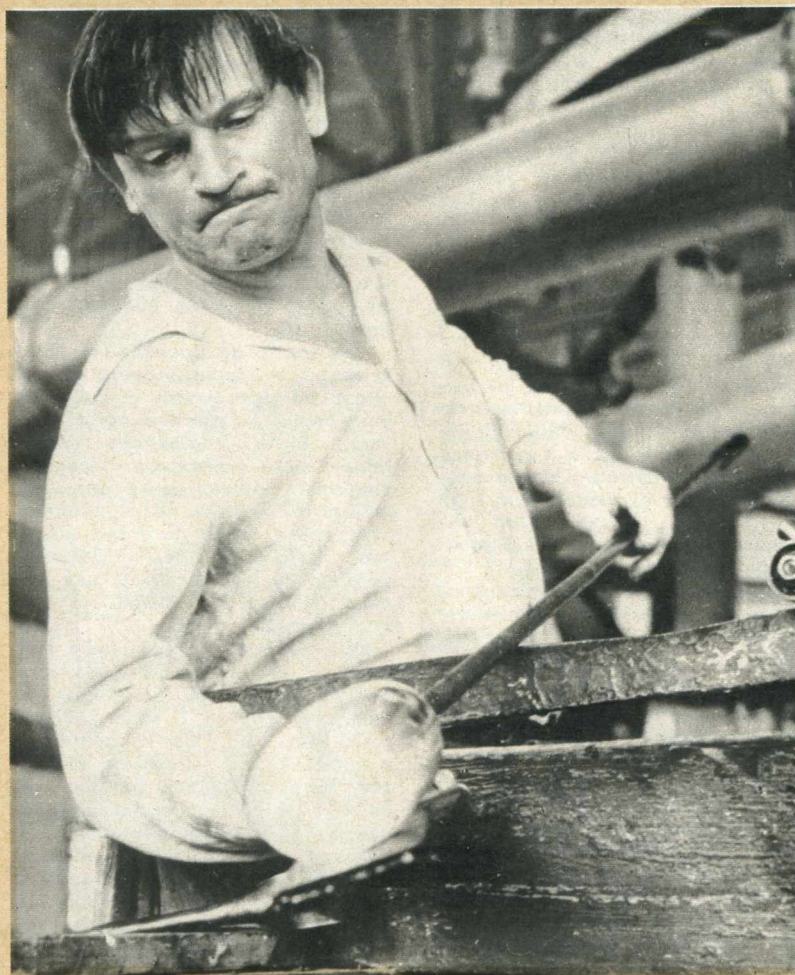
— Ты плати, а о здоровье я и сам озабочусь.

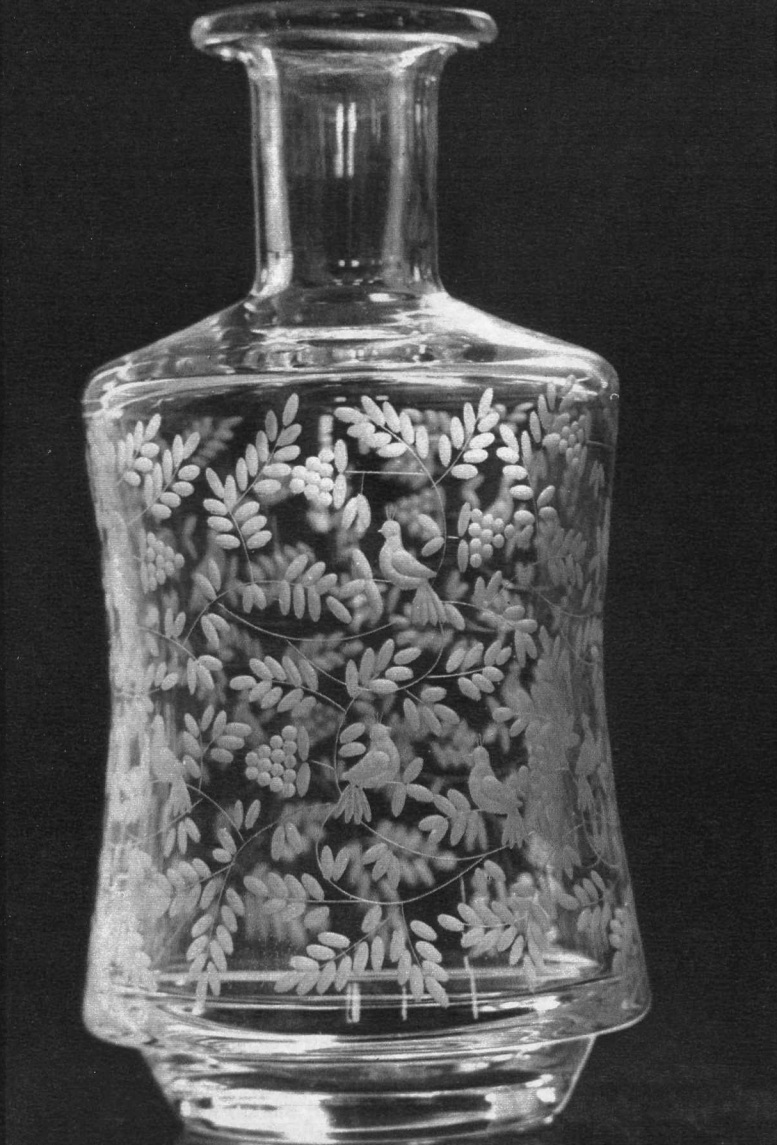
И что же, обиделся начальник? Нет. Или не показал, что обиделся. А вскоре поручил строптивому мастеру особо важный заказ — вазу для выставки в Брюсселе высотой метр шестьдесят и диаметром около метра...

Раньше каждый мастер делал свое изделие — например, рюмку — от начала до конца. Сейчас не то. Один выдувает пойло, другой ножку, а третий донышко рюмки раскатывает. Слов нет, производительность труда при таком разделении растет, но производство становится неповоротливым, неспособным к быстрой смене ассортимента, выполнению сложных заказов, потому что падает индивидуальное мастерство, забываются найденные когда-то приемы работы, проще и... примитивнее становятся изделия.

В музее хрустали немой укором хрустальному заводу висит удивительной красоты люстра. Она состоит чуть ли не из пятисот деталей, диаметр самой большой — немного меньше метра. Когда-то в зале висело двенадцать таких люстр. Дирекция музея не первый год просит руководителей завода принять заказ на изготовление одиннадцати ко-

Мастер-выдувальщик Б. Попов.

Гравировка — тонкая работа старых мастеров. Увы, ныне она уходит в прошлое.

Конь. Художник В. Муратов.

Сказочный гусь. Художник В. Муратов.

Красиво, не правда ли! Пескоструйная обработка хрусталя. Художник В. Муратов.

лий сохранившейся старинной люстры. Завод отказывается, ссылаясь на напряженный план. Но, кажется, не только в этом дело. Выполнить такой заказ могут только те самые восемь выдувальщиков и восемь хрустальщиков, которые работают в художественной лаборатории. Другим не по силам. Но если загрузить лучших мастеров этой сложной работой, то самое малое полгода не с кем будет работать художникам, сорвутся многие срочные заказы. Словом, маловат запас прочности, запас уникального мастерства.

У каждого заводского художника — свой любимый мастер, который лучше других понимает его замыслы. Художник Адольф Степанович Курилов вместе с гравировщиком Константином Денисовичем Диановым создали за долгие годы сотрудничества много произведений, которые украшают сейчас центральный стенд музея хрусталя. Но похоже, что гравировка скоро станет достоянием истории и пополнит печальный список забытых способов обработки хрусталя. Дианов — последний гравировщик в Гусе, и учеников у него нет, а сам он, к сожалению, слаб здоровьем.

Из интервью с И. А. Фигуровским:

— Ну, хорошо! Предположим, мы начнем выпускать действительно уникальные вещи. Вы представляете, сколько они будут стоить? Вот такой графин Дианову надо неделю гравировать. Кто же его купит?

Экскурсовод музея хрусталя Мария Николаевна Елизарова жаловалась мне:

— Трудно стало пополнять фонды. Раньше у художников кое-что покупали, а теперь и этот путь закрылся. Почему? Им запретили выкупать по себестоимости собственные выставочные работы. Стимул пропал что-либо серьезное делать. И не делают. План выполняют — и ладно. В министерстве, где принято такое решение, выгоды своей не понимают. Раньше медали наших художников на международных выставках поддерживали высокую репутацию советского хрусталя. Это, кроме всего прочего, бесплатная реклама нашей продукции на мировом рынке!

...От печи четвертого цеха так и пышет жаром. По верстану снуют молодые стеклодувы. Это учащиеся школы мастеров. Создана она для пополнения того самого запаса мастерства, которое сегодня может так пригодиться заводу. Многие мастера получили здесь полезные навыки, в том числе и заводская элита: Мягков, Разводов, Постников, Бирюков, Рюмин... Сейчас школа уже не учит — гонит план. Лишь с сентября руководство завода надеется снизить его четвертому цеху на треть, что даст возможность возобновить занятия. А пока ребята изо дня в день выдувают одни и те же вазы, фужеры, рюмки и тоскуют о сложной и разнообразной работе. С завистью поглядывают на тот сектор верстана, где работают заводские корифеи. Вот Валентин Николаевич Постников. Коренастый, в распахнутой рубашке, ходит неторопливо, вперевалочку, а в живых глазах светятся ум и доброжелательность. Я его спрашиваю:

— Сможете выдуть шарик диаметром пятьдесят миллиметров без измерений?

— Смогу, — отвечает, — плюс-минус полмиллиметра.

— А самодувкой?

— Нет, самодувкой не получится. Стекло — хитрая вещь. Его чувствовать надо! И работать постоянно. После отпуска приходишь — несколько дней и работе прилаживаешься.

— Выходит, ребята, окончив-

шие школу мастеров несколько лет назад и попавшие на конвейер, уже все забыли?

— Нет. Если человек что-нибудь умел, то совсем он свои навыки не потеряет никогда. Наш художник Ансенов когда-то был отличным выдувальщиком. Почитай, лет двадцать трубку не брал. А недавно вздумалось ему тряхнуть стариной. Конечно, руки не те, но кое-что помнят. Поработать бы ему с нами месяца три — глядишь, снова мастером будет. Это напоминает спортсмена после болезни. Ему нужно время, чтобы набрать форму.

Владимир Сергеевич Муратов — художник, лауреат Государственной премии РСФСР, дипломант многих международных выставок. Добрый, мягкий, интеллигентный, когда нужно кому-то помочь, и резкий, непримиримо категоричный в спорах о своем любимом деле. В первую нашу встречу пришел я к нему с просьбой сделать на моих глазах хрустального гуся. Муратов славится своими гутными скульптурами. Мне хотелось сфотографировать процесс рождения произведения искусства. Муратов не заставил себя долго уговаривать, сказал только, что придется подождать день-другой, пока выйдет на работу Мягков: у него гутные вещи получаются лучше, чем у других выдувальщиков.

Гусь был сначала нарисован мелом на полу. Николай Петрович Мягков выслушал объяснения художника и поднялся на верстак. Гусь был сотворен так быстро, что я и опомниться не успел. Потом Мягков и Муратов принялись за петуха. Это была работа посложнее. Сначала из красного стекла мастер выдул тельце. Остудил маленько стекло, подогрел его в печи и тогда только, прилепив на один бок каплю раскаленного докрасна хрусталя, стал выдувать крыло. Остывшее тельце не раздувалось, а раскаленная капля вдруг превратилась в оттопыренное воинственное петушиное крылышко... Ребята из школы мастеров, заметив, что Мягков принялся за гутную работу, побросали свои самодувки и глаз не отрывали от старого мастера. Муратов все время дирижировал, а то и сам пинцетом подправлял что-нибудь. Петух рождался пятнадцать минут. Новорожденного отнесли в печь для отжига, и все разошлись по своим местам. Кончился заказанный мной коротенький праздник творческого труда.

Из интервью с И. А. Фигуровским:

— Дело не в грани и не в химической полировке. Три-четыре года назад грань была ничем не лучше, однако хрусталь считался дефицитным товаром. Правильно, цены поднялись и теперь не соответствуют старому качеству. А поднять качество, не уменьшая количества, сегодня нельзя. Это я вам как инженер заявляю...

О главном инженере на заводе говорят: Фигуровский никогда не ошибается; Фигуровский знает, что делает; Фигуровский спас завод от пресса. К мнению такого уважаемого специалиста стоит прислушаться. Нет, мы отнюдь не призываем напрочь отказаться от пресса. Пусть из-под него выходит дешевая посуда, нужна в которой никогда не исчезнет. Но должен получить право на жизнь и художественный хрусталь, который способны выпускать только мастера старых заводов. Пусть он будет дорог, но на него всегда найдутся любители и сейчас, в наступившие времена вторичного спроса.

театр

О МУЖЕСТВЕ МАТЕРИ

Второй год на сцене Ростовского государственного академического театра драмы имени М. Горького идет пьеса по одноименной повести лауреата Государственных премий СССР и РСФСР писателя Виталия Закруткина «Мать человеческая», инсценированная А. Агафоновым и постановщиком спектакля А. Малышевым (главный режиссер театра, заслуженный деятель искусств РСФСР).

Повесть «Мать человеческая» — монументальная, берущая за сердце поэма о судьбе женщины-матери. Таким стал и спектакль.

На сцене — затерянный в просторной донской степи казачий хутор, переживший черное фашистское нашествие. На испепеленной, выжженной земле Мария осталась одинокой: хутор уничтожен, земляки угнаны в рабство. На ее глазах муж Иван и сын Васятка повешены...

Кажется, пережитое убило и Марию. Но она должна жить, должна бороться с врагами, должна сохранить ту новую жизнь, которая зародилась в ней и будет продолжением любимого человека — Ивана... Эта жизнь — сейчас единственное, что движет ее поступками.

Перед началом работы театра над пьесой автор повести В. Закруткин сказал:

— Я подивился творческой смелости и мужеству коллектива, дерзнувшему обратиться к произведению, столь для сцены нелегкому. Ведь подвиг Марии совершен без свидетелей, в трагическом одиночестве. На черном пепелище сожженного врагами хутора царствуют смерть, безлюдье и кладбищенская тишина... Как это показать на сцене?

А спектакль получился. И стал победной песней, гимном тем, кто выстоял. И победил.

Мария встречает в опустошенном хуторе тяжело раненного, совсем еще юного немецкого солдата Вернера Брахта. Первый инстинктивный ее порыв — убить врага. Закалот. Но лежащий на земле окровавленный человек почти по-детски умоляет: «Мама, мама!» И руки Марии безвольно опускают вилы. А потом она ле-

чит, помогает ему. Не в традициях русских людей убивать поверженного врага.

Окрыляет Марию неожиданное появление на хуторе детей из блокадного Ленинграда, чудом уцелевших в аду войны. И снова зовет Марию долг матери. Она трепетно выхаживает, согревает их, ставит на ноги. А вскоре к этим малышам присоединяется еще одна жизнь, ее родная кровинка — сын Ивана. Теперь у Марии снова семья. Ей есть чем жить, ради кого строить новую жизнь.

Творческие усилия актерского ансамбля, всех участников постановки увенчались успехом. Несомненно удача артистки Елены Попенко в главной роли Марии. Убедительна заслуженная артистка РСФСР Тамара Яблокова, проникновенно исполняющая роль матери Марии.

Впечатляюще выглядят Владимир Шкрабак в роли мужа Марии, красноармейца-коммуниста Ивана; он верит: жертвы народа и его смерть увенчаются победой. Эту же мысль утверждают народная артистка РСФСР Клара Абашина (Марфа), заслуженный артист РСФСР Владимир Пинчук (председатель колхоза), артист Иван Тельнов (Корней).

Артист Игорь Ливанов создал правдивый, сильный образ Вернера Брахта, обманутого гитлеровской пропагандой юноши, умирающего на чужой земле.

По ходу представления на сцене появляется Ведущий. Эту ответственную роль талантливо исполняет народный артист РСФСР Сергей Хлытчиев. Когда он обращается к зрителям, мы будто слышим голос автора повести... Писатель однажды попал в небольшой патриархальный западный городок, где увидел на холме ярко раскрашенную каменную мадонну с младенцем на руках. Люди трепетно поклонялись ей. Что же сделала она для людей? Чем заслужила такое великое почитание?.. И тогда автор вспомнил реальную женщину, встреченную на дорогах войны. Это и была Мария, колхозница, которой посвятил Закруткин, а теперь и театр свое произведение...

М. АНДРИАСОВ

Виталий Закруткин с постановочной группой спектакля.

Сегодня Мураджан опять не вернулся с работы вовремя.

В ожидании его Насиба сидела в низком мягком кресле напротив окна. Смеркалось. Улица заметно пустела. Стихал городской шум. Невеселые мысли одолевали Насибу.

Обычно с приходом в любой дом молодой жены все приобретает какую-то особую прелесть. Вот и в этой, их комнате, и воздушные нейлоновые занавески на окнах, и цветастый ковер на полу, и огромные, мерно тикающие часы на стене, и новенький арабский гарнитур, отделанный инкрустацией,— все здесь напоминало молодой женщине о недавней свадьбе. Сколько же времени прошло с тех пор? Семь? Нет, уже восемь месяцев...

В соседней комнате гремел телевизор, наверное, братишка мужа смотрел футбол. Свекровь пошла проводить старшую сестру, жившую неподалеку. Вообще-то в доме мужа всегда полно народу, только Насиба все равно чувствует себя одинокой, если нет рядом Мураджана. А он в последние недели очень изменился. Прежде после работы сложив голову несся домой. Теперь все по-другому. Он частенько задерживается, а порой и вовсе является домой за полночь, не предупреждая ее. И всегда одна и та же отговорка: мол, дежурил. Можно подумать, что у них в больнице только он один занимается этим. Уж хоть бы не врал, не прикрывался постоянно этим предлогом.

Насиба взглянула на часы, уже начало десятистого. За окном совсем стемнело. Где-то надоедливо верещали лягушки, и ей невольно вспомнилось, как однажды они с Мураджаном встречали восход солнца в парке на скамейке, и, когда стемнело, они целовались под аккомпанемент лягушечьего хора... Как это было давно!

Познакомились они довольно необычно. Насиба училась на четвертом курсе университета. Как-то зимой она простудилась, но, как это часто бывает, не обратила внимания на кашель, головную боль и продолжала ходить на занятия. А через два дня, к ночи, почувствовала сильный жар. Родители, не на шутку перепугавшись, отвезли ее на машине соседа в ближайшую больницу. И вовремя: у Насибы обнаружили воспаление легких.

Едва лечащий врач, строгий, высокий молодой человек, прикоснулся стетоскопом к спине девушки, ее словно током ударило. Соседка по палате заметила это и громко хихикнула. Не прошло это и мимо внимания молодого доктора.

— Успокойтесь, я вас сюда не приглашал,— довольно резко сказал он, нахмурившись.— Дышите глубже...

С В А Д Ъ Б А

Так до самой выписки Насиба смущалась каждый раз, когда Мурад Вахидович, — она теперь знала, так зовут его, — делал ежедневный утренний обход больных. Но, удивительное дело, замечала все, что касалось молодого врача, в том числе и его оживленное лицо, когда он частенько после обхода останавливался поболтать около стола дежурной молоденькой медсестры Марзии. И почему-то тогда обижено повторяла про себя: «Ну и пусть их...»

Скорее всего она забыла бы его навсегда, если бы они неожиданно не встретились однажды на свадьбе лучшей подруги Насибы Дильяфруз. Уж поистине гора с горой не сходится, а человек с человеком столкнется...

На церемонию бракосочетания в загсе пригласили и Насибу. Что греха таить, завидовала она тогда подружке. Еще никогда в жизни ей не приходилось бывать на таком торжестве. Только со стороны невесты было без малого человек двадцать. Да и жених в долгу не остался. Заведующая загсом, как водится, поздравила молодоженов и произнесла напутственную речь. А когда жених преподнес в подарок невесте красивые сережки, все захлопали в ладоши.

Насиба заметила Мурада Вахидовича в свите жениха, лишь когда они вышли из загса. Без своего неизменного белого халата, в котором она привыкла видеть его в больнице, щеголеватый одетый, в модном галстуке, аккуратно подстриженный и причесанный, он показался ей просто ослепительным. Она робко кивнула ему, здороваясь, и он тут же подошел к ней.

— Вы свидетельница невесты? — спросил Мураджан, легонько пожимая ей руку. Насиба снова молча кивнула. — А я, знаете, со стороны жениха... Стало быть, мы с вами в некотором роде родственники!..

Он весело рассмеялся. Оказывается, ее врач вовсе не такой строгий, каким казался в больнице. И когда они ехали в свадебном кортеже по городу на «Чайках» и когда сидели рядышком на свадебном банкете в кафе «Лаззат», он все время острлил и старался развлекать Насибу. Во время танцев они вышли из кафе подышать свежим воздухом.

— Хорошо? — спросил Мураджан.

— Что хорошо? — не поняла Насиба.

Мураджан жестом показал туда, где продолжалось свадебное застолье.

— Вам по душе это великолепие? — засмеялся Мураджан.

— Ой, конечно! — Насиба пожала плечами. — Ведь свадьба раз в жизни бывает...

— А мне все это, как бы вам сказать... не очень. — И Мураджан, посерьезнев, спросил: — Можно, я провожу вас? Все равно уже скоро начнут расходиться.

Насиба не знала, что ответить, а Мураджан понял это как молчаливое согласие. Они стали часто встречаться.

Как-то однажды поехали за город. Сели в первый попавшийся автобус и сошли на первой остановке за кольцевой дорогой. Им там понравилось. Вдали от городской суеты они долго бродили, потом поднялись на высокий холм и любовались закатом. Далеко на горизонте огромное раскаленное солнце медленно погружалось в багряное море, и Мураджан, не сводя с него глаз, задумался. Насибе почему-то показалось тогда, что он чем-то опечален.

— О чем вы думаете? — спросила она, ласково, осторожно положив руку ему на плечо.

— Да ни о чем. Просто мечтаю, — тихо проговорил Мураджан, по-прежнему не отрывая глаз от уже наполовину скрывшегося за горизонтом малинового диска. — Мечтаю о чем? Как после свадьбы мы поедем к морю. Неважно, к какому... И будет сиять луна, а мы будем сидеть на берегу и глядеть на набегающие волны, отливающие серебром...

Сердце Насибы радостно забилося.

Позже перед глазами часто вставала картина, нарисованная тогда Мураджаном, хотя она никогда прежде не видела моря.

Теперь же, стоя у окна, она отчетливо

представляла его себе: вот оно поблескивает в лунном сиянии, словно серебряное зеркало. Волны, пенясь, бросаются на берег. Стоит невообразимый гул, но ей ничуть не страшно, ведь рядом с ней Мураджан...

Нет ничего удивительнее, причудливее мыслей молоденькой, неопытной девушки, выходящей замуж. Ей кажется, что сразу после свадьбы она перенесется в совершенно иной мир, и это будет словно путешествие с одной планеты на другую, неведомую доселе. Точно такое же чувство испытывала и Насиба. Но если бы она вовремя не пошептала с мамой, папе бы определенно не пришлось по душе сваты, которых прислал Мураджан. Во-первых, хотя Мураджан и не был в этом повинен, папе бы не понравилось, что у молодого человека нет отца: он бросил семью и ушел к другой женщине. Во-вторых, Насиба — его единственная дочь в семье, где остальные пятеро — сыновья. Она любимица отца. Разве станет он, много лет работающий адвокатом, пользующийся всеобщим уважением, хорошо обеспеченный, скучиться на свадьбу единственной дочери? А жених, оказывается, просто беден. В семье работает только он один, на его иждивении мать, братишка и сестренка... Насиба все это знала, но никогда не придавала этому значения. Как-то в разговоре с Мураджаном она, стараясь не обидеть его, осторожно намекнула:

— Знаете, Мураджан-ака, папа у меня странный какой-то. Все твердит: ты у меня единственная дочь, я, мол, возлагаю на тебя большие надежды. А помните, какая великолепная свадьба была у Дильяфруз?

Мураджан утешил ее:

— Не беспокойтесь, дорогая! Вам краснеть не придется, обещаю.

В самом деле, отец Насибы остался доволен зятем. Свадьба была ничуть не хуже, чем у Дильяфруз. Такой же свадебный кортеж из «Чайек», и гости были приглашены в кафе «Лаззат». А когда вышли из кафе, Насиба прошептала на ухо Мураджану:

— Ну как, хорошо?

— Что хорошо? — не понял теперь Мураджан.

— Вам нравится все это великолепие?

Мураджан улыбнулся и обнял ее.

— То-то! — Насиба шутливо погрозила ему пальцем.

Свадьба и впрямь получилась удачная. Коллега Мураджана Ислам-ака, маленький, подвижный, веселый человек, ну просто рожденный тамада, с легкостью руководил свадебным столом. Было оживленно, все чувствовали себя превосходно, а ведь это не часто случается, когда собираются большие застолья.

После свадьбы жизнь пошла своим чередом, со своими повседневными заботами, огорчениями, волнениями. И Насиба, мечтавшая о романтически неведомом мире, поняла, соприкасаясь с действительностью, что мир этот был всего лишь ее выдумкой. В реальной жизни существовал Мураджан, которого она любила и который каждое утро спешил на работу. Насиба готовила ему завтрак, совала в руки глаженный носовой платок, отводила в школу сестренку и братишку мужа, заваривала чай для свекрови и сама бежала на работу. И так каждый день...

Но не это было самым непоправимым. Стало, что сильно изменился сам Мураджан. Насиба стала замечать эту перемену вскоре после свадьбы. Не прошло после нее и двух недель, как он явился однажды домой очень поздно: объяснил неожиданным дежурством в больнице. Затем дежурства стали повторяться дважды в неделю. Дальше — больше: он стал через день приходить домой за полночь. А стоит Насибе завести разговор на эту тему, как он сразу замыкается, буркнет только: «Что поделаешь, работы много...»

Нет, здесь кроется какая-то тайна, решила Насиба. В первый же раз, когда Мураджан пришел поздно, сославшись на дежурство, она вспомнила большеглазую медсестру Марзию, и сердце ее бешено заколотилось. А пищи для подозрений все прибавлялось и прибавлялось. Однажды она, не выдержав,

рассказала о своих сомнениях свекрови, но в ответ не услышала ничего утешительного: «Мужчина должен кормить семью, доченька, так что ты уж смиришься с этим, работы у сына и в самом деле много...»

Кормить семью, говорит. А чего им не хватает? Живут в достатке, все у них есть. Так что еще надо? Нет, здесь кроется что-то иное. Просто он живет в свое удовольствие, а Насиба сидит дома в четырех стенах... Вот и сейчас... Ну, где, где он пропадает?.. Где?

Ей стало обидно до слез. А еще сказки рассказывал про море, про лунные ночи! А она, наивная душа, верила.

Насиба поднялась с кресла, подошла к окну, прижалась лбом к прохладному стеклу. Стало совсем темно. Изредка по пустынной, притихшей улице с шумом пронеслась машина. Может быть, пойти к родителям? Да, наверное, так и надо сделать. И она представила себе, как Мураджан является домой, а ее, Насибы, нет! Вот тогда-то он забегает! Узнает, как пропадать по ночам!..

Насиба машинально подошла к трюмо, с минуту пристально вглядываясь в свое изображение. На нее смотрело миловидное женское лицо с тонкими нахмуренными бровями, с большими, подведенными сурьмой глазами, в которых — она это с удовлетворением отметила — сквозила решительность и непреклонность. Да, сейчас она пойдет к родителям, сейчас самое время! Свекрови нет дома, никто ее не отговорит. Она завязала волосы узлом, поспешно переоделась в темное атласное платье и тихо вышла во двор. В тусклом свете лампочки, горевшей на портале веранды, поблескивали от росы в цветнике розы.

Тяжело вздохнув, Насиба открыла калитку, словно покидала этот дом навсегда. Вышла на улицу. Но, не сделав и двух шагов, тотчас поняла, что к родителям пойти не осмелится. Отец сразу обо всем догадается — догадается потому, что она явилась в такой поздний час. Он пронзительный, ее отец. Когда вопрос со свадьбой был окончательно решен, он как-то позвал Насибу к себе: «Ты сама этой свадьбы желала и поэтому помни хорошенько: ежели станешь приходить со всякими мелкими жалобами на неудавшуюся жизнь, пеняй на себя».

Теперь она даже приостановилась, будто те слова отец сказал ей не тогда, более полугода назад, а вот теперь, сейчас.

Но тут же в голову ей пришла другая мысль: она поедет к Мураджану на работу сейчас, немедленно, и посмотрит, что там за дежурство у ее дорогого мужа Мурада Вахидовича. Кто задерживает его все время до полуночи — та же глазастая Марзия или какая-нибудь новая красотка...

Она вышла за калитку и подняла руку ехавшей навстречу машине. Белые «Жигули» со скрипом затормозили и остановились не подалеку от нее.

Насиба подбежала к машине и, открыв заднюю дверцу, сказала:

— В пятую горбольницу!

Водитель, угрюмый мужчина средних лет, поколебался с минуту и молча кивнул.

Насиба знала: попасть в больницу в такое позднее время очень трудно — и по дороге все думала, что же она скажет сторожу. Но ей повезло. Когда она подошла к проходной, к воротам со стороны большого двора подъехала машина «Скорой помощи» с зажженными фарами. И пока сторож, седобородый старик, открывал решетчатые ворота, Насиба незаметно прошмыгнула во двор. Все вышло так ловко, что она сочла это добрым знаком.

Терапевтическое отделение, где работал Мураджан, занимало весь первый этаж. Насиба открыла застекленную дверь и вошла в ярко освещенный вестибюль. Он был пуст, на скамейках, расставленных вдоль стен, не было ни души. Насиба остановилась в растерянности, сердце ее учащенно билось. Что будет, если она сейчас, сию минуту, столкнется вдруг лицом к лицу с этой противной Марзией?..

Наконец, взяв себя в руки, она пошла было к двери, ведущей в коридор, но в тот же миг

И. Айвазовский. 1817—1900. ЯЛТА.

Тюменская картинная галерея.

Ю. Пименов. 1903—1977. В ОЖИДАНИИ ПОЕЗДА.

Тюменская картинная галерея.

из него выбежала незнакомая девушка в белом халате.

— Вам кого? — строго спросила она. — Сейчас будет отбой.

— Позовите, пожалуйста, дежурного врача! — Насиба нарочно не назвала имени мужа.

Медсестра, окинув ее подозрительным взглядом, молча скрылась за дверью. Как ни пыталась Насиба взять себя в руки и казаться равнодушной, спокойной, ей это никак не удавалось. Только теперь она понимала, что поступила дурно. Ну к чему ей было являться сюда? Что она сейчас скажет Мураджану? Надоело одной сидеть дома?.. Она почувствовала вдруг отвращение к себе самой за свое недоверие к мужу, подозрительность.

В этот момент дверь в коридор с шумом распахнулась, и Насиба, обернувшись на шум, увидела идущего к ней низенького человека в белом халате. Она оторопела от изумления: это был Ислам-ака, тот самый Ислам-ака, который был тамадой за их свадебным столом.

Он подошел к ней, поздоровался.

— А, келин! — проговорил он как-то сухо, сдержанно. — Не иначе, как мужа разыскиваете?

Насиба окончательно почувствовала себя не в своей тарелке.

— Да нет... просто вот была в ваших краях, — пробормотала она смущенно. — Мураджан говорил, что сегодня дежурит...

— Мураджан-ака сегодня не дежурит! — отрезал Ислам-ака.

Насиба испуганно взглянула на врача.

— А вчера?.. — запнулась она.

— И вчера он тоже не дежурит! — снова резко оборвал ее Ислам-ака. Тон его больно задел Насибу.

— Простите, — еле выговорила она, — тогда, может быть, вы знаете, где он сейчас?

— Да, знаю и, если желаете, могу отвезти вас к нему.

— Прекрасно. Я думаю, что и мне тоже не вредно будет узнать это...

— Подождите меня во дворе. Я сейчас... — С этими словами Ислам-ака скрылся в коридоре, топя при этом так, словно пол был виноват в том, что он уродился таким корышкой. Насиба вышла во двор и медленно пошла к воротам. Странно, что все это значит? Отчего этот человек разговаривал с ней таким тоном, словно издевался? Где Мураджан? Почему ему известно, а ей нет?..

Внезапно она услышала, что за спиной ее остановилась машина.

— Садитесь, келин! — Голос Ислама-ака вывел ее из задумчивости.

Шагах в пяти от нее стоял светлый микроавтобус с красным крестом на дверце, которая была открыта. Из нее высовывалась голова Ислама-ака. Насиба нерешительно подошла к машине, и тотчас в нос ей ударил резкий запах лекарств.

Женщина примостилась на маленьком сиденье у дверцы, а Ислам-ака расположился напротив. Между ними стояла складная кровать, накрытая белой простыней.

Выехав за больничные ворота, микроавтобус помчался по пустынной, ярко освещенной улице. Наверное, шофер знает, куда держать путь, если едет так быстро и уверенно, подумала Насиба и тотчас подозрительно взглянула на Ислама-ака. Тот сидел чуть сгорбившись, привычно держался за ручку борта возле сиденья, уставившись в одну точку. В тусклом свете лампочки под потолком салона трудно было разглядеть выражение его лица. Насиба отвела взгляд и стала смотреть в окно. Ехали они довольно долго. Вдруг она увидела, что уже кончились городские строения и они подъехали к границе города. Ее охватило беспокойство. Вот уже показались и ворота Куйлюкского рынка, а дальше — поля, поля... Они свернули на темную проселочную дорогу. Насиба от удивления даже чуть привстала с места,

кровь прилила к ее лицу. Волнение выдавало ее истинное состояние, как ни хотела она прикинуться равнодушной.

— Послушайте, куда это мы заехали? — Голос ее срывался. — Сейчас же остановите машину! Слышите?

В тусклом свете ей показалось, что Ислам-ака иронически ухмыляется.

— Ну, уж теперь потерпите. Почти что приехали... Сейчас.

Микроавтобус резко затормозил. Насиба рывком отворила дверцу и решительно прыгнула с подножки. В тот же миг ее окатило клубами пыли, поднятой машиной, а ноги ее в босоножках на платформе по щиколотку увязли в этой пыли. Ислам-ака не сошел следом за нею, как она ожидала, а высунувшись из дверцы, крикнул в темноту:

— Через час я пришло за вами машину! Слышите?

Микроавтобус дал задний ход и медленно двинулся в обратном направлении, к шоссе. А Насиба, ошеломленная, осталась стоять одна посреди грязной проселочной дороги. Она панически стала озираться по сторонам и вдруг шагах в пятидесяти от себя увидела чуть брезжащий свет. Там на ветке огромной орешины была подвешена электрическая лампочка, вокруг которой, она увидела, подойдя ближе, без усталости кружили стаи мотыльков. И только сейчас можно было разглядеть, что она идет по дороге и дорога эта ведет прямо к этой орешине, подле которой смутно виднелись очертания нескольких домов с недостроенными дувалами. В полумраке они казались страшными и таинственными. Потом Насиба увидела под орешинной силуэт мужчины. Он стоял, держа что-то в руках, и пристально вглядывался в ее сторону. И неожиданно вдруг крикнул:

— Наси! Это ты?..

Насиба не узнала голоса мужа: в нем слышались удивление, страх и еще какие-то нотки, доселе неведомые ей.

Мураджан бросил на землю кирпичную форму, которую держал в руках, и кинулся к ней. Пробежав шагов десять, он подпрыгнул: Насиба и не разглядела, что дорогу пересекал небольшой арык.

Подбежав к жене, он протянул было руку, чтобы обнять ее за плечо, но остановился: рука была перемазана глиной. Насибе еще никогда не приходилось видеть мужа таким: босой, в закатанных до колен старых штанах, в дырявой майке, на голове красный поясной платок, перепачканный глиной.

— Что-нибудь случилось? — с тревогой спросил Мураджан, пристально вглядываясь в лицо жены.

Ей сейчас, немедленно хотелось задать ему тот же вопрос, но будто кто-то сдавил горло и она не в силах была произнести ни слова, а Мураджан в испуге все твердил:

— Что случилось? Кто тебя привез сюда? Ислам-ака?..

Насиба остоленело глядела на Мураджана и отказывалась верить глазам своим: оказывается, этот нелепо выглядевший человек с нелепой повязкой на голове ее муж!

Мураджан понял ее состояние, почувствовал, что ей сейчас не до разговоров.

— Пойдем, — ласково произнес он. — Я тебе все объясню. Но прежде закончу до прихода машины то, что должен сделать сегодня.

Он осторожно взял Насибу за руку и помог пройти по дощечке, перекинутой через арык. Через минуту Насиба уже стояла под орешинной. Вокруг лампочки по-прежнему кружили мотыльки. Свет от нее падал на небольшую утоптанную площадку, а неподалеку высилась стена, сложенная из кирпичей. Возле нее на земле аккуратно лежали похожие на плиточки шоколада сырые кирпичи, холодно поблескивающие в свете лампы.

— Осталось немного, — словно успокаивал жену Мураджан. Он зачерпнул пригоршню песка и насыпал его в форму. Потом, словно искусный дойрист, повертел ее в воздухе, быстро подошел к куполообразной кучке глины, присел на корточки, помесил ее и наполнил форму. Кусочки глины при этом отскакивали ему на лоб, майку, но он не обращал на это никакого внимания. Соскреб ребром

ладони излишки глины и поднял форму. На спине мужа между лопатками и шеей, видела Насиба, образовалась впадина, вздулись жилы. Согнувшись под тяжестью ноши, припечатывая голыми пятками землю, он побежал туда, где рядами уже лежали сырые кирпичи. Послышался глухой хлопок. Когда была поднята пустая форма, к лежащим на земле кирпичам прибавилось еще четыре.

А к Насибе наконец вернулся дар речи. — Вот не знала, что вы и этой профессией, оказывается, владеете...

Мураджан, снова погрузив форму в песок, взглянул на нее и улыбнулся:

— Как говорят у нас в народе: молодцу и сорока ремесел мало!

Он снова присел на корточки, и все повторилось сначала. Насиба же продолжала неподвижно стоять посреди площадки. Прозрение пришло внезапно. И не нужно было больше никаких вопросов. Еще когда она только увидела мужа, что-то словно повернулось в ее душе. А теперь вот все встало на свои места. Теперь она вдруг поняла, отчего переменялся в последнее время Мураджан, почему «дежурил» почти каждый день и приходил домой за полночь, валясь с ног от усталости, почему так странно вел себя Ислам-ака, а привезя сюда, не сказал ни слова: пусть, мол, сама видит, как муж ее после целого дня работы в больнице вкалывает еще и здесь, на стройке, не говоря ей ни слова. Вот, мол, дорогая келин, взгляните на своего муженька!.. Это он ради вас так старается, из кожи лезет, ради вашего благополучия. Гарнитур с инкрустациями... и прочее. Нет, разумеется, он ничего такого не сказал... Но она-то знала теперь все.

Боже! Какой стыд! Какой позор! Ну, а что было делать ему? Что делать человеку, зарабатывающему сто пятьдесят рублей в месяц и потратившему на свадьбу никак не меньше пяти тысяч?

Это ведь ее слова, она говорила, будто свадьба бывает раз в жизни...

Насиба почувствовала, что голова у нее закружилась, что ей вот-вот станет дурно и она упадет. А в ушах все отдавались резкие хлопки удара формы о землю, будто на всем белом свете не осталось больше никаких других звуков.

Еле переставляя ноги, Насиба подошла к орешине, прислонилась к ее шероховатому стволу. Может быть, оттого, что место это продувало ветерком или голова ее стала яснее, она стала слышать даже шорох ветвей и закрыла глаза. И отчего-то опять вспомнилось все то же море, которое обещал ей Мураджан: лунная ночь, плеск волн и на берегу — они вдвоем...

Вздвигнув, Насиба открыла глаза. Нет, теперь они уже не поедут ни на какое море, не посидят на берегу в лунную ночь. А если даже когда-нибудь и поедут и бескрайняя поверхность его будет отливать серебром, освещенная лунным сиянием, это будет уже другое море, и луна будет другой, и сам Мураджан будет другим. А она, Насиба, тем более.

Да, они сыграли пышную свадьбу, не ударили в грязь лицом перед знакомыми. Исполнилась мечта Насибы — быть не хуже других. Они купили в дом немало дорогих вещей и все вроде бы предусмотрели. Об одном только забыли: разве можно купить теплоту и радость солнечных лучей?

Есть ли такие весы в природе, на которых можно было бы взвесить счастье?!

Из глаз Насибы покатались слезы. Она закрыла их, прижалась щекой к корявому стволу орешника.

Вдруг она почувствовала, что Мураджан рядом, что он нежно гладит ее по волосам.

— Наси! Что с тобой, Наси? — спрашивал он взволнованно. — Все будет хорошо. Все будет у нас: и море и лунная ночь. Самое главное, чтобы ты поняла меня. Ты ведь понимаешь? Да?

Насиба повернулась, уронила голову на грязное, пахнувшее потом плечо мужа, и плечи ее затряслись от беззвучных рыданий.

Перевела с узбекского В. ТУРБИНА.

¹ Келин — невестка. (Обращение к жене друга.)

Участники Дней советской литературы на Дону в гостях у Марии Петровны Шолоховой в Вешенской.

Фото Е. Недери (ТАСС)

У самого Тихого Дона

— Трудно передать словами состояние, охватывающее тебя всякий раз, когда попадаешь в шолоховские места.— Руководитель делегации писателей на Днях советской литературы на Дону, секретарь правления Союза писателей СССР Михаил Алексеев еще полон впечатлениями недавней поездки.— Точно светлое и теплое облако объемлет душу твою, и ты не можешь без глубокого волнения глядеть и вон на того степного орла, разрезающего воздух косыми клинками крыльев, и вон на те задумчиво притихшие степные курганы, и особенно на извивающуюся впереди синюю полосу реки, где далеким туманным утром озорной Гришка Мелехов ловил с отцом жирных сазанов и куда хаживала по воду прекрасная и несчастная Аксинья.

Поблизости отсюда отпевали донские солдаты крепко полюбившихся им Семена Давыдова и Макара Нагульнова. У этих вот берегов сражались за Родину Лопухин и Звягинцев, и тут же где-то с пепельной тоской в глазах Андрей Соколов, давись горьким табачным дымом, рассказывал писателю свою трагическую и героическую одиссею.

Все это вечный мир шолоховских образов, мир предельно реальный, но вместе с тем фантастически необыкновенный, ибо он одухотворен кистью могучего художни-

ка, сохранившего его для нас во всей сказочной полноте и прелести...

Сходные чувства владели также остальными участниками первых Дней советской литературы на Дону, которым посчастливилось присутствовать при рождении нового праздника. Одни предлагают именовать его Шолоховскими чтениями, другие— Вешенской весной. Однако суть не в названии, а в духовной потребности увековечить память великого писателя, развивать и приумножать завещанные им традиции.

...У могильного холмика на донском обрыве постоянно сменяются живые цветы и никогда не пустеет скамейка. Со всех концов света приезжают сюда люди, чтобы отдать Шолохову дань глубокой признательности и восхищения.

Яблоневою аллеей пришли от шолоховского дома возложить цветы на могилу и к бронзовому бюсту писателя съехавшиеся в Вешенскую посланцы братских литератур. В их числе были В. Карпов, В. Поголяев, Г. Семенов, Г. Регистан, П. Лебеденко, М. Соколов, А. Сундмезов и многие другие. В празднике принял участие секретарь Ростовского обкома КПСС В. Т. Суслин.

Гости долго и душевно беседовали в рабочем кабинете автора «Тихого Дона» с Марией Петровной Шолоховой, выступали с докладами и чтением своих произведе-

ний перед вешенцами. Мысль о том, что всем нам еще предстоит осознать до конца роль и место Шолохова в нашей жизни, в нашей культуре, звучала в словах выступавших. Не одно поколение берущихся за перо, говорили они, будет учиться у Шолохова истинной партийности, правдивости, гуманизму. Не случайно девиз, под которым проходили Дни литературы на Дону, гласил: «Шолоховские традиции — знамя советской литературы».

Хотя праздник только рождается, программа его оказалась весьма насыщенной. Делегация писателей встречалась с земляками Михаила Александровича, с трудовыми коллективами «Ростсельмаша» и «Атоммаша», Ростовского вертолетного производственного объединения, побывала у хлеборобов Целинского и Цимлянского районов. И везде рабочие и колхозники с любовью и гордостью произносили имя Шолохова, проявляли неподдельный интерес и внимание к творческим планам гостей, к завтрашнему дню нашей литературы, высказывали приехавшим писателям немало полезных читательских пожеланий.

— ...Чем дальше мы уходим от того холодного февральского дня,— сказал на одной из этих встреч донской писатель Анатолий Калинин,— тем острее чувствуем, как нам не хватает Михаила Александровича... И очень важно, чтобы мы сохранили в шолоховском духе отношение к действительности и к творчеству.

Шолоховское очарование человеком. Истоки его здесь — под камышовой крышей небольшого казачьего куреня на хуторе Кружилинском. С волнением переступали гости порог дома, в котором родился выдающийся художник современности. Бережно воссоздана обстановка тех давних лет: железные кровати, дымотканые дорожки на полу, кованный сундук, почерневшие иконки с лампадами, на стене фотография родителей писателя.

Еще не освоившаяся с ролью экскурсовода, смотритель музея Е. Деменок рассказывала, как, в сущности, стихийно складывалась мемориальная экспозиция. Дом принадлежал сельсовету и предоставлялся в пользование разным семьям. Но от желающих осмотреть его изнутри (ведь в нем родился Шолохов!) отбоя не было. Люди требовали сохранить здесь все в первоначальном виде. Тогда начали постепенно собирать экспонаты, подремонтировали дом и, наконец, открыли двери для посетителей...

— У Шолохова мы в долгу,— заметил председатель Вешенского райисполкома Ю. Коротков.— Он всегда проявлял неустанную заботу о родном крае. Теперь на его родине будет создан государственный музей-заповедник,— ведь мы обязаны сбегать для потомства дома, где написаны бессмертные страницы «Тихого Дона» и «Поднятой целины». И хорошо, что Шолоховские праздники на Дону будут проводиться ежегодно весной, в день рождения великого писателя.

А. ЕВСЕЕВ

ТВ

НА МОЙКЕ, 12

В последней квартире Пушкина бывали все если не лично, то благодаря экрану (хотя нужно все же непременно лично, каждому). И вот ко дню рождения поэта — еще одно кинопутешествие на Мойку, 12, созданное на Центральном телевидении режиссером Дм. Чуковским и оператором М. Голдовской.

Дорогое, хорошо известное не утрачивает интереса от повторных возвращений. Так и с Пушкиным, его домом. Нас приводят сюда любовь и память. И с годами они только возрастают.

«Я знаю о Пушкине не больше, чем любой русский человек. Моя специальность — древнерусская литература... Но Пушкин тянет, тянет

прийти сюда вновь...» Это говорит в фильме статный пожилой человек, привычным путем направляющийся на Мойку, 12. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев.

В мемориальной квартире поэта его встречает главный хранитель Нина Ивановна Попова. Беседа двух этих людей — негромкая, доверительная — и составляет содержание фильма.

На сей раз здесь нет знакомого нам с детства интерьера; ученый и хранитель беседуют на фоне вскрытых стен, заколоченного ящика с надписью «Вещи из кабинета». Идет фундаментальная реставрация дома. И от этого разговор о Пушкине вдруг обретает для зрителя кану-то пронзительную свежесть и новизну.

Мы видим обнажившуюся из-под слоя штукатурки кирпичную кладку и вместе с людьми на экране испытываем неожиданный трепет при мысли, что в этих вот кирпичах резонировала речь Пушкина... А если и впрямь наука сумеет когда-нибудь вернуть нам ее?

Дверь, через которую Никита Козлов внес на руках раненого поэта. Она кажется такой узкой. Следом за участниками беседы мы переходим из комнаты в комнату, а на экране возникает их вечно неизменный облик, который этим комнатам вскоре опять предстоит принять.

Наверное, особое знание, особое «право» на Пушкина получает человек, когда ему выпадает приложить руку к спасению пушкинских реликвий. В начале войны, рассказывает Д. С. Лихачев, в набережную Мойки попала бомба, набережная дала трещины, квартира поэта оказалась под угрозой, и сотрудники Пушкинского Дома (Института русской литературы АН СССР) первыми явились сюда, чтобы перенести мемориальные вещи в безопасное место. «Я тащил диван,— вспоминает Дмитрий Сергеевич.— Потом удалось достать грузовики».

...Шумит листва возрожденных царскосельских садов, под сенью которой ученый продолжает мысль

о необходимости бережно хранить не только вещественный мир Пушкина, но и столь близкие его эстетическим идеалам старинные сады и парки — любимое прибежище великого поэта в юные и зрелые годы.

В свою очередь, Н. И. Попова затрагивает тему духовной преемственности, тему русских мальчиков, которых приводили за руку в дом на Мойке, как привел сюда еще до революции, до первой мировой войны Д. С. Лихачева отец. Как приводили нас с вами. Традиция сохранилась, мы ее прямые наследники, и очень важно приобщить к ней наших детей и внуков.

«История дома на Мойке символична,— говорится в финале картины.— Она символизирует наше отношение к Пушкину». Новая работа режиссера Дм. Чуковского — убедительное и талантливое свидетельство этого трепетного отношения.

Ю. ОСИПОВ

Тяжело в учении...

М. ТАЙМАНОВ,
международный
гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»

Рассказывают, что когда Михаил Светлова спросили, сколько времени писал он свою знаменитую «Гренаду», поэт ответил: «Сорок минут и всю жизнь...»

Сродни этому и творческие успехи крупных шахматистов — случается, что счастливо найденная идея годами ждет своего практического выявления, своего звездного часа.

Без преувеличения можно сказать, что судьба многих партий, а то и целых состязаний решается теперь задолго до того момента, когда партнеры садятся за доску. Почти полвека назад лидер советской шахматной школы Михаил Моисеевич Ботвинник впервые сформулировал основные предтурнирные задачи: шахматист должен вступать в сражение в отличном физическом состоянии, глубоко оснащенным теоретически и оптимально наигранным практически. Эти компоненты и определяют творческие возможности шахматиста — его так называемую «спортивную форму».

Что касается физических кондиций, здесь все очевидно: современные состязания требуют огромной затраты энергии, особенно нервной, а потому гимнастика, спорт, режим просто необходимы. Более специфична проблема «наигранности». Не скажешь так просто, сколько партий и когда нужно сыграть, чтобы к главному состязанию прийти и достаточно подготовленным практически, и вместе с тем не пресыщенным, а «соскучившимся» по игре.

Но главное содержание подготовки составляет ее теоретическая часть — разработка дебютных проблем и всестороннее изучение будущих партнеров. Это, пожалуй, самый трудоемкий процесс. В одиночку одолеть его нелегко. Здесь требуется квалифицированная помощь тренера, а то и целого штаба помощников. Особенно сегодня, когда поток шахматной информации неиссякаем и гроссмейстеру, стремящемуся успевать за всеми достижениями мировой аналитической мысли, приходится обрабатывать ежегодно тысяч пять-шесть партий!

Но, пожалуй, самое важное значение при подготовке к состязаниям приходится опытными гроссмейстерами изучению своих соперников. Как говорил М. Ботвин-

ник, их нужно уметь «запрограммировать». В шахматах сражение ведется не между двумя армиями бездушных фигур, а между их полководцами — двумя личностями, наделенными своеобразием характеров и многогранностью талантов. Вот почему нужно как можно более полно знать соперника, выявить его сильные стороны и подметить уязвимые. Не секрет, что сам Ботвинник заводил своеобразные «досье» на каждого из возможных соперников и заносил туда не только результаты тщательного исследования их партий, но и личные наблюдения. Он считал необходимым знать и творческие особенности противника, и его дебютный репертуар, и турнирную или матчевую тактику, и манеру поведения за игрой, и многое, многое другое...

Любопытно, например, что, исследуя облик экс-чемпиона мира Макса Эйве, Ботвинник подметил, что тот предпочитает «длинные» ходы фигурами, и даже объяснил это высоким ростом гроссмейстера. Казалось бы, мелочь, но это наблюдение помогало Ботвиннику предугадать ответный ход партнера, облегчало расчет вариантов. А как важно распознать психологию соперника! Изучить его реакцию при благоприятном и неудачном развитии событий, представить, как ведет он себя в стрессовых ситуациях цейтнота...

Я ввел читателя в лабораторию гроссмейстеров, чтобы дать возможность хотя бы частично представить задачи, которые стали в эти дни перед А. Карповым и Г. Каспаровым. Недавно было объявлено, что матч на первенство мира между ними начнется в Москве 10 сентября, но можно не сомневаться, что гроссмейстеры не ждали этого официального сообщения — их подготовка к единоборству в этот момент была уже в разгаре.

Разумеется, у каждого из соперников свой индивидуальный план и свой график подготовки. А. Карпов располагал здесь большей свободой времени. Как известно читателям «Огонька», по прогнозу Карпова, опубликованному в журнале, чемпион мира еще зимой предвидел, что его соперником станет Каспаров. Уже тогда, стало быть, мог Карпов наметить план всесторонней подготовки. Каспаров же за последние месяцы сыграл поединки с такими серьезными соперниками, как В. Корчной и В. Смыслов, и, может быть, поэтому он заявил, что до начала матча выступать в турнирах не станет, а все время удлит работе в «кабинетной тиши». А Карпов, напротив, счел необходимым включить в программу и турнирные сражения. «С ноября

прошлого года», говорил он в одном из интервью, — я не играл в турнирах. Перерыв в выступлениях приблизился к критической точке, после которой трудно восстановить спортивную форму. А если учесть, что впереди еще перерыв, связанный с подготовкой к главному матчу, то такой длительный отрыв от практики следовало как-то компенсировать». И Карпов выступил подряд сразу в двух турнирах. И сыграл прекрасно! Сначала в Осло, а затем в Лондоне, где играли многие выдающиеся гроссмейстеры, чемпион мира был первым.

Как здесь разграничить утилитарные задачи предметовой тренировки и спортивные амбиции чемпиона, привыкшего побеждать? Карпов остался доволен своей игрой на этих турнирах. Он действительно показал высокий класс. Весь мир обошла его партия с голландцем Я. Тимманом, проведенная вдохновенно, ярко и необычно свежо. Впрочем, судите сами:

Я. ТИММАН — А. КАРПОВ

1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. d4 ed 4. K:d4 Kf6 5. K:c6 bc 6. e5

Разыгранная «шотландская партия» — редкий гость в современных турнирах. Избирая этот старинный дебютный вариант, голландский гроссмейстер, видимо, хотел смутить партнера, исходя из принципа «все то ново, что хорошо забыто...». Однако, когда речь идет об эрудиции чемпиона мира, такой расчет выглядит наивным.

6. ...Фе7 7. Фе2 Kd5 8. c4 Ca6 9. Фе4

Своеобразный психологический тест. Белые стремятся выявить намерения партнера. Дело в том, что путем 9. ...Kf6 10. Фе2 Kd5 черные могут вызвать повторение ходов, а следовательно, вступить в мирные переговоры. Довольствуется ли чемпион мира, играющий черными, этим компромиссом? Следующим ходом Карпов дает отрицательный ответ.

9. ...Kb6 10. Kd2 0—0—0!

Романтическая трактовка позиции — совсем в духе старой школы. Этот план требовал конкретного расчета возникающих тактических осложнений.

11. c5

Я. Тимман известен своим оптимизмом. Избранный им путь продиктован желанием наказать соперника за «строптивость». Однако эмоции — не лучший советчик в суровой шахматной борьбе. Целесообразнее было бы продолжать мобилизацию сил путем 11. Ce2.

11. ...C:f1 12. cb Ca6 13. ba

На первый взгляд замысел Тиммана увенчался успехом — белые выиграли пешку и даже угрожают матом в один ход!

Однако Карпов оценил позицию значительно глубже.

13. ...Kb7 14. Kb3

Еще одно свидетельство чрезмерного азарта. Тимман помышляет об атаке на неприятельского короля, когда в пору было уже беспокоиться о безопасности собственного. Осмотрительнее было бы сыграть 14. Kf3, укрепляя центральную пешку и намечая эвакуацию короля на ферзевый фланг после 15. Cd2 (или 15. Ce3) и длинной рокировки.

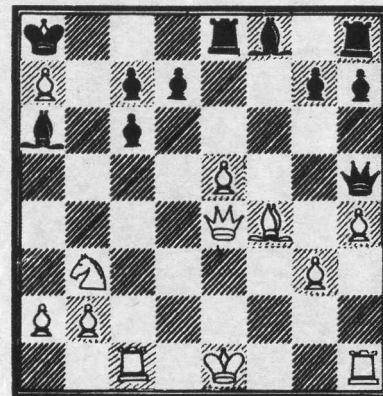
14. ...f6 15. f4 fe 16. fe Лe8 17. C:f4 Фh4+ 18. g3 Фh5!

Вот здесь уже, вероятно, Тимман почувствовал приближение грозы. Его король диагонально отсечен от обоих флангов, а в центре ему ох как неуютно...

19. Лс1 Кра8!

Глубокий замысел. Этим профилактическим маневром черные не только лишают противника надежд на контригру на ферзевом фланге, связанную с эвентуальной угрозой шаха на a5, но, как показывает течение партии, усиливают свой атакующий потенциал.

Такие ходы порой труднее найти, чем форсированную комбинацию. Прежде всего грозит 20. ...q5 20. h4

20. ...d5!

Переход к решительному наступлению!

21. Фе3

Здесь уже дорог добрый совет. На 21. Фе2 последовало бы 21. ...Лe5+! 22. Ce5 Фе5+ 23. Kp2 Cb6, и королю белых не найти укрытия.

21. ...g5! 22. C:g5 Cb4+! 23. Kp2 Лh8+ 24. Kpg2

Против внезапно обрушившегося шквального огня карповской артиллерии белые беспомощны. Не помогало и 24. Cf4 ввиду 24. ...Лe5! 25. Фd4 Л:f4+! 26. gf (26. Ф:f4 Лf5) 26. ...Лe2+ с быстрым матом.

24. ...Лe5!

Эффектный заключительный удар. Как рассказал секундант чемпиона мира И. Зайцев, «по выражению лица голландского гроссмейстера было похоже, что такое продолжение атаки явилось для него неожиданным». Партия теперь заканчивается быстро.

25. Фе5 Фf3+ 26. Kp2 Фf2+, и Тимман сдался, поскольку на единственный ответ 27. Kp3 последовало бы «выстрел из-за угла» 27. ...Cc8+ с матом в 2 хода.

Эффектная партия!

Итак, подготовка соперников идет в соответствии с намеченной программой. Правда, в конце июня Карпов и Каспаров как союзники отвлекаются на неделю для выступления в качестве лидеров сборной команды СССР на матче против сильнейших гроссмейстеров остального мира, но затем вновь вернутся к тщательной аналитической работе. Пожелаем им успеха. Чем лучше они подготовятся к поединку, тем увлекательнее и ярче будет борьба. А в этом заинтересован весь шахматный мир.

Пьеса А. Салынского «Молва» поставлена в двух московских театрах и идет с успехом. Благоприятными оказались и для критики проблемы пьесы. Открылись возможности для нравственных суждений о некоем мирооформе деревни Птунька 20-х годов, как прообразе более широких территорий и времен; об опасности доктринерства; о гранях, разделяющих принципиальность, справедливость и насилие... Подмечалось, что в пьесе спорят не характеры, а идеи. Это открытие представляется особенно долгожданным, насущно необходимым.

таев). А над всей этой поверженной, но все еще величественной красотой бывшего господского дома — снова безмолвная фигура Дирижера, словно обозначающая тему спектакля как тему трагическую.

Тема эта интересно развивается и находит опору в характере телефонного мастера Ивана Шишлова: он в этом спектакле, безусловно, главное действующее лицо.

В исполнении В. Баринова Шишлов — личность сильная. Личность, целиком — и поначалу фанатически радостно — подчинившая себя идее, исчерпывающе выраженной в лозунге «Даешь рай на земле немедленно!».

Эта звонкая идея при сво-

ское, цирковое ее прошлое. В финале она, играя газовым прозрачным шарфом, появляется вся в солнечном ореоле, воздушная... В Птуньку же Аля приехала землеустроителем, «строить в деревне Советскую власть», как несколько высокопарно скажет о ней влюбленный Шишлов. На грешной земле в Птуньке Аля полна романтики, какого-то неземного знания... И тут тоже есть идея, доведенная до символа.

Запоминается Н. Гундарева в роли Ларисы Садофьевой. Ее героиня, управляющая лесоторговой базой, в лихо заломленной папаше-кубанке и шинели до пят, — живое воплощение удали и смелости... Хорошо Авдей Можаренков, сыгранный В. Корешковым. В форме кавалерийского командира, он словно еще не остыл от боя...

Есть в спектакле Гончарова, помимо романтики, и лукавство и ирония. К примеру, сложная суть Шишлова не смущает режиссера; в исполнении А. Фатюшина Шишлов, безусловно, пленник собственной идеи. Вычитанная из книг, дурно понятая, эта идея произвела оглушающее впечатление на довольно слабого, неуверенного в себе человека. Поэтому его служение идее страдательно. Он идет к цели, полагая, что за идею можно и пострадать.

При всей разности этих интересных постановок «Молвы» оба театра уверенно воплощают дорожную и для них и для автора мысль, что люди могут и должны быть вполне ответственны за все, что в жизни вокруг них происходит.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

«Я с большим вниманием прочел роман И. Стаднюка «Москва, 41-й». Это произведение подкупает достоверностью» (Н. Бедов, Москва). «Нет сомнений, книга интересна и полезна как для старшего поколения — участников описываемых событий, так и для молодого поколения», — написал в редакцию о романе И. Стаднюка Е. П. Архипов из Гомеля.

«У вас появилась новая рубрика — «Шедевры». Это замечательно», — пишет В. Миляев из пос. Вуктыл Коми АССР. «С большим удовлетворением прочел в № 22 статью Игоря Долгополова «Шедевры», — сообщает москвич В. М. Смирнов. — Глубокий анализ, правдивая эстетико-художественная и идейная оценка произведений мирового искусства».

Принимая с признательностью интерес и внимание наших читателей к предыдущим публикациям журнала, редакция предполагает во втором полугодии 1984 года опубликовать:

новый роман Юрия Бондарева;

отрывки из новых произведений Юрия Нагибина и Абдижамила Нурпеисова;

остросюжетную повесть Виктора Пронина «Детективы»;

записки старшего тренера команды ЦСКА и сборной СССР по хоккею Виктора Тихонова;

записки выдающегося советского пловца Владимира Сальникова;

воспоминания Героя Советского Союза, полного кавалера ордена Славы Павла Дубинды.

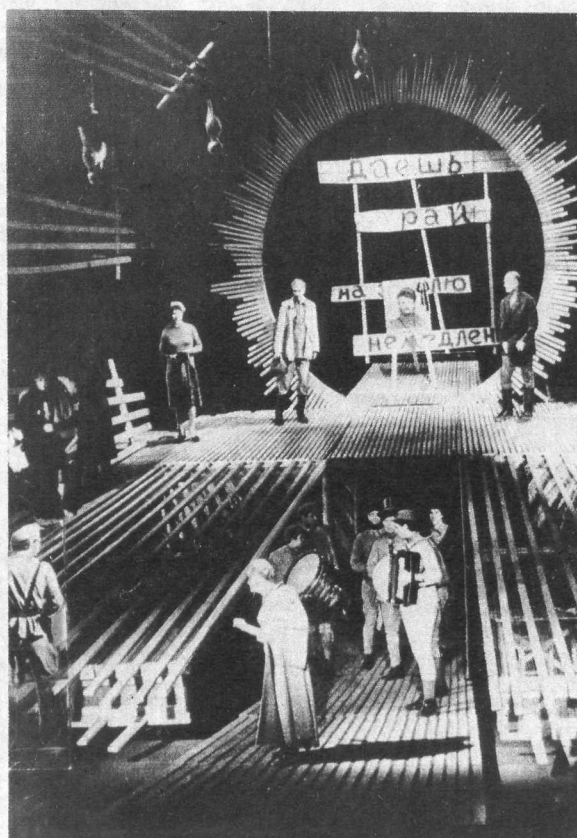
В № 27 журнал продолжит публикацию репродукций лучших картин мировой классики — «Шедевры».

Геннадий БИРЮКОВ

МОЛВА О ВРЕМЕНИ И ЧЕЛОВЕКЕ

ЦТСА. В. Баринов в роли Шишлова (в центре), Н. Кочетова — Батюнина и А. Кутепов — Можаренков.

Сцена из спектакля «Молва» в Театре имени Маяковского.

Постановки — очень разные — давали возможность суждений и отзывов несхожих.

В спектакле, поставленном в Театре Советской Армии Ионом Унгурану, примечательна фигура Дирижера, который руководит невидимым оркестром, имея прямое отношение ко всему, что происходит в Птуньке, а быть может, и ко всему, что свершается в подлунном мире. Его взор проникает всюду... Порою кажется, что он желает от чего-то предостеречь бригаду землеустроителей, приехавшую в поселок... Но от чего? Мы сталкиваемся тут с уголовщиной и взяточничеством, нептмановским угаром, неожиданным вожизмом, смесью начетничества и прожектерства. Отсюда и грязная молва... Отсюда беда.

Трагический характер событий подчеркивают в спектакле обгорелые, отбитые ступени огромного дома, разверзшегося, словно от удара молнии (художник М. Ки-

ем воплощении на сцене Театра Советской Армии крепко ударила по обитателям деревни Птунька, по их интересам... Служение этой идее гнет и ломает и самого Шишлова, разрушая свойственные ему — и актер показал это! — доброту, сострадание, нежную душу... Смерть Шишлова явилась как бы итогом спавшей его идеи.

В Театре имени Вл. Маяковского постановщик «Молвы» Андрей Гончаров тоже стремится к обобщениям, к эпичности.

Для эстетики спектакля показательно, например, как выстраивает режиссер роль Али Батюниной. Актриса Е. Симонова предстает здесь почти ангелоподобным существом с нежным голосом и бездонными глазами, полными печали... Служит Аля землемером. Она член партии; она прошла аресты и тюрьмы... Но для спектакля оказалось очень важным и короткое артистиче-

ВЯЗАНИЕ — ТОЖЕ ИСКУССТВО

Мода все чаще и чаще хозяйничает среди вязаных узоров. То вдруг ей перестает нравиться ажур, то плотное вязание, то она заклеивает рыхлую платочную вязку, которую, казалось бы, только что предлагала вместе с народным кроєм, то вдруг ей наскучит орнамент, еще не успевший надоесть модницам. Но как бы мода ни наприказывала, ни разу она не посмела отвергнуть фактуру чулочного вязания. Как ни поверни его — и с лица и с изнанки, — глаз радуется. Полотно этой вязки, как чистый лист бумаги, который ждет своего автора-фантазера. Каких только нет приемов, чтобы украсить его для изобретательной ма-

стерицы: хочешь, вышивай на нем или выкладывая шнуры затейливыми узорами, можешь пробежать «дорожками» из стройных снятых петель или рассыпать «бугорки» на его ровной поверхности, а можно «простегать» ровное полотно, сделав его более теплым, уютным; пришив кружева, рюши, оборки, можно добиться женственного, легкого и романтического стиля. В моделях, представленных на четвертой обложке журнала, мы выбрали пять видов украшения: шнур, снятые петли, стежку, бугорки и кружева.

Маленькая безрукавка и юбка украшены мелкими полосками, на которых выложен шнур из воздушных петель, связанных крючком. Этот узор чем-то напоминает «извилины» грецкого ореха.

На голубом свитере вывязаны «дорожки» из снятых петель. В начале «дорожки» вязались ровными, не сближались, после окончания работы их сшили иголкой — получилось интереснее.

«Стеганный» жилет, надетый поверх платья чулочной вязки, не только для тепла. Это еще декоративный элемент — цветное пятно, делающее этот наряд не просто одиночной вещью, а целым, законченным ансамблем. Связан он переплетающимися жгутами, которые напоминают стежку.

По коричневому свитеру разбросаны «бугорки». Вдоль вертикальных линий из снятых петель привязаны примитивные кружева (цепочка из трех-четырех воздушных петель прикрепляется к полотну одним столбиком без накида).

Благодаря выдумке, фантазии мастериц, связавших эти вещи,

все предложенные модели смотрятся очень элегантно, как высокохудожественные изделия. А ведь их вязали не профессионалы. Мариана Гайсинская — инженер-строитель.

Любовь к вязанию у нее появилась с детских лет. «Сколько себя помню, всегда у нас в доме что-то шили, вязали, вышивали, — вспоминает Мариана. — Нас было двое: я и сестра, и мама очень любила одевать нас в свои вязаные, сшитые вещи. Каждая блузочка, платьице, шапочка, шарфик были связаны с такой выдумкой, фантазией, что появление новой вещи всегда превращалось в праздник.

Платья носились, перевязывались, а скоро и я сама стала включаться в эту интересную игру: ведь тут был простор для выдумки, фантазии. Так вязание стало для меня любимым досугом. Но хотелось большего, не хватало мастерства, точности в создании образа. Именно тогда я и пришла в клуб».

Когда при клубе «Созидатель» создавались курсы вязания, которыми я руководила, к нам на занятия явились не только те, кто решил совершенствовать свое мастерство вязальщицы, но много было и тех, кто никогда раньше не держал в руках спиц или крючка. Тамара Хаимова, модель которой вы видите, инженер-химик, человек очень увлекающийся, любящий музыку, театр, книги, спорт. Но вот и ее увлекло вязание.

Вот еще один автор представленной читателям модели — Галина Торбеева, инженер-экономист по образованию. Галина знает лю-

бые виды вязания: спицами, крючком, машинную вязку. Она специалист высокого класса, решила стать преподавателем машинного вязания.

Как вы видите, вещи, сделанные моими бывшими учениками, а называю я их бывшими, потому что считаю их теперь мастерами, со своим голосом, своеобразной манерой, — простые, практичные, что и делает их особенно элегантными, привлекательными для людей с самым строгим вкусом.

М. МАКСИМОВА,
художник-модельер

ФОТООБЪЕКТИВ И ЖИЗНЬ

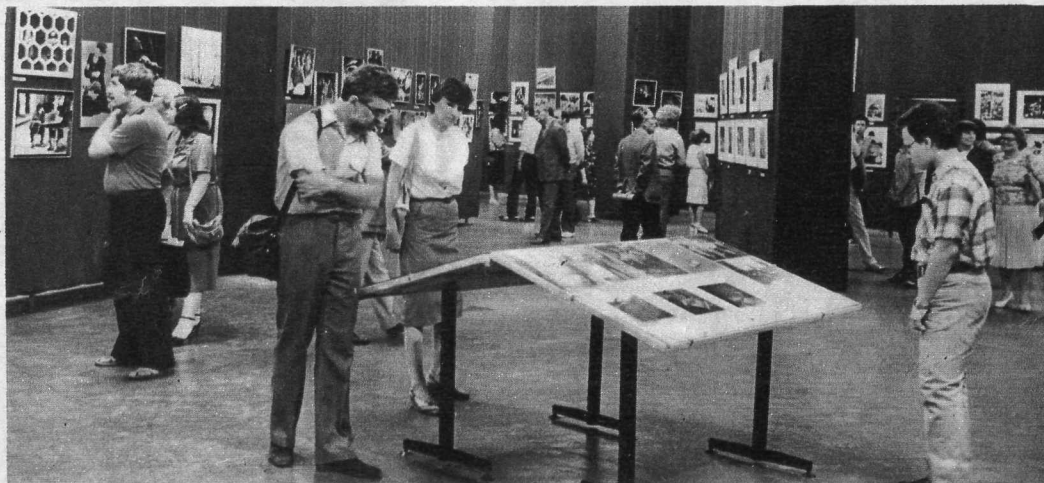
В эти дни в Центральном выставочном зале в Москве открылась Всесоюзная выставка художественной и документальной фотографии «Фотообъектив и жизнь».

Профессиональные фотожурналисты и фотолюбители буквально из всех уголков нашей Родины представили на выставку около двух тысяч работ, отображающих самые разные стороны жизни и деятельности советских людей.

Форум отечественной фотографии пользуется большим успехом у москвичей и гостей столицы.

Выставка продлится до 1 июля 1984 года.

Фото И. Гаврилова

Юмор

Компютэр

Геннадий ПОПОВ

РАССКАЗ

В зал, выполненный по последнему слову техники, входит мужчина. Подходит к окошечку с надписью «Касса». За окошечком мигает лампочками современный компьютер. Мужчина восхищенно смотрит на него и робко спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, у вас есть билет до Тулы, на завтра? Из компьютера доносится:

— Ждите ответа... Ждите ответа...

Человек нервно поглядывает на часы. За ним выстраивается очередь. Наконец он не выдерживает:

— Ну сколько можно ждать?

Компьютер:

— Повторите вопрос.

— Сколько, я спрашиваю, можно ждать?

— На такие вопросы справок не даем. Обратитесь в справочную.

— А билет до Тулы у вас есть?

— Ждите ответа... Ждите ответа...

Наконец из компьютера доносится:

— Касса закрывается на перерыв.

— Это безобразие, — возмущается мужчина, — я здесь стою уже целый час.

— А вы не хамите, гражданин, вас много, а я один. — В механическом голосе компьютера слы-

шится плохо скрываемое раздражение.

— В таком случае я вынужден буду жаловаться.

— Жалуйся! Нервные все пошли. Мужчина через весь зал направляется к двери с надписью «Администратор». Входит в кабинет, там вокруг стола стоят компьютеры.

— Здравствуйте, — здоровается мужчина, — скажите, а кто здесь администратор?

— Что вам, гражданин? — мигая лампочками, спрашивает один из компьютеров.

— У вас касса не хочет работать и грубит.

— Выйдите, гражданин, у нас совещание по вопросу усовершенствования обслуживания пассажиров.

— Но ведь я...

— Я повторяю еще раз: выйдите, вас много, а я один.

— Но...

В кабинет входит уборщица с ведром и тряпкой. Она подходит к компьютеру и вытирает с него пыль.

— Ты, милочка, — обращается она к посетителю, — не обращай на него внимания: он испорченный.

— А кассир?

— И кассир испорченный. Целый день ждем механика, а тот говорит: «Вас много, а я один».

— А как фамилия механика? Я буду жаловаться.

— Да какая у него фамилия! Компьютер он компьютер и есть. Такой же, как и эти. Разве от них человеческого отношения дож-

Разы

— Почему развелся?

— Надоело одиночество...

— Да, порох у меня еще есть, да пороховница у жены в сумочке лежит...

С. АФАНАСЬЕВ

Иваново.

В него влюблялись все без ума. С ужом воздерживались.

М. ЛУРЬЕ

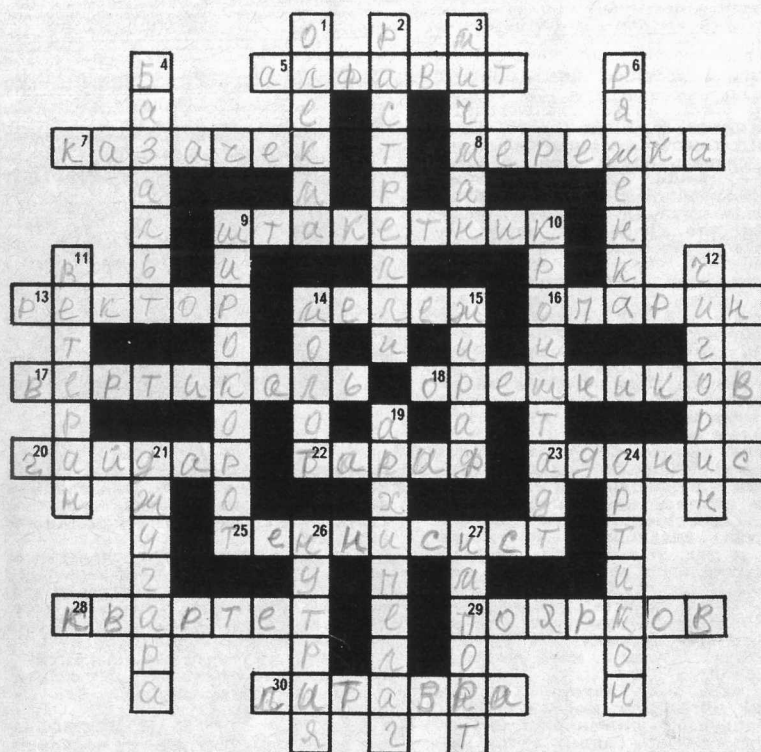
Горький.

Чтобы попасть в цель, ее не жмешь сначала перед собой поставить.

Когда никому нечего делать, он начинает искать другое занятие.

Л. СУХОРУКОВ

Киев.

По горизонтали: 5. Буквы, расположенные в определенном порядке. 7. Народный танец. 8. Вышивка в виде узорчатой полоски. 9. Узкие деревянные планки для ограды. 13. Руководитель вуза. 14. Народный писатель Белоруссии, лауреат Ленинской премии. 16. Биохимик, академик, Герой Социалистического Труда. 17. Серия советских геофизических ракет. 18. Народный художник СССР. 20. Писатель, один из основоположников детской советской литературы. 22. Ставка оплаты за услуги. 23. Малая планета. 25. Спортсмен. 28. Басня И. А. Крылова. 29. Персонаж романа М. Горького «Жизнь Клима Самгина». 30. Ударный музыкальный инструмент.

По вертикали: 1. Приток реки Лены. 2. Архитектор, построивший Зимний дворец. 3. Военное звание. 4. Горная порода, строительный, облицовочный материал. 6. Молочный продукт. 9. Лесная птица, обитающая в Приморском крае. 10. Порт в Ленинградской области. 11. Опытный воин, заслуженный работник. 12. Основатель русской школы шахматной игры. 14. Легкоатлетический снаряд для метания. 15. Северное созвездие. 19. Группа островов. 21. Злак. 24. Передающая телевизионная труба. 26. Пушной зверек. 27. Ввоз товаров из-за границы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24

По горизонтали: 5. Осциллограф. 8. Трельж. 9. Франций. 12. Пост. 13. Антоновна. 16. «Огни». 17. Открытка. 18. Альманах. 19. Бокнерини. 22. Астроном. 24. «Бригадир». 25. Диск. 26. Коловорот. 27. Тува. 28. Автомат. 30. Лягунов. 32. Малиновский.

По вертикали: 1. Псел. 2. Пилястра. 3. Егоровна. 4. Манн. 6. Вратарь. 7. Шикотан. 10. Бортнянский. 11. Аннакулиева. 13. Антюбинск. 14. Несмеянов. 15. Альпинист. 20. Крюкова. 21. Частное. 23. Молдавия. 24. Бердянский. 29. Омар. 31. Упит.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наталия Савельева — алмазница хрустального завода в Гусь-Хрустальном. (См. в номере материал «Мастера в запасе». Фото Г. Розова)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели московских мастеров вязания М. Гайсинской, Г. Горбеевой, Т. Хановой. (См. в номере материал М. Максимовой «Вязание — тоже искусство».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономии быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Научи и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 28.05.84. Подписано к печати 12.06.84. А 00389. Формат 70х108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 725 000 экз. Изд. № 1454. Заказ № 2769.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Утренняя пробежка по древнему Новгороду.

Ирина ТОЛКАЧЕВА

Фото И. ГАВРИЛОВА

Тру

В машине двое — мужчина и мальчик. У мужчины посеревшее от тревоги лицо с темными кругами вокруг глаз.

— Видишь, Роман, что опять наделал Миша... Ему лень учиться, а мы должны снова ехать за ним, искать, просить, уговаривать. Конечно, дома проще, никто им не занимается, значит, можно ничего не делать. Но ведь это не по-товарищески — заставлять волноваться меня, друзей, отрывать нас от работы, от учебы, вынуждать ехать за тридевять земель, чтобы вернуть его.

Четыре года назад такие победы в интернате № 1 Новгорода для сирот и детей, у которых родители лишены родительских прав, ни-

кого не удивляли. Тогда Владимиру Николаевичу Аверкину, директору интерната, приходилось ездить за беглецами чуть ли не каждую неделю. Вначале одному. Потом стал брать с собой самых отчаянных «любителей свободы». Пусть и они побудут в шкуре тех, кто ищет, волнуется, не спит ночами.

Что пережил директор, когда однажды сбежал Роман Лимонов, тот самый, с которым он едет сейчас на поиски Миши Якимова! Был конец ноября. Мальчишку только что привезли из Шимска, простуженного, поместили в изолятор. А утром он исчез. Без ботинок, без одежды, правда, прихватил с собой одеяло. Следы босых ног вели к Волхову. Надо сказать, что река в Новгороде быстрая, пол-

д н а я с е м ь я

ностью замерзает редко. Хорошо, догадались броситься к сестре Романа, она живет по ту сторону Волхова. Роман оказался у нее, живой и невредимый.

— Как же тебе удалось перебраться?

— Я шел-шел, а когда почувствовал, что затрещало под ногами, побежал.

Много было пережито. Владимир Николаевич, бывший школьный организатор, пришел в совершенно развалившийся коллектив. У воспитателей — неверие, у детей — никаких интересов.

На просьбу прибрать в классе нередко слышал вопрос: «А сколько заплатите?» Ленино даже гордились: «Как хочу, как умею...» Все воспринимали в штыки, не

умели ни улыбаться, ни радоваться. Владимир Николаевич считает, что это вина родителей, слишком много боли пришлось пережить детям.

Первую улыбку Аверкин увидел как-то утром, играя до уроков с мальчишками в футбол. И понял: надо начинать со спорта. Целый год готовились к городским соревнованиям. Поворчали, правда. Как же! Насильно заставляют маршировать, бегать! И только заняв не последнее место в соревнованиях, ребята почувствовали свою силу, и у них проснулось желание стать лучше других. Теперь уж никого заставлять не приходилось. Иной раз и сами прибегают:

— Владимир Николаевич, пойдемте в футбол поиграем!

А девочки любят, когда по вечерам приходит Лидия Ивановна, жена директора. Она отлично играет в волейбол. Иногда поиграть с ребятами приходят шефы — молодые рабочие с завода имени Ленинского комсомола.

Как-то спросил Владимир Николаевич у очередного беглеца:

— Ну почему ты все бегаешь?

— Домой хочу!

— Пойдем-ка лучше ко мне.

И стало с тех пор у Аверкиных много гостей. Просто так приходят, и чтобы помочь чем-нибудь, и за младшим сынишкой поухаживать. Если кто-то долго не появляется, Лидия Ивановна уже беспокоится, приглашает сама.

С самого начала Владимир Николаевич взял за правило: каждое

ЧП, каждый мелкий проступок обсуждать на линейке, всем вместе. Тогда у нарушителей не будет ни одной лазейки для безнаказанности.

Однажды дети поймали и притащили щенка. Вскоре прибежала старушка и стала ругать директора на чем свет стоит. Тут же собрали линейку.

— Вы слышали, как меня ругали? И правильно ругали. Я не сумел вам объяснить, что такое хорошо, что такое плохо. Вы любите животных, а людей? Ведь у этой старушки щенок — единственная радость в жизни.

Щенка, конечно же, вернули.

Сейчас говорят, что интернатские ребята самые самостоятельные, самые дружные. К заболевшим в больницу каждый день ходят товарищи, помогают уроки учить, приносят гостинцы. А ведь всего два года назад никто и не подумал бы это сделать. Когда-то,

▲ Разговор начистоту.

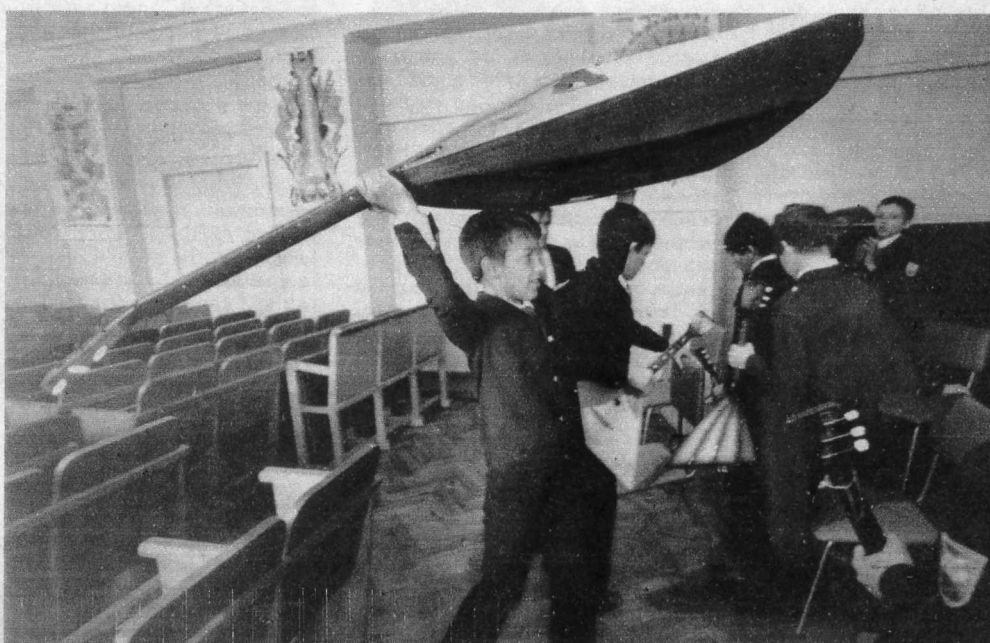

◀ Рыжий-красный — человек опасный.

Помашки, доченька, ручкой — в следующий раз мама опять придет через год...

В день посещения родителей.

Будет музыка.

теперь уже давно, заболели рабочие подсобного хозяйства интерната. Животные могли остаться не кормленными. Владимир Николаевич попросил помочь накормить свиней.

— Вот еще! — был ответ. — Ну что ж, спасибо, ребята, за такой ответ.

И пошел один. Его обогнали. Сейчас Владимиру Николаевичу Аверкину не нужно оглядываться с опаской, что сделают за его спиной. Он знает — все будет так, как требуется. Этот невысокий плотный человек сумел перевернуть интернат. Работой с утра до ночи, мучительными поисками выхода из постоянных тупиков. Сколько раз приходила мысль уйти, но не решился.

Педагоги в интернате сами трудятся самоотверженно и ребят приучают уважать труд. Вот мальчишки пинают ногами портфель. А ведь его подарили шефы. Кто-то делал его, тратил материал, усилия, чтобы вам было приятно и удобно ходить в школу. Обычно таких доводов бывает достаточно. Четвертый класс неважно дежурил по столовой. Воспитательница скажет:

— Вы обратили внимание, как шестиклассники дружно дежурили? Жаль, что у нас так не получилось.

Забота и любовь — вот главные секреты воспитания. Самое трудное время — каникулы — теперь не так уж страшно. Часть ребят остается в интернате, не уезжает домой. Педагоги в отпуске, воспитателей не хватает. Но без присмотра ребята не остаются — старшие берут на себя заботу о младших. В первый день после зимних каникул все первоклассники пришли в белых воротничках, пришитых девчонками из восьмого.

Новый год. Елка. Дед Мороз, Снегурочка. Танцы, игры, всем весело. А воспитатели волнуются: куда-то пропал Сережа из восьмого класса. Потом оказалось, что Новый год он встречал в семье девочки, с которой дружит. Вызвали его и директору, а он обижается:

— Что же, нам нельзя дружить? — Почему нельзя? Но ваша дружба не должна приносить хлопоты ребятам, воспитателям.

«Не хочется учиться...» — любимая присказка новеньких. Неудивительно: в семьях, которых лишили прав на ребенка, родителям все равно, чем занимается их малыш. Он предоставлен самому себе и совершенно не приучен к трудовым усилиям. Приучает интернат. Пионеры с лентяями борются по-своему. Живая газета, картина. У Галины Николаевны Савельевой в пионерской комнате делается стенгазета. Потом ее вывешивают на всеобщее обозрение. И... многие узнают себя:

Такого лентяя встречаю впервой. Смотрите — к подушке прирос головой!

Очень переживают ребята, когда на пионерском сборе появляется огромный, весь в пятнах, рваный учебник русского языка: на нем написаны фамилии тех, кто портит книжки.

Однажды на игру «Зарница» директор раздобыл настоящие парадные портупей. А у 23-й школы, в которой директор когда-то школьным организатором работал, их не было. Решили дать портупей сначала друзьям. И пусть не

внешний вид решит их спор, а сила, ловкость, подготовленность.

Осенью ветераны собрали библиотеку и передавали ее интернату. Долго думали, как провести торжественную линейку, что внести в нее нового, чтобы праздник не превратился просто в торжественное мероприятие. Придумали ребята: самые интересные книги подарить тем, кто совсем не бывает в школьной библиотеке. И действительно, кое-кто лишь после этого сдружился с книгой.

В пятом классе на уроке математики у Любови Антоновны Наумовой ребята не могут вспомнить правило.

— А ну-ка, кто ездил в Севастополь, помогите!

Во время зимних каникул наградой за хорошую учебу были экскурсии в Севастополь и Ленинград. Авторитет этого поощрения учителя поддерживают на каждом уроке.

Радуют директора выпускники, которые частенько проводят каникулы в интернате. Когда-то Саша Егоров пользовался среди ребят дурной славой. Был нытиком и при этом еще не стеснялся прикарманить что-нибудь чужое. Сколько было на него потрачено сил! Наконец, удалось увлечь его спортом. Несколько раз красиво забил гол, заметили, похвалили. Через некоторое время Саша стал незамеченным нападающим. За какой-то год вырос, посерьезнел, стал заводилой. Когда Егоров оканчивал восьмой выпускной класс, у воспитателей уже не было причин беспокоиться за его дальнейшую судьбу: у мальчишки выработались и характер твердый и воля. Но такая уж традиция в интернате — не оставлять бывших воспитанников, вот и колесит директорский «газик» по дорогам области.

На этот раз далеко ехать не пришлось: Саша Егоров учится в городском строительном училище. Хороший ученик, спортивный организатор. Преподаватели не нахвалятся.

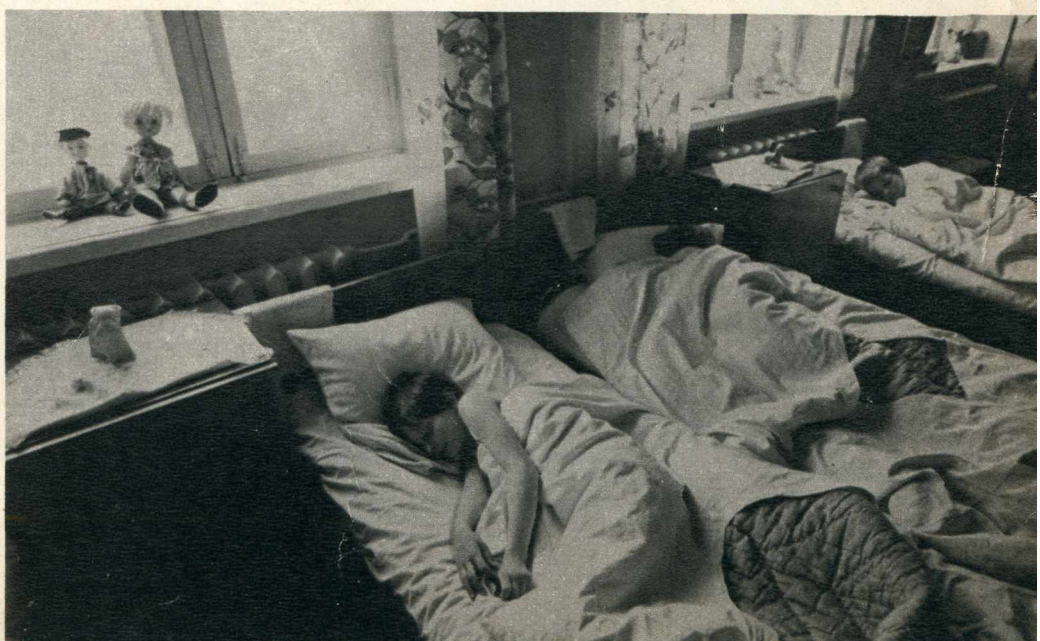
Владимир Николаевич Аверкин мечтает приблизить всю обстановку детского дома к домашней. Да, его ребята растут более закаленными, выносливыми, но им все же не хватает семейного тепла, уюта. Особенно скучают малыши и, подрастая, начинают понимать, что родители бросили их. А поняв, нередко отказываются встречаться с родственниками. Воспитатели, шефы, тот же Владимир Николаевич Аверкин стараются дать детям все то, что может дать здоровая, нормальная семья.

Отчаянный «бегун» Роман Лимонов.

Директор в обороне.

А снится дом, родной дом...

26-75

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

